

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Московский лингвистический журнал

Том 21

Moscow Journal of Linguistics

Volume 21

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

7

2019

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal

There are 10 issues of the journal a year.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

The journal is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

10.01.00 Literary Theory:

10.01.01 Russian literature

10.01.03 Foreign literature

10.01.08 Literary theory. Textology

10.01.09 Folkloristics

10.02.00 Linguistics:

10.02.14 Classical philology, Byzantine and Modern Greek Studies

10.02.01 Russian language

10.02.02 Languages of the Russian Federation

10.02.19 Theoretical linguistics

10.02.20 Historical-comparative, typological and contrastive linguistics

24.00.00 Cultural Studies:

24.00.01 Cultural history and theory

24.00.03 Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects

Goals of the journal: Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and cultural studies, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal: implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993

e-mail: msk.ling.j@gmail.com

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

10.01.00 Литературоведение:

10.01.01 Русская литература

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы. Текстология

10.01.09 Фольклористика

10.02.00 Языкознание:

10.02.14 Классическая филология, византийская и новогреческая филология

10.02.01 Русский язык

10.02.02 Языки народов Российской Федерации

(с указанием конкретного языка или языковой семьи)

10.02.19 Теория языка

10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание

24.00.00 Культурология:

24.00.01 Теория и история культуры

24.00.03 Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов

Цель журнала: Представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Электронный адрес: msk.ling.j@gmail.com

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

D.I. Antonov, Cand. of Sci. (History), assistant professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.M. Arkadiyev, Cand. of Sci. (Philology), Institute of Slavic Studies RAS/Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
(*deputy editor*)

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), Moscow State Integrated Art and Historical Architectural and Natural Landscape Museum-Reserve, Moscow, Russian Federation

L.V. Belovinskiy, Dr. of Sci. (History), professor, Moscow State Art and Cultural University, Moscow, Russian Federation

J.D. Clayton, Ph.D., University of Ottawa, Ottawa, Canada

Yu.V. Domanskiy, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, RAS corr. memb., Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.V. Gudkova, Dr. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russian Federation

I.I. Isaev, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.I. Kabakova, Dr. of Sci. (Philology), Université de Paris-Sorbonne, Paris, France

N.V. Kapustin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

V.I. Kimmelman, Ph.D., Bergen University, Bergen, Norway

A.A. Kholikov, Dr. of Sci. (Philology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

O.B. Khristoforova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

I.V. Kondakov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.Ye. Kreidlin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.I. Kulikov, Cand. of Sci. (Philology), Ghent University, Ghent, Belgium

M.N. Lipovetskiy, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Colorado, Boulder, USA

- D.M. Magomedova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- E.Yu. Protasova*, Dr. of Sci. (Pedagogy), University of Helsinki, Helsinki, Finland
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I. Rzepnikowska*, Dr. of Sci. (Philology), Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland
- J. Sadowski*, Dr. of Sci. (History), Jagellonian University, Kraków, Poland
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), assistant professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- Ya.G. Testelets*, Dr. of Sci. (Philology), assistant professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Togoyeva*, Dr. of Sci. (History), RAS Institute of General History, Moscow, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Yatsenko*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- G.I. Zvereva*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

Executive editor of the issue

P.M. Arkadiev, Cand. of Sci. (Philology) (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Д.И. Антонов, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П.М. Аркадьев, кандидат филологических наук, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, Московский государственный объединенный музей-заповедник, Москва, Российская Федерация

Л.В. Беловинский, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный институт культуры, Москва, Российская Федерация

Н.П. Гринцер, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Гудкова, доктор искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жетиковска, доктор филологических наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И.И. Исаев, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.И. Кабакова, доктор филологических наук, Университет Сорбонны, Париж, Франция

Н.В. Капустин, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация

В.И. Киммельман, PhD, Берген, Королевство Норвегия

Д.Д. Клейтон, доктор филологических наук, Оттавский университет, Оттава, Канада

И.В. Кондаков, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, Гентский университет, Гент, Королевство Бельгия
- М.Н. Липовецкий*, доктор филологических наук, профессор, Университет Колорадо Болдер, США
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.Ю. Протасова*, доктор педагогических наук, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндская Республика
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Я. Садовский*, доктор исторических наук, Ягеллонский университет, Краков, Республика Польша
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Тогоева*, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Яценко*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

П.М. Аркадьев, кандидат филологических наук (РГГУ)

Contents

<i>Editorial statement</i>	10
----------------------------------	----

Research articles

<i>S.S. Belousov</i> Grammaticalization and lexicalization of existential and possessive constructions in Hebrew	11
--	----

<i>K.A. Kozhanov</i> Caritive constructions in Romani dialects	33
---	----

<i>S.V. Lahuti</i> The content and functions of ‘unwan in letter structure in <i>Shah-nameh</i> by A. Ferdowsi	55
--	----

<i>Wang Meng, I.A. Sharonov</i> Pragmatic description of Russian proverbs composed of two infinitives	83
---	----

<i>E.G. Sokolova</i> Two echelons in the semantics of the Russian verbal aspect and their interaction with lexical meanings (illustrated by the verb <i>ugodit’ – ugozhdat’</i>)	101
--	-----

In memoriam

<i>R.I. Rozina</i> Elena Viktorovna Paducheva (26.09.1935 – 16.07.2019)	140
--	-----

Linguistic events

<i>A.V. Belova</i> The Indian Languages Festival (RSUH, April 28, 2019)	154
--	-----

Содержание

<i>От редакции</i>	10
--------------------------	----

Теоретические и описательные исследования

С.С. Белоусов

Грамматикализация и лексикализация экзистенциальных и посессивных конструкций в иврите	11
---	----

К.А. Кожанов

Каритивные конструкции в диалектах цыганского языка	33
---	----

С.В. Лахути

Содержание и функции унвана в структуре писем в «Шах-наме» А. Фирдоуси	55
---	----

Ван Мэн, И.А. Шаронов

Прагматическое описание русских пословиц с двойным инфинитивом	83
---	----

Е.Г. Соколова

Эшелонирование значений категории вида и их взаимодействие с лексическими значениями (на примере глагола <i>угодить – угождать</i>)	101
--	-----

In memoriam

Р.И. Розина

Елена Викторовна Падучева (26.09.1935 – 16.07.2019)	140
---	-----

Научная жизнь

А.В. Белова

Фестиваль языков Индии (РГГУ, 28 апреля 2019)	154
---	-----

*От редакции
«Московского лингвистического журнала»*

Начиная с 2019 г. «Московский лингвистический журнал» издает новая редакционная команда. Частично обновлена редакционная коллегия, создан неформальный редакционный совет; вместе они будут стремиться поддерживать и сохранять традиции журнала и заданный в предшествующие годы его высокий научный уровень, одновременно шагая в ногу со временем, отвечая на его вызовы и используя предоставляемые им возможности.

Мы выражаем глубочайшую признательность прежней редакционной команде, в первую очередь главному редактору «МЛЖ» в 2001–2018 гг. Сергею Иосифовичу Гиндину и секретарю редколлегии Наталье Георгиевне Семеновой и надеемся оправдать возложенные на нас надежды.

*От имени редакционной коллегии «МЛЖ»
П.М. Аркадьев*

Редакционная коллегия выпуска

П.М. Аркадьев (отв. ред., Ин-т славяноведения РАН/РГГУ), *А.М. Ивойлова* (секретарь, РГГУ), *О.И. Беляев* (МГУ/Ин-т языкознания РАН), *А.В. Дыбо* (Ин-т языкознания РАН/НИУ ВШЭ), *И.И. Исаев* (РГГУ), *В.И. Киммельман* (Бергенский университет, Норвегия), *М.Б. Коношенко* (РГГУ), *Н.А. Коротаев* (РГГУ), *Г.Е. Крейдлин* (РГГУ), *М.А. Кронгауз* (РГГУ/НИУ ВШЭ), *Л.И. Куликов* (Гентский университет, Бельгия), *С.А. Оскольская* (Ин-т лингвистических исследований РАН), *Б.Х. Парти* (Университет Амхерста, США), *О.Е. Пекелис* (РГГУ), *А.Ч. Питерски* (РГГУ/НИУ ВШЭ), *В.И. Подлеская* (РГГУ), *Е.Ю. Протасова* (Хельсинкский университет, Финляндия), *Р.И. Розина* (Ин-т русского языка РАН/РГГУ), *А.В. Сидельцев* (Ин-т языкознания РАН/РГГУ), *Н.А. Слюсарь* (НИУ ВШЭ/СПбГУ), *Н.Р. Сумбатова* (РГГУ), *Я.Г. Тестелец* (РГГУ/Ин-т языкознания РАН), *А.Б. Шлуинский* (Ин-т языкознания РАН)

УДК 811.411.16

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-7-11-32

Грамматикализация и лексикализация экзистенциальных и посессивных конструкций в иврите

Сергей С. Белоусов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Институт стран Азии и Африки, Москва, Россия, mail@serbel.ru*

Аннотация. На протяжении нескольких десятилетий грамматики отмечают, что экзистенциальные показатели в разговорном иврите могут встречаться в нехарактерных для них синтаксических контекстах, а именно в сочетании с показателем определённого прямого дополнения. Предлагаемое объяснение этого – лексикализация данных единиц и, шире, экзистенциальных конструкций и построенных на их основании конструкций владения, заключающаяся в образовании в иврите глагола со значением владения по образцу классических европейских глаголов типа *have*. Это позволяет по-новому взглянуть на иврит, традиционно считающийся не *have*-языком.

Ключевые слова: *have*-язык, грамматикализация, иврит, лексикализация, посессивные конструкции, экзистенциальные конструкции

Для цитирования: Белоусов С.С. Грамматикализация и лексикализация экзистенциальных и посессивных конструкций в иврите // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 7. С. 11–32. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-7-11-32

Grammaticalization and lexicalization of existential and possessive constructions in Hebrew

Sergei S. Belousov

*Lomonosov Moscow State University, Institute of Asian
and African Studies, Moscow, Russia, mail@serbel.ru*

Abstract. Usually Modern Hebrew is considered to be a non-*habere* language. Standard Hebrew requires a dative possessor, an existential “particle” (or a copula), and a possessee subject, whereas in colloquial language there exists a modified possessive construction. In fact this construction resembles in its structure the Standard Average European “*habere*-possessive” construction, since it consists of a dative possessor, a predicate-like marker (the former morphologized “particles” and copula), and a direct object as a possessee. It is suggested that the new construction is a result of a grammaticalization process, and that the latest forms found in the colloquial speech and in the Internet may even demonstrate lexicalization features.

Keywords: *have*-language, grammaticalization, Hebrew, lexicalization, existential constructions, possessive constructions

For citation: Belousov, S.S. (2019), “Grammaticalization and lexicalization of existential and possessive constructions in Hebrew”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philology. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 11-32, DOI: 10.28995/2686-7249-2019-7-11-32

1. Введение

Одна из характерных черт разговорного иврита – употребление экзистенциальных показателей в сочетании с маркером прямого дополнения в посессивных контекстах, чего не допускает нормативная грамматика. В качестве первого примера многие исследователи с незначительными изменениями приводят ситуацию обладания книгой. Повторим её и мы:

- (1) (разг.)
yeš **li** **et** **ha-séfer** **ha-zé.**
 EXIST DAT.1SG ACC DEF-книга.SG.M DEF-DEM.SG.M
 ‘У меня есть эта книга.’ ср.: [Rubin 2005, p. 60; Halevy 2013, p. 710; Ziv 2013]¹

¹ Сокращения: 1 – 1-е лицо или личное местоимение 1-го лица, 2 – 2-е лицо или личное местоимение 2-го лица, 3 – 3-е лицо или личное местоимение 3-го лица, ACC – показатель определённого прямого дополнения,

Как и многие другие отклонения от нормативной грамматики, это явление позволяет наблюдать протекающие в живом языке процессы. Нам представляется, что речь идёт о переходе экзистенциальных и посессивных конструкций в новый статус, а именно – в предикат владения, нехарактерный для иврита как языка, традиционно не относящегося к *have*-типу (как и большинство других семитских языков [Rubin 2005, p. 30]), т. е. не имеющему в классической своей форме предиката со значением обладания. Это предположение подтверждается фонологическими, морфологическими и синтаксическими данными.

Собственно данное предположение не является новым: иврит назывался *have*-языком (или *habere-language*) и раньше [Rubin 2005, p. 60; Zuckermann 2009, p. 51–52]², однако это объяснялось одним лишь влиянием европейских языков (прежде всего идиша³) [Ziv 1976, p. 141; Zuckermann 2009, p. 52], тогда как причину, как будет показано в настоящей статье, следует искать прежде всего в структуре самого иврита.

Чтобы перейти к разбору непосредственно актуальных явлений, необходимо прежде рассмотреть классические употребления экзистенциальных и посессивных показателей, ведь отклонения в разговорном языке, дающие толчок развитию грамматики, проще всего увидеть в противопоставлении литературной норме.

SOP – глагол *hayá* (глагол-связка), CSTR – сопряжённое состояние, DAT – дативный показатель (предлог *le*), DEF – определённый артикль, DEM – указательное местоимение, EXIST – положительный экзистенциальный показатель, F – женской род, FUT – будущее время, INF – инфинитив, M – мужской род, NEG – отрицание, NEXIST – отрицательный экзистенциальный показатель, ORD – порядковое числительное, PL – множественное число, POSS – показатель принадлежности, PRF – перфектив (в библейском иврите), PST – прошедшее время, PTCP – причастие (форма настоящего времени), SG – единственное число, SUB – субъект

² В отличие от [Berman 1997, p. 329] и [Halevy 2013, p. 710], утверждающих, что иврит не относится к числу *have*-языков.

³ Как указывается в [Zuckermann 2009, p. 52], «наиболее распространённая форма [выражения обладания в идише] – *(i)kh (h)ob*, букв. ‘Я имею’, которая требует прямого дополнения (винительного падежа)». Вместе с тем, как отмечает рецензент, влияние этого языка следует признать маловероятным, поскольку в идише падеж существительных маркируется только кумулятивно с выражением определённости в артикле [Kahn 2015, p. 672–674], что снижает число контекстов, в которых посессивная конструкция могла бы быть подобна наблюдаемой в разговорном иврите и которые могли бы оказать влияние на её развитие.

2. Экзистенциальные показатели

В современном иврите имеются два экзистенциальных показателя, функционирующих в контекстах настоящего времени, – положительный *yeš* ‘есть’ (EXIST) и отрицательный *en* ‘нет’ (NEXIST).

Частеречная принадлежность их условна. В работе [Коган, Лёзов 2009, с. 363] *yeš* называется «предикатом существования», а *en* – «отрицательным экзистенциальным словом» [Коган, Лёзов 2009, с. 347]. В западной литературе они называются «(invariable) particle» [Berman 1997, p. 329; Ziv 2013], хотя бывают и сравнительно маргинальные случаи, когда *yeš* и *en* признаются глаголами [Glinert 1989, p. 179]. Х. Розен предлагал называть их вербоидами [Rosén 1957, p. 214]. Рассмотрим доводы в пользу разных точек зрения.

С одной стороны, *yeš* и *en* в исходной своей форме – то есть в большинстве случаев – неизменяемы. С другой стороны, в литературном языке они способны принимать притяжательные местоименные суффиксы, посредством которых согласование по роду и числу с субъектом всё-таки происходит:

(2)	<i>be-maaréxet</i> в-система.CSTR.SG.F	<i>ha-bitaxón</i> DEF-безопасность.SG.M	<i>yeš-nám</i> EXIST-3PL.M
-----	---	--	-------------------------------

<i>xiluké</i> деление.CSTR.PL.M	<i>deót</i> мнение.PL.F	<i>szív</i> вокруг
------------------------------------	----------------------------	-----------------------

<i>ha-réka</i> DEF-фон.SG.M	<i>la-takrít.</i> DAT.DEF-инцидент.SG.F
--------------------------------	--

‘В системе безопасности есть (= имеются) разногласия насчёт причины инцидента.’ [https://www.haaretz.co.il/news/politics/1.6553125 (2018)]

Также зафиксировано и отрицательное *en* с суффиксом в контекстах настоящего времени:

(3)	<i>en-xá</i> NEXIST-POSS.2SG.M	<i>yodéa</i> знать.PTCP.SG.M
-----	-----------------------------------	---------------------------------

‘ты не знаешь’ [Д. Шахар, «Сон в ночь таммуза» (1988)]

Тем самым *yeš* и *en* приобретают характеристики типичной связки [Rubin 2005, p. 44], хотя суффикс, как правило, является лишь стилистически обусловленным элементом и может опускаться без ущерба для содержания.

С третьей – *yeš* и *en* находятся в отношениях дополнительной дистрибуции с глаголом הָיָה *hayá* ‘быть’ (COP), встречающимся в будущем и прошедшем времени, то есть заполняют позицию сказуемого. Следовательно, они «демонстрируют и глагольные, и именные свойства» [Ziv 2013] и не могут потому считаться полноценными служебными единицами.

Продолжим называть *yeš* и *en* (предикативными) показателями или единицами.

3. Экзистенциальные конструкции

Схематично экзистенциальные конструкции литературного иврита можно изобразить следующим образом:

(4) [[(N)EXIST] / [(NEG) + COP]] + SUB].

Обычно экзистенциальные показатели употребляются в контекстах настоящего времени при имени (как правило, неопределённом):

(5) *bi-sderót* *bernadót*, *matáš* *lyád*
в-аллея.CSTR.PL.M Бернадот прямо около

ha-taxaná *ha-merkazít*,
DEF-станция.SG.F DEF-центральный.SG.F

yéš *xór* *ba-kír*.
EXIST дыра В.DEF-стена

‘На бульваре Бернадота, прямо около центрального автовокзала, есть дырка в стене.’ [Э. Керет, «Дырка в стене» (1994)]

(6) *ve-yéš* *makóm* *nidáx* *al*
и-EXIST место.SG.M дальний.SG.M на

gdót *eyzé* *náxal* *acél*...
берег.PL.CSTR какой.SG.M ручей.SG.M ленивый.SG.M

‘И есть богом забытое место на берегу какого-то лениво бегущего ручья <...>.’ [А. Оз, «Тронуть воду, тронуть ветер» (1973)]

(7) – *yéš* *bixlál* *óyster?* – *én* *óyster*.
EXIST вообще устрица.SG.M NEXIST устрица.SG.M
‘– Есть вообще [такое слово –] «устрицы»? – Не бывает никаких устриц.’ [Х. Левин, «Шўстер» (1972)]

- (8) *í* *ló* *ohévet* *rá'aš*
 3SG.F NEG любить.PTCP.SG.F шум.SG.M
- ba-šī'urím,* *kól* *exád* *omér*
 V.DEF-урок.PL.M каждый один.М сказать.PTCP.SG.M
- milá* *axát –* *u-xvár* *én* *šéket*
 слово.SG.F один.F и-уже NEXIST тишина.SG.M
- u-xše-én* *šéket –* *kašé*
 и-когда-NEXIST тишина.SG.M трудно
- lehavín* *má* *ha-moré* *omér!*
 понимать.INF что DEF-учитель.SG.M сказать.PTCP.SG.M
- ‘Она не любит шум на уроках: каждый говорит по слову – и уже нет тишины, а когда нет тишины, трудно понять, что говорит учитель!’ [А.Л. Полян, Л.Д. Шор, «Хрестоматия для изучающих иврит» (2015)]

В прошедшем и будущем времени экзистенциальные конструкции устроены несколько иначе: вместо рассматривавшихся выше единиц используется глагол *hayá* ‘быть’ (при необходимости – с отрицанием), который согласуется с субъектом в роде и числе:

- (9) *yacáti* *el* *ha-mitbáx.* *ba-xalón*
 выходить.PST.1SG к DEF-кухня.SG.M V.DEF-ОКНО.SG.M
- hayú* *vilonót* *kxulím*
 COP.PST.3PL штора.PL.M голубой.PL.M
- ‘Я вышла на кухню. На окне были голубые шторы.’ [А. Оз, «Мой Михаэль» (1968)]
- (10) *uláu* *yihyé* *córex* *be-šinuým.*
 возможно COP.FUT.3SG.M нужда.SG.M в-изменение.PL.M
- ‘Может, нужно будет что-то исправить.’ [Б. Таммуз, «Швея» (1979)]

Сравните наличие согласования в прошедшем и будущем времени и его отсутствие в случае перевода отрывков примеров в настоящее время:

- (9') *hayú* *vilonót* → *yeš* *vilonót*
 COP.PST.3PL штора.PL.M EXIST штора.PL.M
- были шторы есть шторы

- (10') *yihyé* *córex* → *yeš* *córex*
 COP.FUT.3SG.M нужда.SG.M EXIST нужда.SG.M
 будет необходимость есть необходимость

Это сравнение позволяет сделать следующий вывод: экзистенциальные показатели фактически занимают в предложении позицию сказуемого, что является первым шагом к их дальнейшей грамматикализации.

4. Посессивные конструкции

Экзистенциальные показатели могут участвовать в образовании посессивных конструкций посредством добавления обладателя с дативным показателем *le-*:

- (11) – *yeš* *lexá* *mitriyá* *ba-báyit?*
 EXIST DAT.2SG.M зонтик.SG.F V.DEF-ДОМ
 – *nidmé* *lí* *še-kén.*
 казаться.PTCP.SG.M DAT.1SG что-да
 ‘– У тебя есть дома зонтик? – Мне кажется, что да.’ [А. Милн, «Винни-Пух»; перевод на иврит Д. Мишара⁴ (2003)]

- (12) *le-dimyoní_i* *še-en* *lo_i* *gvúl...*
 к-воображение:POSS.SG.M что-NEXIST DAT.3SG.M граница.SG.M
 ‘В согласии с моим воображением, у которого нет границы...’ (‘Моей причудливой мечты...’) [А.С. Пушкин, «Руслан и Людмила»; перевод на иврит А. Бендерски (2002)]

В контекстах прошедшего и будущего времени, подобно экзистенциальным конструкциям, используется глагол *hayá* ‘быть’, согласующийся с обладаемым объектом:

- (13) *haytá_i* *lah* *eyzó* *netiyá_i*
 COP.PST.3SG.F DAT.3SG.F какой.SG.F склонность.SG.F
lehištaméš *be-milim* *xagigiyyót.*
 пользоваться.INF в-слово.PL.F торжественный.PL.F
 ‘У неё [у Луны Бланк] была какая-то склонность пользоваться торжественными словами.’ [А. Оз, «Король Норвегии» (2010)]

⁴ Точное прочтение фамилии выяснить не представляется возможным.

Впрочем, ключевым в посессивной конструкции следует признать именно датив, потому что в литературном иврите возможны употребления без экзистенциальной единицы или глагола-связки:

- (14) *gufó* *šél* *ha-sús* *nosé*
 тело:POSS.3SG.M POSS DEF-конь.SG.M носитель.CSTR.SG.M
- ha-paráš* *me'ucáv* *be-signón*
 DEF-всадник оформленный.SG.M в-стиль.SG.M
- sxemáti* *ve-ló* *ragláyim* *yešarót...*
 схематический.SG.M и-DAT.3SG.M нога.PL.F прямой.PL.F
- ‘Фигура коня наездника выполнена схематически, у него [коня] прямые ноги⁵...’ [Д. Меворах, «Дары Тamar и Тедди Коллек Музею Израиля» (1990)]

Способность датива самостоятельно образовывать посессивные конструкции отмечена в библейском иврите и является характерной чертой семитских языков вообще [Rubin 2005, p. 59]⁶.

Подводя промежуточные итоги, рассмотрим употребление (N)EXIST в экзистенциальной и посессивной функциях в пределах одного предложения:

- (15) *én* *kim'át* *safá* *ve-tarbút* *še-én*
 NEXIST почти язык.SG.F и-культура.SG.F что-NEXIST
- lahén* *ve-lú* *éliš* *axát* *u-ve-xamá* *girsá'ót.*
 DAT.3SG.F и-пусть Алиса.SG.F один.F и-в-несколько версия.PL.F
- ‘Практически нет языка или культуры, у которых не было бы хотя бы одной⁷ «Алисы» в нескольких вариантах.’ [Р. Литвин, «Возвращая “Алису” к её естественному размеру»]

Первое употребление *en* в экзистенциальной функции, второе – в посессивной. То же в прошедшем времени:

⁵ Сравните русское [?]*у него есть* прямые ноги vs. ^{ок}*у него* прямые ноги.

⁶ Отметим здесь, что связь датива с посессивными конструкциями подтверждается шире и типологическими данными, согласно которым датив может участвовать в образовании «N-possessive» [Heine, Kuteva 2004, p. 105], т. е. конструкций владения по типу европейских *have*-глаголов.

⁷ Имеются в виду две сказки Л. Кэрролла.

- (16) *kán,* *ba-šikún,* *haytá* *le-imí_j*
 здесь B.DEF-квартиле COP.PST.3SG.F DAT-мать:POSS.SG
- giná_i* *ktaná* *ve-hi_j* *hiškía* *báh_j*
 сад.SG.F маленький.SG.F и-3SG.F вкладывать.PST.3SG.F B.3SG.F
- et* *kól* *ha-yéda* *ve-ha-gagu'ím* *še-hayú*
 ACC весь DEF-знание.SG.M и-DEF-тоска.SG.M что-быть.PST.3PL
- báh_j* *la-émek,* *la-adamá*
 B.3SG.F DAT.DEF-долина.SG.M DAT.DEF-земля.SG.F
- ve-la-xakla'út.*

и-DAT.DEF-земледелие.SG.F

‘Здесь, в квартале, у моей мамы был маленький садик, и она вкладывала в него все свои знания и тоску, которая только была у неё по долине, по земле и по земледелию.’ [М. Шалев, «Дело было так» (2009)]

Первое употребление *hayá* в посессивной функции, второе – в экзистенциальной (локативной).

5. Маркирование прямого дополнения

Если не учитывать сравнительно редкие явления типа форм аллатива, в иврите практически отсутствует синтетическое падежное маркирование. При этом синтаксис характеризуется дифференцированным маркированием объекта, то есть предполагает маркирование при помощи показателя \aleph *et* (ACC)⁸ грамматически определённых прямых дополнений, то есть либо а) именных конструкций с артиклем (*h*)*a*- или с притяжательным суффиксом (сюда также относятся конструкции с вершинным маркированием, где определённость выражается только при последнем слове в цепочке, как в (18) или (25)), либо б) имён собственных⁹.

Данное синтаксическое явление занимает прочное положение в языке и имеет долгую историю: маркирование определённых

⁸ Здесь снова возникает вопрос о частеречной принадлежности частицы (или предлога [Abadi 2012, p. 189]): в грамматике иврита от *et* образуются аккузативные формы, аналогичные русским личным местоимениям в винительном падеже, что роднит *et* с предлогами. Как и в случае *yeš* и *en* выше, оставим вопрос открытым.

⁹ Также *et* принято использовать при местоимении *ze* DEM.SG.M ‘этот’ независимо от наличия артикля.

объектов маркером *et* было неотъемлемой частью грамматики ещё библейского иврита:

- (17) *bə-rēšīt* *bārāp* *ʔēlohīm* *ʔēt* *haššāmáyim*
 в-начало сотворить.PRF.3SG.M Бог ACC DEF.небо.PL.M
və-ʔēt *hā-ʔāreš*
 и-ACC DEF-земля.SG.M
 ‘Сначала Бог создал небеса и земную твердь.’ [Библия, Бытие 1: 1]

Корректным с точки зрения нормативной грамматики является следующее предложение современного иврита:

- (18) *hú* *her’á* *li* *et* *mixtáv*
 3.SG показать.PST.3SG.M DAT.1SG ACC ПИСЬМО .CSTR
a-tšuvá *šel* *sávta*
 DEF-ответ POSS бабушка
 ‘Он показал мне ответное письмо бабушки.’ [М. Шалев, «Русский роман» (1988)]

Как было сказано выше, определённости прямого объекта может быть выражена и отличным от артикля способом, например именем собственным или формой с притяжательным суффиксом:

- (19) *be-xol* *ha-parašá* *ašémím* *ha-špígelim*,
 в-весь DEF-история.SG.F виноватый.PL.M DEF-Шпигель.PL.M
še-hizmínu *et* *már* *grinbuter*
 что-приглашать.PST.3PL ACC господин Гринбутер
la-aruxát *érev* *bediyúk* *be-yóm* *xamišít...*
 к-трапеза.CSTR.SG.F вечер.SG.M именно в-день.SG.M пятый.ORD.SG.M
 ‘Во всей этой истории виноваты Шпигели, которые пригласили господина Гринбутера на ужин именно в четверг.’ [Э. Кишон, «Светлая память праведнику» (1961)]

При всём многообразии наблюдаемых в разговорном иврите отклонений от нормы, употребление *et* последовательно соблюдается носителями языка¹⁰.

¹⁰ Однако *et* может и опускаться, прежде всего перед суффиксальными формами, в текстах высокого регистра, как можно видеть в библейской поэзии (А.Л. Полян, личное сообщение).

6. Нарушения нормы в разговорном языке

Как уже говорилось выше, в разговорном иврите показатели *yeš* и *en* в контекстах настоящего времени, а также соответствующий им глагол *hayá* 'быть' в контекстах прошедшего и будущего, образуют экзистенциальные и посессивные конструкции с маркированием существующего или обладаемого как прямого дополнения, а не субъекта, как прежде. Данный процесс не является чем-то уникальным, а свойствен многим языкам [Givón 2001, p. 135].

Примеры экзистенциальных конструкций:

- (20) *aní* *kosém* *ve-ba-argáz* *yéš* *et*
1.SG фокусник.SG.M и-В.DEF-ящик.SG.M EXIST ACC

ha-ciyúd *šelí.*
DEF-снаряжение.SG.M POSS.1SG
'Я фокусник, а в сундуке [есть] моё снаряжение.' [Э. Керет, «Аврам Кадабрам» (1994)]

- (21) *zé* *taalix* *aróx.* <...> *be-spórt* *én*
DEM.SG.M процесс.SG.M длинный.SG.M В-спорт.SG.M NEXIST

et *a-zmán* *a-zé.*
ACC DEF-время DEF-DEM.SG.M
'Это долгий процесс. <...> В спорте же этого запаса времени нет.'
[<https://www.calcalist.co.il/sport/articles/0,7340,L-3745516,00.html> (2018)]¹¹

- (22) (разг.)
yeš *et* *ha-séfer* *ha-zé* *ba-sifriyá.*
EXIST ACC DEF-книга.SG.M DEF-DEM.SG.M В.DEF-библиотека.SG.F
'Эта книга есть в библиотеке.' [Ziv 2013]

- (23) (разг.)
tamid *yeš* *et* *a-efékt*
всегда EXIST ACC DEF-эффект.SG.M
'Всегда есть эффект.' [Ziv 2013]

¹¹ Здесь и далее в случае транскрибирования разговорной речи в глаголе *hayá* опускается [h] в соответствии со стандартным произношением.

- (24) (разг.)
áz... *etmól* *ayá* *et*
 тогда вчера COP.PST.3SG.M ACC
tékes *prase* *a-oskár!*
 церемония.CSTR.SG.M приз.CSTR.PL.M DEF-Оскар
 ‘Итак... вчера была церемония вручения премии «Оскар»!’ [https://www.facebook.com/shelaviva/posts/1044063532303897 (2016)]

Посессивные конструкции образуются закономерно с дативными формами:

- (25) (разг.)
ba-sipúr *a-rišón* (*mélex* *norvégya*)
 V.DEF-рассказ.SG.M DEF-один.ORD.SG.M царь.CSTR.SG.M Норвегия
yés *lánu* *et* *dmút*
 EXIST DAT.1PL ACC образ.CSTR.SG.F
a-ravák *a-miskén*
 DEF-холостяк.SG.M DEF-несчастный.SG.M
 ‘В первом рассказе («Король Норвегии») мы имеем образ несчастного холостяка.’ [https://www.motke.co.il/index.php?idr=440&v=19&pid=177226 (2016)]

- (26) (разг.)
én *li* *et* *kol* *ha-yóm* *itax*
 NEXIST DAT.1SG ACC весь DEF-день.SG.M с.2SG.F
 ‘У меня нет на тебя целого дня.’ [Д. Гроссман, «С кем бы побегать» (2000)]

Аналогично и в контекстах прошедшего и будущего времени:

- (27) (разг.)
océti *albóm* *rišón* *lifné*
 выпускать.PST.1SG альбом.SG.M первый.ORD.SG.M перед
asór, *ve-meáz* *ló* *aytá* *li*
 десяток.SG.M и-с_тех_пор NEG COP.PST.3SG.F DAT.1SG
et *a-beerá* *a-zót* *leikanés*
 ACC DEF-жжение.SG.F DEF-DEM.SG.F войти.INF
le-ulpán *ve-lehakil*
 DAT-студия и-записывать.INF

‘Я выпустила первый альбом десять лет назад, и с тех пор у меня не было этого неудержимого желания пойти в студию и начать записывать.’ [<https://www.israelhayom.co.il/article/578911> (2018)]

(28) (разг.)

ím *ló* *yiyú* *li* *et* *a-gzulót*
если NEG COP.FUT.3PL DAT.1SG ACC DEF-граница.PL.M

a-éle *ve-ló* *aclíax* *lišmór* *al*
DEF-DEM.PL и-neg преуспеть.FUT.1SG беречь.INF на

a-anaším *a-yekarím* *li*, *ló*
DEF-человек.PL.M DEF-дорогой.PL.M DAT.1SG NEG

uxál *lisoród* *ba-olám.*
мочь.FUT.1SG выжить.INF B.DEF-мир.SG.M

‘Если у меня не будет этих границ и я не смогу сохранить дорогих мне людей, я не выживу.’ [<http://www.yediot.co.il/articles/0,7340,L-5307333,00.html> (2018)]

С одной стороны, в примерах текущего раздела происходит нарушение литературной нормы в плане образования конструкций (бывший субъект реинтерпретируется как объект). С другой стороны, парадоксальным образом наследуется согласование нового объекта по роду со сказуемым (форма женского рода *aytá*).

Рассмотренные примеры отражают один из первых этапов грамматикализации классической посессивной конструкции, на котором связка ещё изменяется, однако уже употребляется с прямым дополнением. Следующий этап – ситуация, когда бывшая связка, попадая в посессивные конструкции нового типа, становится неизменяемой:

(29) (разг.)

lo *ayú* *la* *et* *a-sfarím* *a-éle*
NEG COP.PST.3SG.M DAT.3SG.F ACC DEF-книга.PL.M DEF-DEM.PL
‘У неё не было(SG) этих(PL) книг(PL)’. [Givón 2001, p. 135 (ex. 85)]

Интересно, что примеры потери согласования можно найти и в литературном языке, например в ситуации, когда редактор допустил нарушение согласования по числу¹²:

¹² Либо возможно, что здесь наблюдается согласование по первому конъюнкту (П.М. Аркадьев, редакторское замечание к статье).

- (30) *hayá* *lo* *cinór* *še'ivá*
 COP.PST.3SG.M DAT.3SG.M труба.CSTR.SG.M всасывание.SG.F
- šaxór* *ve-gamiš* *avé* *ve-aróh,*
 чёрный.SG.M и-гибкий.SG.M толстый.SG.M и-длинный.SG.M
- ve-xol* *miné* *raším...*
 и-всякий.CSTR ВИД.PL.CSTR ГОЛОВА.PL.M
- ‘У него была труба для всасывания «чёрная и гибкая, широкая и длинная» и всевозможные насадки...’ [М. Шалев, «Дело было так» (2009)]

В данном примере два однородных подлежащих: труба и всевозможные насадки, однако глагол-связка представлен в форме 3SG.M.

В примерах (29)–(30) видно, что связка подвергается морфологизации (см. [Майсак 2005, с. 48]) – процессу, часто сопутствующему грамматикализации. Согласно наблюдениям Гивона, явление это вероятнее встретить в рамках посессивных конструкций с определённым объектом, а в ситуации неопределённости согласование скорее сохраняется (см. [Givón 2001, p. 193] и его примеры (44a–d) там же). Возможность использования нейтральной формы связки (т. е. 3SG.M) в отсутствие определённого объекта подвергается сомнению и в работе [Glinert 1989, p. 149], однако как примеры выше, так и следующий пример опровергают данное утверждение:

- (31) (разг.)
ba-atíd *a-raxók...* *ló* *yiyé*
 V.DEF-будущее.SG.M DEF-далёкий.SG.M NEG COP.FUT.3SG.
- evdelím* *bén* *robótím* *u-vné* *adám.*
 различие.PL.M между робот.PL.M и-сын.CSTR.PL.M человек.SG.M
 ‘В далёком будущем <...> не будет различий между роботами и людьми.’ [https://www.calcalist.co.il/internet/articles/0,7340,L-3684057,00.html (2016)]

Таким образом, структура посессивных конструкций в разговорном языке на данном этапе представляется следующей:

- (32) (разг.)
 [[(N)EXIST / COP.SG.M] + DAT + ACC + (DEF) + OBJ]

Это вполне совпадает со схемой, представленной в [Дрейер 2009, с. 407].

Если рассмотреть случай прономинального объекта, обнаружится, что иврит отдаёт предпочтение именно новому типу посессивных конструкций и зачастую не позволяет интерпретировать ситуацию как экзистенциальную с дативом:

- (33) (разг.)
yiyé *lánu* *otó* *bekaróv*
 COP.FUT.3SG.M DAT.1PL ACC.3SG.M вскорее
 ‘Он скоро у нас будет.’ [Glinert 1989, p. 180 (ex. 2)]

Тогда как следующий пример невозможен:

- (34) * *yiyé* *lánu* *hú* *bekaróv*
 COP.FUT.3SG.M DAT.1PL 3SG.M вскорее
 [Glinert 1989, p. 180 (ex. 4)]

Получается, что иврит склонен интерпретировать экзистенциальные конструкции через посессивную конструкцию (аналогично немецкому *es gibt*, также требующему винительного падежа).

7. Иврит как have-язык

Р. Берман утверждает, что «Modern Hebrew is a non-*habere* language» [Berman 1997, p. 329]; того же мнения придерживается и [Halevy 2013, p. 710], описывая синтаксис иврита как литературного языка. Однако рассмотренные нами примеры говорят об обратном: в современном разговорном иврите имеется конструкция владения, устроенная похожим на классические посессивные конструкции в европейских языках образом, хотя и с тем отличием, что в иврите посессор не является подлежащим. При этом, как осторожно замечает Хайне, «определённое обладаемое разговорного иврита реинтерпретировалось как не-субъект, если не сказать прямой объект, тогда как обладатель принял черты субъекта» [Heine 1997, p. 112–113]. Типологически это не редкое явление: «Во многих языках экзистенциальные показатели и ‘have’ имеют одну и ту же форму» [Freeze 1992, p. 580], что представлено и в современном иврите. Изменение это не было мгновенным: ещё в [Ziv 1976, p. 144] указывалось, что в посессивных конструкциях наблюдается постепенный процесс «грамматической реинтерпретации», то есть, проще говоря, грамматикализации.

Рассматриваемая ситуация не уникальна для иврита. Подобные явления зафиксированы в родственных семитских языках. Так, в работе [Rubin 2005, p. 59–60] отмечается возможность выраже-

ния в классическом арабском принадлежности при помощи дативного предлога, а в сирийском посессивную конструкцию образуют дативный предлог в сочетании с экзистенциальной частицей; там же на примере нескольких эфиопских языков демонстрируется грамматикализация экзистенциальных частиц с глагольными объектными суффиксами в качестве глагола со значением обладания. Если взять более широкий языковой материал, то случаи образования как посессивных конструкций из экзистенциальных, так и обратные ситуации¹³ являются распространённым явлением в языках мира [Heine, Kuteva 2004, p. 127–128].

Грамматикализация – процесс, которому сопутствует ряд частных изменений, в том числе морфологизация элементов (рассматривалось выше в связи со связкой) и фонетические изменения, зачастую – «сокращение материала», то есть «утрата фонем или целых слогов, ослабление просодических характеристик и т. п.» [Майсак 2005, с. 49]. Неудивительно обнаружить и эти черты в иврите.

В качестве введения к дальнейшему рассуждению заметим, что предлог *le* в иврите является префиксом. В оригинальной графике он даже пишется слитно с последующим словом: לַדַּנְיֵאל *ledaniél*, букв. ‘кДаниэлю / уДаниэля’. В формах с персональными суффиксами (соответствующих косвенным падежам личных местоимений в русском языке) *le* чаще всего является акцентно несамостоятельной и слабоотделимой единицей, в результате чего появляются формы спряжения с одновременным выражением субъекта и косвенного дополнения:

(35) <i>natáti-lo</i>	<i>et</i>	<i>a-séfer</i>
дать.PST.1SG.DAT=3SG.M	ACC	DEF-книга.SG.M
букв. ‘Я-дал-ему книгу.’		

В ситуации эмпазы (36) или при противопоставлении (37) возможны и ударные формы:

(36) <i>natáti</i>	<i>et</i>	<i>a-séfer</i>	<i>ló.</i>
дать.PST.1SG	ACC	DEF-книга.SG.M	DAT.3SG.M
‘Я дал книгу [именно] ему.’			

¹³ Любопытно, что *yéš* как экзистенциальный показатель в иврите сам предположительно является результатом грамматикализации в подобном «обратном» направлении, то есть «‘To have’ > Existential» [Rubin 2005, p. 61].

- (37) *ló* *natáti* *et* *a-séfer*,
 DAT.3SG.M дать.PST.1SG ACC DEF-книга.SG.M
ve-lax – *méa* *šékel*.
 и-DAT.2SG.F 100 шекель.SG.M
 ‘ему я дал книгу, а тебе – сто шекелей.’

Поэтому дальнейшая морфологизация дативного предлога в качестве аффикса с кумулятивным выражением падежного значения и лица не является неожиданным искажением нормы. Этот процесс можно наблюдать в том числе на фонологическом уровне:

- (38) (разг.)
 – *káma* *zmán* *yéšli?*
 сколько время.SG.M EXIST:DAT.1SG
 – *yéšxa* *zmán*, *teragá*,
 EXIST:2SG.M время.SG.M успокоиться.FUT.2SG.M
yéšxa *zmán*.
 EXIST:2SG.M время.SG.M

(Ситуация: гадюка кусает дикобраза) ‘– Сколько у меня ещё времени? – У тебя есть время, успокойся, время есть.’ [Мультфильм «Pinat lituf. Efi makiš et Armond» / <https://www.mako.co.il/tv-erez-nehederet/season11-nir-gali> (2014)]

В этом примере актёр озвучки отчётливо произносит *yéš lexà* как *yéšxa* с ассимиляцией *l*. С другими суффиксальными формами предлога характерных примеров фонетических изменений обнаружить не удалось, однако и одной этой формы достаточно, чтобы можно было утверждать, что процесс грамматикализации проходит с изменениями на разных языковых уровнях.

Любопытно, что в субтитрах к примеру (38) – вопреки произношению – приведено как раз разделённое написание לֵךְ שׁ , соответствующее звучанию *yéš lexà*, что является своего рода орфографической «самоцензурой». Однако в некоторых случаях изменение отражается и в графике, т. е. конструкции [[(N)EXIST] + DAT] (и, гораздо реже, на уровне погрешности, [COR + DAT]) пишутся как одно слово¹⁴. Иными словами, *le* графически становится

¹⁴ Ситуация для иврита не уникальна: уже распространено слитное написание *et a-* DEM DEF- как кумулятивного показателя определённости и аккузатива [ACC.DEF], отражающее и фонетическое изменение *et a-* → *ta-*: $\text{אֶת הַסֵּפֶר} \rightarrow \text{תַּסְפֵּר}$ или даже תַּסְפֵּר *ta-séfer* ACC.DEF-книга.SG.M. Аналогичные изменения зафиксированы ещё во II веке нашей эры в письмах Бар-Кохбы.

подобен аффиксу. Это происходит и в случае сохранения согласного [l], и при его ассимиляции:

- (39) (разг.)
*yéšli*¹⁵ *et* *a-beayá* *a-zót* *tamid.*
 EXIST:1SG.M ACC DEF-проблема.SG.F DEF-DEM.SG.F всегда
 ‘У меня всегда есть эта проблема.’ [https://www.fxp.co.il/showthread.php?t=6211299 (2010)]

- (40) (разг.)
méir, *yéšxa*¹⁶ *et* *zé* *be-anák.*
 Меир EXIST:2SG.M ACC DEM.SG.M В-ГИГАНТ
 ‘Меир, ты большой мастер (букв. у тебя это есть много).’ [http://www.shturem.net/index.php?mod=print§ion=news&id=27321 (2008)]

Иногда пишущий осознаёт, что в отношении сокращения по типу (40) ещё нет полного согласия среди пишущих, и ставит *geresh* – символ, аналогичный апострофу, указывающий на сокращение слова: ך״שׁ или ך״שׁ (см. также сноску 13).

Аналогично с негативным показателем:

- (41) (разг.)
*énli*¹⁷ *kóax* *legaléax* *yotér.*
 NEXIST:1SG.M сила.SG.M брить. INF более
 ‘У меня больше нет сил брить.’ [https://www.fxp.co.il/showthread.php?t=18938418 (2018)]

Примеры в прошедшем и будущем времени:

- (42) (разг.)
ló *ayálo*¹⁸ *et* *a-atlétiyut* *a-zó*
 NEG COP:3SG.M ACC DEF-атлетичность.SG.F DEF-DEM.SG.F
 ‘...У него не было той атлетичности...’ [http://www.hoops.co.il/?p=105567 (2017)]

¹⁵ В оригинальной графике: שלי.

¹⁶ В оригинальной графике: ך״שׁ.

¹⁷ В оригинальной графике: ך״ל.

¹⁸ В оригинальной графике: היללו.

Литература

- Дрейер 2009 – *Дрейер Л.М.* Современный иврит // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападное семитские языки / Ред. А.Г. Белова, Л.Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова; РАН. Институт языкознания. М.: Academia, 2009. С. 375–413.
- Коган, Лёзов 2009 – *Коган Л.Е., Лёзов С.В.* Древнееврейский язык // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападное семитские языки / Ред. А.Г. Белова, Л. Е. Коган, С.В. Лёзов, О.И. Романова; РАН. Институт языкознания. М.: Academia, 2009. С. 296–375.
- Майсак 2005 – *Майсак Т. А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005. 480 с.
- Abadi 2012 – *Abadi A.* Mišpat kiyum ha-kolel šem meyuda leaxar ‘et’ ve-zikato le-mišpat baalut // *Mexkarim ba-ivrit ha-xadaša u-bi-lešonot ha-yehudim.* Jerusalem: Carmel, 2012. P. 189–204.
- Berman 1997 – *Berman R.A.* Modern Hebrew // *The Semitic Languages.* / Ed. by R. Hetzron. Routledge: London; New York, 1997. P. 312–333.
- Freeze 1992 – *Freeze R.* Existentials and other locatives // *Language.* Vol. 68 (3). 1992. P. 553–595.
- Givón 2001 – *Givón T.* Syntax. An introduction. Volume I. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. 518 p.
- Glinert 1989 – *Glinert L.* The grammar of Modern Hebrew. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 608 p.
- Halevy 2013 – *Halevy R.* Syntax: Modern Hebrew // *Encyclopedia of Hebrew language and linguistics.* Vol. 3 / Ed. by Khan G. Leiden; Boston: Brill, 2013. P. 707–722.
- Heine 1997 – *Heine B.* Possession. Cognitive sources, forces, and grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 296 p.
- Heine, Kuteva 2004 – *Heine B., Kuteva T.* World lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 400 p.
- Kahn 2015 – *Kahn L.* Yiddish // *Handbook of Jewish languages* / Eds. L. Kahn, A.D. Rubin. Leiden; Boston: Brill, 2015. P. 641–747.
- Rosén 1957 – *Rosén H.B.* Ivrit tova: Iyunim be-taxbir ha-lašon ha“nexona”. Jerusalem: Kiryat sefer, 1957.
- Rubin 2005 – *Rubin A.D.* Studies in Semitic grammaticalization. Winona Lake (Indiana): Eisenbrauns, 2005. 196 p.
- Ziv 1976 – *Ziv Y.* On the reanalysis of grammatical terms in Hebrew possessive constructions // *North Holland Linguistic Series.* 32. Amsterdam: North-Holland, 1976. P. 129–152.
- Ziv 2013 – *Ziv Y.* Existential: Modern Hebrew [Электронный ресурс] // *Encyclopedia of Hebrew language and linguistics* / Ed. by G. Khan. Encyclopedia of Hebrew Language and Linguistics. Brill Online, 2013. URL: http://referenceworks.brillonline.com/entries/encyclopedia-of-hebrew-language-and-linguistics/existential-modern-hebrew-COM_00000928 (дата обращения 15 мая 2019).
- Zuckermann 2009 – *Zuckermann G.* Hybridity versus revivability: Multiple causation, forms and patterns // *Journal of Language Contact.* Varia 2. 2009. P. 40–67.

References

- Abadi, A. (2012), "Mišpat kiyum ha-kolel šem meyuda leaxar 'et' ve-zikato le-mišpat baalut" [Existential sentence with a definite noun following 'et', and its relation to possessive sentences], *Mexkarim ba-ivrit ha-xadaša u-bi-lešonot ha-yehudim* [Studies in Modern Hebrew and in Jewish Languages], Carmel, Jerusalem, Israel, pp. 189–204.
- Berman, R.A. (1997), "Modern Hebrew", in Hetzron, R. (ed.), *The Semitic Languages*, Routledge, London, Great Britain; New York, USA, pp. 312–333.
- Dreyer, L.M. (2009), "Sovremennyi ivrit" [Modern Hebrew], in Belova, A.G., Kogan, L.E., Lezov, S.V., Romanova, O.I. (eds.), *Yazyki mira: Semitskiye yazyki. Akkadskii yazyk. Severozapadnosemitskiye yazyki* [Languages of the World. The Semitic Languages. Akkadian. Northwest Semitic], Academia, Moscow, Russia, pp. 375–413.
- Freeze, R. (1992), "Existentials and other locatives", *Language*, vol. 68 (3), pp. 553–595.
- Givón, T. (2001), *Syntax. An introduction. Volume I*, John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, Holland; Philadelphia, USA.
- Glinert, L. (1989), *The grammar of Modern Hebrew*, Cambridge University Press, Cambridge, Great Britain.
- Halevy, R. (2013), "Syntax: Modern Hebrew", in Khan, G. (ed.), *Encyclopedia of Hebrew language and linguistics*, vol. 3, Brill, Leiden; Boston, USA.
- Heine B. (1997), *Possession. Cognitive sources, forces, and grammaticalization*, Cambridge University Press, Cambridge, Great Britain.
- Heine, B., Kuteva, T. (2004), *World lexicon of grammaticalization*, Cambridge University Press, Cambridge, Great Britain.
- Kahn, L. (2015), "Yiddish", in *Handbook of Jewish languages*, Kahn, L., Rubin, A.D. (ed.), Brill, Leiden; Boston (USA).
- Kogan, L.E., Loesov, S.V. (2009), "Drevneyevreyskiy yazyk" [Ancient Hebrew], in Belova A. G., Kogan L. E., Lozov S. V., Romanova O. I. (ed.), *Yazyki mira: Semitskiye yazyki. Akkadskii yazyk. Severozapadnosemitskie yazyki* [Languages of the World. The Semitic Languages. Akkadian. Northwest Semitic], Academia, Moscow, Russia, pp. 296–375.
- Maysak, T.A. (2005), *Tipologiya grammatikalizatsii konstruktivnoy s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [Grammaticalization of constructions with verbs of motion and verbs of position. A typological study], Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, Moscow, Russia.
- Rosén, H.B. (1957), *Ivrit tova: Iyunim be-taxbir ha-lašon ha"nexona"* [Fine Hebrew: Essays in the Syntax of the "Correct" Language], Kiryat sefer, Jerusalem, Israel.
- Rubin, A.D. (2005), *Studies in Semitic grammaticalization*, Eisenbrauns, Winona Lake (Indiana), USA.
- Ziv, Y. (1976), "On the reanalysis of grammatical terms in Hebrew possessive constructions", *North Holland Linguistic Series*, 32, North-Holland, Amsterdam, Netherlands.
- Ziv, Y. (2013), "Existential: Modern Hebrew" [online], in *Encyclopedia of Hebrew language and linguistics*, Khan G. (ed.), Encyclopedia of Hebrew Language and Linguistics. Brill Online, available at: http://referenceworks.brillonline.com/entries/encyclopedia-of-hebrew-language-and-linguistics/existential-modern-hebrew-COM_00000928 (Accessed 15 May 2019).
- Zuckermann G. (2009), "Hybridity versus revivability: Multiple causation, forms and patterns", *Journal of Language Contact*, varia 2, pp. 40–62.

Информация об авторе

Сергей С. Белоусов, научный сотрудник, Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11, стр. 1; *mail@serbel.ru*

Information about the author

Sergei S. Belousov, researcher, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 11/1, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009; *mail@serbel.ru*.

Каритивные конструкции в диалектах цыганского языка

Кирилл А. Кожанов

*Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия, kozhanov.kirill@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется употребление каритивного показателя в разных диалектах цыганского языка Европы. Показывается, что исконно каритивный показатель *bi* мог использоваться только в сочетании с именной группой, но затем в диалектах цыганского на юго-востоке Европы под влиянием контактных балканских языков стал употребляться также и с глагольной группой. При этом часто в сочетании с глагольной группой используется заимствованный каритивный показатель, а в сочетании с именной – исконный. Морфосинтаксис каритивных конструкций разнообразен и отражает разные тенденции внутри диалектов: стирание различия в маркировании между существительными и личными местоимениями; выравнивание каритивного показателя с другими предлогами; осмысление каритива как отрицание комитатива.

Ключевые слова: каритив, цыганский язык, грамматическая семантика

Для цитирования: Кожанов К.А. Каритивные конструкции в диалектах цыганского языка // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 7. С. 33–54. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-7-33-54

Caritive constructions in Romani dialects

Kirill Kozhanov

*Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia, kozhanov.kirill@gmail.com*

Abstract. This paper discusses the use of a caritive marker in various Romani dialects of Europe. It demonstrates that originally the caritive marker *bi* was used only with noun phrases. Later in the Romani dialects of South East Europe under the influence of contact Balkan languages it

became possible to use it with verbs as well. Whereas the caritive marker used with verbs is often a borrowed one, but the one used in noun phrases is usually inherently Romani. The morphosyntax of caritive constructions varies significantly and reflects the tendencies that take places with the dialects: levelling between nouns and personal pronouns; levelling between the caritive marker and other Romani prepositions; conceptualization of the caritive as negated comitative.

Keywords: caritive, Romani, grammatical semantics

For citation: Kozhanov, K. (2019), “Caritive constructions in Romani dialects”, *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 33-54, DOI: 10.28995/2686-7249-2019-7-33-54

Введение

Настоящая статья посвящена выражению каритивного значения, т. е. отсутствия в ситуации второстепенного агенса или объекта обладания главного участника, в цыганском языке – индоарийском языке, распространенном в Европе со времен Позднего Средневековья (ок. XII в.).

Основным показателем каритива в цыганском является *bi*. Скорее всего, это старое заимствование из иранских языков, ср. ср.-прс. *be* ‘но; вне’ [MacKenzie 1971, p. 18], а также н.-перс. *bi* ‘без’. Впрочем, нельзя полностью исключать и древнеиндийский источник (по крайней мере контаминацию с ним): ср. рефлекс древнеиндийской глагольной приставки *vi-* с общим значением ‘отделение, разделение’ в цыганском – *kinel* ‘покупать’: *bikinel* ‘продавать’ при др.-инд. *kriṇāti* ‘покупает’: *vi-kriṇāti* ‘продает’.

Дискуссионным является и морфосинтаксический статус этого показателя – его рассматривают или как приставку, или как предлог. Нет сомнений, что в сочетании с прямой основой существительного, прилагательными и причастиями *bi* следует считать префиксом¹, например, *báxt* ‘счастье’: *bibáxt* ‘несчастье’, *londó* ‘солёный’: *bilondó* ‘несолёный’, *boldó* ‘крещёный’: *biboldó* ‘некрещёный’ (обычно для обозначения нехристиан – евреев, мусульман и т. д.)².

¹ При этом *bi* никогда не выступает как регулярное отрицание при именах, эту функцию обычно выполняет другой отрицательный показатель, например *na-* в рус.-цыг., ср. *baró* ‘большой’: *nábaro* ‘небольшой’.

² Здесь и далее без дополнительных помет примеры приводятся из диалекта русских цыган.

Впрочем, именные образования с приставкой *bi-* в целом непродуктивны и обычно едва ли достигают десятка примеров в одном диалекте³.

Гораздо более продуктивным является использование показателя *bi* в сочетании с генитивной группой существительного, ср. *dád* ‘отец’: *dadéskiro* ‘отца, отцовский’ (GEN): *bidadéskiro* ‘без отца’.

Частеречный статус так называемых «генитивных» форм в цыганском неоднозначен: существуют аргументы за то, чтобы считать такие формы как существительными, так и прилагательными, см. [Koptjevskaja-Tamm 2000; Оскольская 2013]⁴.

В пользу классификации генитивных форм как прилагательных говорит тот факт, что эти формы в цыганском согласуются с вершиной по роду и числу (аналогично рус. *папин дом* и *папина книга*), ср. (1а) и (1б), где генитивная группа согласуется с вершиной по роду:

(1а) <i>dad-éskir-o</i>
отец-GEN.SG-NOM.SG.M
‘рубашка отца’	<i>gád</i>
рубашка.NOM.SG[M]
(1б) <i>dad-éskir-i</i>
отец-GEN.SG-NOM.SG.F
‘ложка отца’	<i>rój</i>
ложка.NOM.SG[F]

Если согласиться с тем, что перед нами формы прилагательного, то *bi* можно рассматривать как приставку, а если с тем, что это формы существительного, то – как предлог.

Впрочем, если считать *bi* предлогом, то он отличается от большинства других предлогов как семантически, так и морфосинтаксически. Во-первых, *bi*, в отличие от большинства предлогов в цыганском, не имеет пространственных или временных значений, его единственная функция – выражение каритивности. Во-вторых,

³ Это утверждение не касается тех случаев, когда под влиянием контактных языков каритивная приставка начинает регулярно сочетаться с определенной формой слова. Такую ситуацию мы имеем, например, в диалекте русских цыган, где приставка *bi-*, копируя аналогичные производные в русском языке, свободно сочетается с прилагательными, образованными с помощью суффикса *-itk-*; ср. *dánd* ‘зуб’: *dandýtko* ‘зубной, зубастый’: *bidandýtko* ‘беззубый’, *iló* ‘сердце’: *ilýtko* ‘сердечный’: *biilýtko* ‘бессердечный’ и т. д.

⁴ В грамматике кэлдэрарского диалекта цыганского языка [Ослон 2018] эти формы считаются отдельной частью речи – «притяжательными формами».

большинство предлогов в сочетании с личными местоимениями и одушевлёнными существительными управляют локативом (или косвенной формой в зависимости от диалектов), ср. (2а-2б), а с неодушевлёнными существительными – прямой формой (другими словами, номинативом), ср. (2в). Показатель *bi* обычно требует после себя генитивной формы, ср. (2г).

(2а)	<i>paš</i> рядом 'рядом с ним'	<i>l-éste</i> 3-LOC.SG.M	
(2б)	<i>paš</i> рядом 'рядом с отцом'	<i>e</i> ART.OBL	<i>dad-éste</i> отец-LOC.SG
(2в)	<i>paš</i> рядом 'рядом с домом'	<i>o</i> ART.NOM	<i>khér</i> дом.NOM.SG
(2в)	<i>bi</i> CRT 'без отца'	<i>dad-éskir-o</i> отец-GEN.SG-NOM.SG.M	

Особенность именно каритивных конструкций в цыганском (в отличие от обычных генитивных форм) заключается в том, что в них согласование наблюдается только в атрибутивной функции, ср. (3а-3б), а в предикативной (3в) и депиктивной (4) – согласование отсутствует (по умолчанию форма муж. р. ед. ч.)⁵:

(3а)	<i>bi</i> CRT 'безрукий цыган'	<i>vast-éskir-o</i> рука-GEN.SG-NOM.SG.M	<i>róm</i> цыган.NOM.SG
(3б)	<i>bi</i> CRT 'безрукая цыганка'	<i>vast-éskir-i</i> рука-GEN.SG-NOM.SG.F	<i>romn-ý</i> цыганка-NOM.SG
(3в)	<i>dajá</i> DEM.F.SG 'эта цыганка без платка'	<i>romn-ý</i> цыганка-NOM.SG	<i>bi</i> CRT <i>dykhl-éskir-o</i> рука-GEN.SG-NA

⁵ В уже упомянутой грамматике М.В. Ослона неатрибутивные каритивные формы предлагается рассматривать как особый «лишительный» падеж [Ослон 2018, с. 405–406].

- (4) *joné* *psir-eñ* *bi* *dykhl-éskir-o*
они ХОДИТЬ-PRS.3PL CRT ПЛАТОК-GEN.SG-NA
'они ходят без платков'

Другой особенностью каритивных конструкций в цыганском является то, что в сочетании каритивного показателя с личными местоимениями часто используются притяжательные местоимения:

- (5) *bi* *mir-ó*
CRT 1SG.POSS-NA
'без меня', досл. 'без мой'

Источником для настоящего исследования послужила База данных по диалектам цыганского языка (Romani Morpho-Syntax Database, RMS), созданная в Манчестерском университете (<https://romani.humanities.manchester.ac.uk/rms/>). В открытом доступе вместе с транскрипциями (и частично со звуком) размещены 119 интервью⁶, собранные с 1998 г. См. карту 1, на которой указаны пункты, в которых были собраны представленные в базе интервью. На карте также указана принадлежность диалектов к четырём основным диалектным группам цыганского языка; подробнее см. [Boretzky, Iglá 2004; Matras 2002, p. 5–13].

Интервью проводились на основе опросника, составленного Я. Матрасом и В. Эльшиком. Опросник состоит преимущественно из предложений для перевода (также в незначительной степени из лексических и грамматических вопросов). В опросник входят восемь каритивных контекстов, которые представляют для нас интерес⁷:

508 – *Somehow he managed to leave without paying his debts.*

'Каким-то образом ему удалось уйти, не заплатив долги.'⁸

661 – *It takes hours to reach the city without a car.*

'Чтобы добраться до города без машины, нужно много времени.'

687 – *She walked around our house without finding an open door.*

'Она обошла вокруг нашего дома, не найдя открытой двери.'

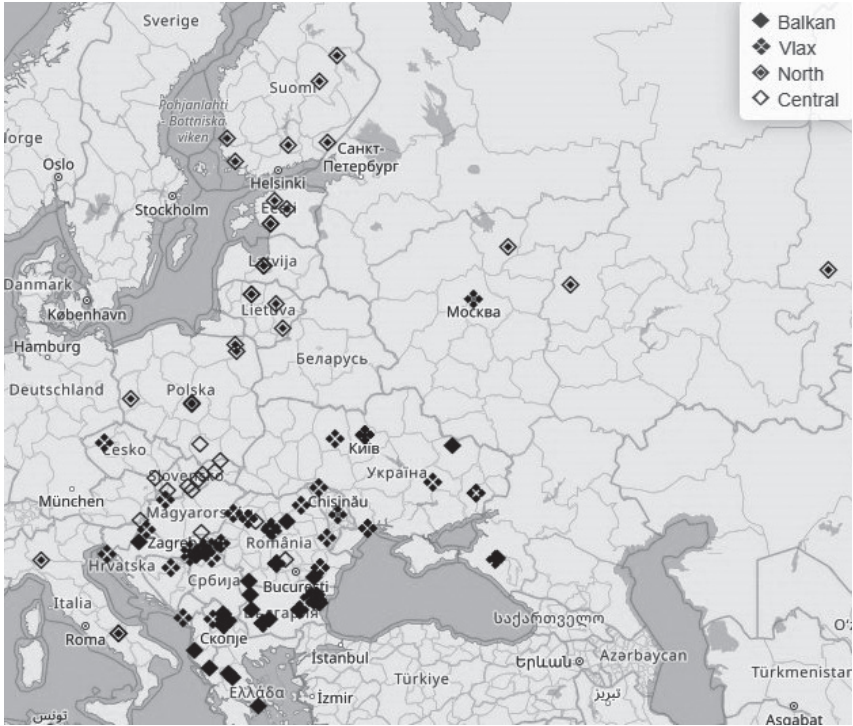
696 – *How can we get to town without asking for my brother's car?*

'Как мы можем добраться до города, не попросив машину моего брата?'

⁶ Я исключил из выборки исследования интервью, записанное от цыган в Мексике, ради более компактной презентации данных на карте.

⁷ Контексты искали в английской версии опросника по слову *without* 'без'. В опроснике нет контекстов с отымёнными образованиями с суффиксом *-less*.

⁸ Все переводы даны как в русском варианте опросника, переведенном Антоном Тенсером.

Карта 1. Пункты, в которых были собраны данные для данного исследования⁹

826 – *They walked all the way without speaking to each other.*

‘Они прошли весь путь, не сказав друг другу ни слова.’

1038 – *Who can build a house without nails?*

‘Кто может построить дом без гвоздей?’

1039 – *I am lonely without you.*

‘Мне одиноко без тебя.’

1040 – *Are you lonely without me as well?*

‘Тебе тоже одиноко без меня?’

Эти примеры можно поделить на две части по сочетанию с именной (контексты 661, 1038–1040) и глагольной (контексты 508, 687, 696, 826) группами. Именные каритивные контексты в свою очередь могут быть поделены на сочетания с существитель-

⁹ Все карты были созданы при помощи пакета *lingtypology* в программе R (Moroz G (2017). *lingtypology: easy mapping for Linguistic Typology*.<URL: <https://CRAN.R-project.org/package=lingtypology>>)

ным (контексты 661 и 1038) и личными местоимениями (контексты 1039 и 1040).

Далее 118 анкет из RMS были размечены таким образом, чтобы ответить на следующие вопросы:

- i) сочетается ли (и если да, то в какой форме) каритивный показатель с существительными, личными местоимениями и глаголами;
- ii) различаются ли показатели каритива в сочетании с существительными, личными местоимениями и глаголами;
- iii) происхождение показателя каритива (исконный, калька, заимствование);
- iv) в какой форме в сочетании с каритивным показателем выступают существительные, личные местоимения и глаголы.

По большей части я полагался на транскрипции, размещенные на сайте, но иногда, когда данные вызвали у меня подозрение (например, в одном примере из восьми появлялась неожиданная форма каритивного показателя), я обращался к звуковым файлам (которые, впрочем, не всегда были доступны). В некоторых случаях я правил ошибки транскрипции (например, вместо *ber* ставил *bez* для контекста 1038 из анкеты BG-052). Транскрипции всех примеров, которые приведены в данной статье, были мной дополнительно проверены.

Если в разных контекстах использовалось разное маркирование, я указывал все варианты. В тех случаях, когда данных не было (например, контекст для анкеты не был записан или каритивный показатель не использовался), я использовал условное обозначение NA.

Каритивные конструкции в цыганском

Использование каритивного показателя с именной vs. глагольной группами

С именной группой каритивный показатель используется регулярно, ср. примеры (6–7): есть только четыре интервью, в которых нет данных по использованию каритивного показателя ни с существительными, ни с местоимениями (три из Финляндии и одно из Греции). В этих диалектах для выражения каритивного значения с именами используются отдельные клаузы, ср. (8):

- (6) *kón možiz-óla tə ker-él khér bi karf-éng-o?*
 кто мочь-PRS.3SG CMPL делать-SBJ.3SG дом.NOM.SG CRT гвоздь-GEN.PL-NA
 (стимул 1038, анкета BG-010, диалект музикантска рома)

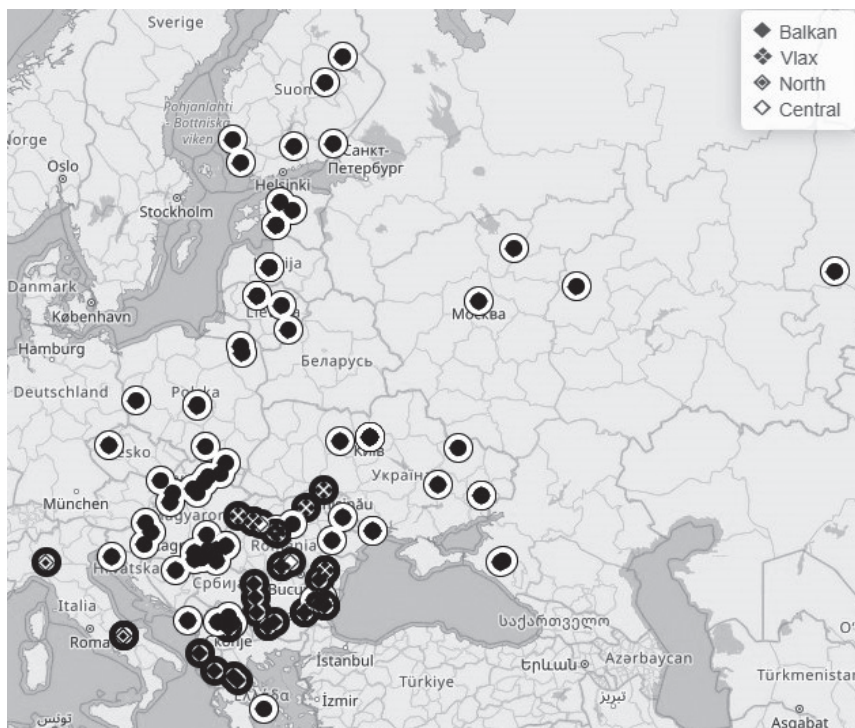
- (7) *kórkor-o* *sim* *bi* *tor-ó*
 одинокий-NOM.SG.M быть.PRS.1SG CRT 2SG.POSS-NA
 (стимул 1039, анкета BG-010, диалект музыкантска рома)
- (8) *mé* *sóm* *kókaro* *óm* *tú*
 1SG.NOM быть.PRS.1SG одинокий если 2SG.NOM
- na* *áhēs* *mánsa*
 NEG быть.PRS.2SG 1SG.INS
 досл. 'я одинок, если ты не со мной' (стимул 1039, анкета FIN-008, восточный финский)

Надежных данных, которые бы показывали, что каритивный показатель чаще используется с местоимениями, чем с существительными, нет: есть пять анкет, в которых каритив не используется с существительными, но используется с местоимениями (две из них из Финляндии), и четыре анкеты, в которых, наоборот, каритивный показатель используется с существительными, но не используется с местоимениями (две из них из Греции).

По всей видимости, исторически цыганский показатель *bi* употреблялся только с именной группой (и с существительными, и с местоимениями) и не был возможен с глагольной. Тем не менее в части цыганских диалектов каритив с глагольной группой всё-таки возможен (35% выборки), ср. (9) из цыганских диалектов Румынии; также см. карту 2, на которой белым обведены идиомы, в которых употребление каритивного показателя с глагольной группой не встречается, а черным – в которых такие примеры зафиксированы.

- (9) *gə-lé* *sa* *o* *dróm*
 ходить-PST.3PL весь ART.NOM.SG.M дорога.NOM.SG
- bi* *te* *dén dúma* *jék avr-ésa*
 CRT CMPL разговаривать.SBJ.3.PL друг_друга-INS
 (стимул 826, анкета RO-002, диалект ракаренго)

Как видно на карте 2, каритивный показатель может использоваться с глагольной группой только в цыганских диалектах юго-восточной Европы. Иными словами, эта особенность носит ареальный характер, при этом не связана с диалектной принадлежностью: на этой территории каритивный показатель употребляется с глагольной группой в диалектах владшской, балканской, центральной и даже северной групп. Появление каритивных конструкций с глагольной группой в цыганских диалектах юго-восточной Европы

Карта 2. Возможность каритивного показателя с глагольной группой (белым обведены пункты, где невозможен, черным – где возможен)

неслучайно, такое употребление, т. е. предлог ‘без’ + конъюнктив, возможно в соответствующих контактных языках – македонском, болгарском, сербохорватском *bez* + *svj*, румынском *fără* + *svj* и греческом *χωρίς* + *svj* [Томиć 2006, pp. 438, 472, 503, 533–534, 628]¹⁰. В целом такое употребление каритивного предлога можно считать особенностью языков, входящих в Балканский языковой союз.

Карта 3 (см. стр. 42) иллюстрирует другой аспект использования каритивного показателя с именной или глагольной группами в цыганских диалектах. Оказывается, что довольно часто в цыганских диалектах показатели каритива в именной и глагольной

¹⁰ К сожалению, в открытом доступе нет информации о том, на каких языках собирались данные и были ли в стимулах аналогичные каритивные сочетания. Язык сбора данных, безусловно, мог повлиять на ответы носителей.

Карта 3. Тождественность каритивного показателя с именной и глагольной группами

группах не совпадают (около 39% случаев; особенно регулярно это на территории Болгарии и ближайшего окружения).

(10) *ón* *phir-dé* *sá* *kadává* *dróm*
3PL.NOM ходить-PST.3PL весь DEM.NOM.SG.M дорога.NOM.SG

bez *te* *keré-n láfi* *jékh jekh-ésa*
CRT SBJ разговаривать-SBJ.3.PL друг_друга-INS

(11) *kój* *šáj* *te* *keré-l* *khér*
кто мочь CMPL делать-SBJ.3SG дом.NOM.SG

bi *šajk-éngor-o*
CRT ГВОЗДЬ-GEN.PL-NA

(12) *mé* *sijúm* *osam-imé* *bi* *tor-ó*
1SG.NOM быть.PRS.1SG одинокий-PA CRT 2SG.POSS-NA
(стимулы 826, 1038, 1039, анкета МК-004, диалект ковачки)

Следует отметить, что в именной группе показатель каритива, употребленный с существительными и личными местоимениями, обычно один и тот же. В нашей выборке только восемь анкет, в которых показатели каритива для существительных и местоимений не совпадают (около 7% от тех случаев, когда есть данные по использованию каритивного показателя и с существительными, и с местоимениями). При этом пять из этих анкет – из Словакии, а несовпадения связаны с разными формами исконного показателя *bi*, *bije* и *bijal*. Впрочем, две анкеты (обе из Болгарии) демонстрируют использование исконного показателя с личными местоимениями и заимствованного – с существительными, ср.

(13) *kón* *móže* *te* *vázd-el*
кто.NOM может CMPL поднимать-SBJ.3SG

khér *bez* *eksérja?*
дом.NOM.SG CRT ГВОЗДЬ.NOM.PL

(14) *kórkoro* *sem* *bi* *kir-ó*
одинокий быть.PRS.1SG CRT 2SG.POSS-NA
(стимулы 1038, 1039, анкета BG-008, диалект калбурджу)

Это наблюдение гораздо лучше подтверждается данными по разным показателям каритива, употребляющимся с глагольной и именной группами. В тех случаях, когда в именной и глагольной

группах используются разные показатели каритива, с именной группой всегда употребляется исконный показатель, а с глагольной – заимствованный (что также указывает на контактный характер этой особенности цыганских диалектов юго-востока Европы).

Это ведет нас к вопросу о том, насколько часто вообще заимствуется показатель каритива.

Заимствование показателей каритива

Исконный показатель представлен основной формой *bi*, ср., например, (15), в небольшом количестве диалектов (прежде всего в северовосточных диалектах в Литве, Польше и Эстонии, а также в некоторых диалектах на территории Украины) наблюдаются колебания гласного *by* или *be*, ср. (16).

(15) *mé* *naštík* *bi* *tú-k-o*
1SG.NOM не_мочь CRT 2SG-GEN-NA
(стимул 1039, анкета HR-001, диалект гурбет)

(16) *máng'e* *núдно* *be* *tyr-ó*
1SG.DAT скучно CRT 2SG.POSS-NA
(стимул 1039, анкета LT-005, диалект литовска рома)

В одной анкете (EST-010) из Эстонии встретился вариант с оглушенным согласным (влияние фонетики эстонского языка) и неясным гласным *pu*¹¹. В центральных диалектах (Словакия, Венгрия) зафиксирован вариант *bije* (и производный от него *bijal*, который в анкетах встречается только с личными местоимениями), ср.

(17) *tú* *ĩš* *kórkōr-i* *sal* *bije* *mánde?*
2SG.NOM тоже одинокий-NOM.SG.F быть.PRS.2SG CRT 1SG.LOC
(стимул 1040, анкета HU-009, диалект ромунгро)

(18) *sóm* *bijal* *túte* *kórkor-i*
быть.PRS.1SG CRT 2SG.LOC одинокий-NOM.SG.F
(стимул 1039, анкета SK-016, западный словацкий)

В одной анкете (PL-014) из Польши в качестве каритивного показателя регулярно используется предлог *palde* ‘за’, ср.

¹¹ К сожалению, у транскрипций этого интервью нет звуковых файлов, так что не было возможности проверить правильность расшифровки. Вполне возможно, что это контаминация с эст. *-puudus* ‘без’.

- (19) *kón* *potrafiné-la* *te* *otker-él*
 КТО.NOM СМОЧЬ-FUT.3SG CMPL сделать-SBJ.3SG
- khér* *palde* *gvoždž-éngir-o?*
 ДОМ.NOM.SG CRT ГВОЗДЬ-GEN.PL-NA
 (стимул 1038, анкета PL-014, диалект польска халадытка)

Судя по анкетам из Базы данных RMS, показатель каритива с глагольной группой заимствуется гораздо чаще, чем с именной, ср. таблицу 1. Значительной разницы между заимствованием каритивного показателя с существительными и местоимениями нет.

Таблица 1

Происхождение каритивного показателя
 в сочетании с разными частями речи

	Глаголы	Существительные	Личные местоимения
Исконный	14 (33%)	87 (80%)	89 (81%)
Контаминация	1 (2%)	9 (8%)	8 (7%)
Контаминация/исконный	2 (5%)	1 (1%)	–
Контаминация/ заимствованный	1 (2%)	1 (1%)	1 (1%)
Заимствованный/ исконный	2 (5%)	2 (2%)	4 (4%)
Заимствованный	22 (52%)	12 (11%)	8 (7%)
Всего	42 (100%)	109 (100%)	110 (100%)
NA	76	9	8

Показатель каритива с именной группой заимствуется в цыганских диалектах на территории Финляндии и Греции, иногда также в диалектах, контактирующих со славянскими языками.

В имеющейся выборке чаще всего заимствуется славянский предлог *bez*, реже греч. *χωρίς*, рум. *fără*, швед. *utan* (в диалекте финских цыган), ит. *senza*¹².

¹² Хотя в нашей выборке таких примеров не встретилось, в литературе также отмечается заимствование показателя *one, oni* в цыганских диалектах, контактирующих с немецким [Elšík, Matras 2006, p. 236].

- (20) *kórkor-i* *sinom* *bez* *tor-ó*
 одинокий-NOM.SG.F быть.PRS.1SG CRT 2SG.POSS-NA
 (стимул 1039, анкета BG-052, диалект бургуджи-парпули)
- (21) *dinóm=man* *kórkor-i* *xoris* *túke*
 давать.PST.1SG-RFL одинокий-NOM.SG.F CRT 2SG.DAT
 (стимул 1039, анкета GR-031, диалект капаки)
- (22) *hom* *kórkořo* *fora* *kir-ó*
 быть.PRS.1SG одинокий CRT 2SG.POSS-NA
 (стимул 1039, анкета RO-062, диалект лингурари/теглари)
- (23) *mé* *āhhā* *kókaro* *útan* *tút*
 1SG.NOM быть.PRS.1SG одинокий CRT 2SG.OBL
 (стимул 1039, анкета FIN-002, восточный финский)

Также имеются примеры контаминации исконного показателя с славянскими формами: *bizo* (в семи анкетах с территории бывшей Югославии), *bir* (одна анкета из Болгарии), *bri* (одна анкета из Словении). Последние две формы, видимо, возникли под влиянием южнославянских форм с согласным *r*, ср. слов. *brez* 'без'.

- (24) *mé* *injum* *osámeno* *bizo* *túte*
 1SG.NOM быть.PRS.1SG одинокий CRT 2SG.LOC
 (стимул 1039, анкета МК-003, диалект арли)
- (25) *kórkori* *sjom* *bir* *túsa*
 одинокий-NOM.SG.F быть.PRS.1SG CRT 2SG.INS
 (стимул 1039, анкета BG-015, диалект хорахани)
- (26) *mé* *som* *usámljeno* *bri* *túte*
 1SG.NOM быть.PRS.1SG одинокий CRT 2SG.LOC
 (стимул 1039, анкета SLO-001, диалект прекурска рома)

Морфосинтаксис каритивной группы в цыганских диалектах

Формы имён в сочетании с каритивным показателем

«Исконное» состояние для существительных – использование генитивной формы. Оно наблюдается в большинстве диалектов, ср. (27). «Исконными» формами личных местоимений в каритивной группе следует признать притяжательные формы (в нашей выборке больше половины анкет), ср. (28).

(27) *kó* *žan-él* *bi* *karf-éng-o*
 кто.NOM знать-PRS.3SG CRT ГВОЗДЬ-GEN.PL

khér *te* *ker-él?*
 дом.NOM.SG CMPL делать-SBJ.3SG

(28) *kórkor-i* *sim* *bi* *tir-ó*
 одинокий-NOM.SG.F быть.PRS.1SG CRT 2SG.POSS-NA
 (стимулы 1038 и 1039, анкета HU-004, диалект ловара)

При этом в части диалектов проводится выравнивание между разными типами имени: в этих диалектах в каритивной конструкции личные местоимения используются в особой генитивной форме, отличной от притяжательной, ср. примеры (29–30), в которых в обоих случаях используются генитивные формы. При этом в этом диалекте обычное притяжательное местоимение со значением ‘твой’ – *kiró*¹³. Из 18 анкет, в которых встретилось это явление, 16 относятся к диалектам влашской группы (Румыния, Молдова, Украина и страны бывшей Югославии) и две к балканской (Албания и Македония).

(29) *kón* *dašt-l* *ti* *vázel*
 кто.NOM мочь-PRS.3SG CMPL поднимать-SBJ.3SG

ek *khér* *bi* *karf'-áng-o?*
 один дом.NOM.SG CRT ГВОЗДЬ-GEN.PL-NA

(30) *mánge* *sí* *mange* *urýto* *bi* *túk-o*
 1SG.DAT быть.PRS.3 1SG.DAT плохо CRT 2SG.GEN-NA
 (стимулы 1038 и 1039, анкета MD-007, диалект лаеши куртэя)¹⁴

¹³ Стоит, впрочем, отметить, что выравнивание необязательно происходит только в каритивной группе. Иногда новые генитивные формы могут употребляться и в притяжательных контекстах: так, например, в контексте 851 в той же анкете.

¹⁴ При этом форма притяжательного местоимения 2 л. ед.ч. в этом диалекте – *kiró* (безударная форма *k'ó*).

Таблица 2

Маркирование в каритивной именной группе

Маркирование	Существительные	Личные местоимения
Gen	71 (61%)	15 (13%)
Possessive	–	60 (52%)
Ins	1 (0,9%)	2 (1,7%)
Nom	25 (22%)	–
Loc	1 (0,9%)	15 (13%)
Dat	2 (1,7%)	3 (2,6%)
Abl	–	3 (2,6%)
Obl	–	3 (2,6%)
Clause	7 (6%)	6 (5%)
Gen/Ins	3 (2,6%)	–
Gen/Ins/Dat	1 (0,9%)	–
Gen/Nom	1 (0,9%)	–
Gen/Clause	1 (0,9%)	1 (0,9%)
Ins/Dat	1 (0,9%)	–
Ins/Nom	1 (0,9%)	–
Nom/Clause	1 (0,9%)	–
Loc/Gen	–	1 (0,9%)
Loc/Nom	–	1 (0,9%)
Loc/Obl	–	1 (0,9%)
Abl/Dat	–	1 (0,9%)
Possessive/Gen	–	1 (0,9%)
Possessive/Ins	–	1 (0,9%)
Possessive/Clause	–	1 (0,9%)
Obl/Clause	–	1 (0,9%)
Total	116 (100%)	116 (100%)
NA	2	2

Часто происходит соотнесение каритивного предлога с другими цыганскими предлогами. В таких случаях именная группа в каритивной конструкции маркируется номинативом (с существительными) и локативом (с личными местоимениями), ср.

(31)	<i>kó</i> кто.NOM	<i>džanél</i> знать-PRS.3SG	<i>bijo</i> CRT	<i>klínc-o</i> ГВОЗДЬ-NOM.SG
	<i>khér</i> дом.NOM.SG	<i>te</i> CMPL	<i>ker-én?</i> делать-INF	

(32)	<i>kórkōri</i> одинокий-NOM.SG.F	<i>som</i> быть.PRS.1SG	<i>bije</i> CRT	<i>túte</i> 2SG.LOC
	(стимулы 1038 и 1039, анкета HU-009, диалект ромунгро)			

В некоторых диалектах предлоги в сочетании с личными местоимениями управляют косвенной формой, поэтому в примере (33) маркирование личного местоимения косвенной формой в каритивной конструкции соответствует общей тенденции маркировать каритивную группу так же, как и предложные группы.

(33)	<i>mé</i> 1SG.NOM	<i>āhhā́</i> быть.PRS.1SG	<i>kókares</i> одинок	<i>ūtan</i> CRT	<i>tút</i> 2SG.OBL
	(стимул 1039, анкета FIN-006, восточный финский)				

Наконец, в части диалектов происходит переосмысление каритивной конструкции как отрицания комитатива. В таких случаях именная группа маркируется инструменталисом (в цыганском инструменталис – падеж по умолчанию для выражения комитатива), ср. (34) с каритивом и (35) с комитативом:

(34)	<i>kój</i> кто.NOM	<i>možiz-éla</i> мочь-PRS.3SG	<i>te</i> CMPL	<i>ker-él</i> делать-SBJ.3SG
	<i>khér</i> дом.NOM.SG	<i>bi</i> CRT	<i>karf-éncar?</i> ГВОЗДЬ-INS.PL	
	(стимул 1038, анкета BG-016, диалект калайджи)			

(35)	<i>gejóm</i> идти-PST.1SG	<i>ki</i> к	<i>zís</i> город.NOM.SG	<i>me</i> 1SG.POSS.PL	<i>dó</i> два.OBL	<i>phral-éncar</i> брат-INS.PL
	‘Я пошёл в город со своими двумя братьями’ (анкета BG-016, диалект калайджи)					

Перифрастические конструкции для перевода каритивных значений в именной группе часто используются в финских диалектах цыганского языка (в основном контактном языке – финском – каритивное значение выражается специальным флективным падежным показателем).

Формы глаголов в сочетании с каритивным показателем

Если каритив с глагольной группой возможен, то основная стратегия для маркирования таких каритивных конструкций – это сочетание каритивного показателя с конъюнктивом, ср.

- (36) *Vón* *phir-dé* *célo* *drúm-o*
они ходить-PST.3PL весь дорога-NOM.SG
- bi* *te* *ker-én láfi* *jékh aver-ésa*
CRT CMPL разговаривать-SBJ.3PL друг_друга-INS
(стимул 826, анкета МК-001, диалект гурбет)

В подавляющем числе примеров дополнительного отрицания на глаголе нет (как в примере 36). В нашей выборке попало только два интервью, в которых, кроме каритивного показателя, регулярно использовалось глагольное отрицание, ср. (37). При этом обе анкеты собраны от цыган этнической группы кангляри/пептенари в Румынии.

- (37) *Ge-le* *sea* *o* *drom*
идти-PST.3PL весь ART.NOM.SG.M дорога-NOM.SG
- fere* *te* *na* *den дума* *jekh avr-este*
CRT CMPL NEG разговаривать.SBJ.3.PL друг_друга-LOC
(стимул 826, анкета RO-064, диалект кангляри/пептенари)

Если каритив с глагольной группой невозможен, то основная стратегия – использование другой финитной клаузы, ср. (38), реже встречаются клаузы с нефинитными глагольными формами, ср. (39), иногда возможны перифрастические выражения с каритивным показателем, но не в сочетании с глаголом («без желания», «без того чтобы» и под.), ср. (40–41):

- (38) *Joné* *pšeginé* *sar-ó* *dróm*
3PL.NOM прийти-PST.3 весь-NOM.SG.M дорога.NOM.SG
- i* *na* *pxen-dé* *jék jekx-ésk'e* *ni* *láv*
и NEG сказать-PST.3 друг_друга-DAT NEG слов.NOM.SG
(стимул 826, анкета LT-009, диалект польска рома)

- (39) *Sýr* *amé* *saštý* *te* *uk'ed-ás=amen*
как мы.NOM мочь CMPL добаться-SBJ.1PL=RFL

	<i>k'e</i>	<i>fóro</i>			
	к	город-NOM.SG			
	<i>na</i>	<i>pomang-í</i>	<i>pšal-éste</i>	<i>mašýn-a?</i>	
	NEG	спрашивать-CNV	брат-ABL.SG	машина-ACC.SG	
	(стимул 696, анкета LT-008, диалект литовска рома)				
(40)	<i>sýr</i>	<i>mogin-ás</i>	<i>mé</i>	<i>te</i>	<i>dores-ét</i>
	как	мочь-PRS.1PL	1PL.NOM	CMPL	попасть-INF
	<i>dre</i>	<i>fór-o</i>			
	в	город-NOM.SG			
	<i>bez</i>	<i>mangipn-áte</i>	<i>mir-é</i>	<i>pšjal-éste</i>	
	CRT	спрашивание-LOC.SG	мой-OBL	брат-LOC.SG	
	(стимул 696, анкета PL-019, диалект польска рома)				
(41)	<i>Gē-lje</i>	<i>celo</i>	<i>drom</i>		
	идти-PST.3PL	весь	дорога-NOM.SG		
	<i>bi</i>	<i>odā</i>	<i>hoj</i>	<i>te vaker-n-ahi</i>	<i>(je)kthēhāne</i>
	CRT	DEM	CMPL	SVJразговаривать-3PL-RETR	вместе
	(стимул 826, анкета SK-027, диалект восточный румунгро) ¹⁵				

Заключение

В большинстве диалектов цыганского языка каритивный показатель может сочетаться только с именной группой. Каритив с глагольной группой возможен, но только в диалектах цыганского языка на юго-востоке Европы. По всей видимости, это инновация, возникшая под влиянием контактных языков – южнославянских, румынского, греческого, итальянского.

Часто показатель каритива с глагольной группой не совпадает с показателем каритива с именной группой. В таких случаях показатель каритива с глагольной группой обычно является заимствованием, а показатель каритива с именной группой – исконным.

В целом показатель каритива заимствуется довольно часто, но в цыганском это происходит в именной группе значительно реже, чем в глагольной.

¹⁵ Для этой анкеты звуковые записи для проверки транскрипции не были доступны.

Морфосинтаксис каритивной именной группы меняется в нескольких направлениях: i) стремится всегда использовать особые генитивные формы как с существительными, так и с личными местоимениями; ii) выравнивается с остальными предложениями цыганского языка (тогда существительные (в имеющейся выборке встречаются только неодушевлённые) маркируются прямой формой, а местоимения – локативом); iii) каритив переосмысливается как отрицание комитатива (тогда существительные и личные местоимения маркируются инструменталисом – дефолтным падежом для выражения комитатива в цыганском).

В целом яркая и разнообразная картина использования каритивного показателя в цыганских диалектах, с одной стороны, указывает на подвижность этого периферийного грамматического значения, а с другой – в результате интенсивных контактов цыганских диалектов с окружающими языками в некоторой степени отражает особенности использования каритива в языках Европы в целом.

Благодарности

Выражаю благодарность М.В. Ослону, а также анонимному рецензенту за замечания к предварительной версии статьи. Исследование было проведено в рамках проекта «Грамматическая периферия в языках мира: типологическое исследование каритивов» (грант РФФ 18-78-10058, руководитель С.А. Оскольская).

I express my gratitude to M.V. Oslon, as well as to the anonymous reviewer for the comments to the preliminary version of the article. The research was carried out within the framework of the project «Grammatical periphery in the world languages: typological study of caritives» (grant 18-78-10058, head S.A. Oskolskaya).

Сокращения

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лица, AVL – отложительный падеж, ART – артикль, SMPPL – подчинительный союз, CNV – деепричастие, CRT – каритивный показатель, DAT – дательный падеж, DEM – указательное местоимение, F – женский род, FUT – будущее время, GEN – родительный падеж, INF – инфинитив, INS – инструментальный падеж, M – мужской род, LOC – местный падеж, NA – несогласованность, NEG – отрицание, NOM – именительный падеж, OBL – косвенная форма, PL – множественное число, POSS – притяжательное местоимение, PRS – настоящее время, PST – прошедшее время, RETR – непродолжающееся прошедшее, SBJ – конъюнктив, SG – единственное число

Литература

- Оскольская 2013 – *Оскольская С.А.* Каритив в кэлдэрарском диалекте цыганского языка // Цыганский язык в России: Сборник материалов Рабочего совещания по цыганскому языку в России. Санкт-Петербург, 5 октября 2012 г. / Ред. К.А. Кожанов, С.А. Оскольская, А.Ю. Русаков. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 105–133.
- Ослон 2018 – *Ослон М.В.* Язык котляров-молдова: Грамматика кэлдэрарского диалекта цыганского языка в русскоязычном окружении. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 952 с.
- Boretzky, Igla 2004 – Boretzky N., Igla B. Kommentierter Dialektatlas des Romani. Teil 1: Vergleich der Dialekte. Teil 2: Dialektkarten mit einer CD-Rom. Wiesbaden, 2004.
- Elšik, Matras 2006 – *Elšik V., Matras Y.* Markedness and language change: the Romani sample. Berlin, New York, 2006.
- Коптјевская-Тамм 2000 – *Коптјевская-Тамм М.* Romani genitives in cross-linguistic perspective // V. Elšik, Y. Matras (eds.). Grammatical relations in Romani: the noun phrase. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2000. P. 123–150.
- MacKenzie 1971 – *MacKenzie D.N.* A Concise Pahlavi Dictionary. London: Oxford University Press, 1971.
- Matras 2002 – *Matras Y.* Romani: A linguistic introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Tomić 2006 – *Tomić O.M.* Balkan Sprachbund Morpho-Syntactic Features. Springer, 2006.

References

- Boretzky, N. and Igla, B. (2004), *Kommentierter Dialektatlas des Romani. Teil 1: Vergleich der Dialekte. Teil 2: Dialektkarten mit einer CD-Rom*, Harrasowitz Verlag, Wiesbaden, Germany.
- Elšik, V. and Matras, Y. (2006), *Markedness and language change: the Romani sample*, De Gruyter, Berlin, New York.
- Koptjevskaya-Tamm, M. (2000), “Romani genitives in cross-linguistic perspective”, in Elšik V., Matras Y. (eds.), *Grammatical relations in Romani: the noun phrase*, John Benjamins Publishing Company, Amsterdam/Philadelphia, pp. 123-150.
- MacKenzie, D.N. (1971), *A Concise Pahlavi Dictionary*, Oxford University Press, London, UK.
- Matras, Y. (2002), *Romani: A linguistic introduction*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Oskol'skaya, S.A. (2013), “Karitiv v kelderarskom dialekte cyganskogo yazyka [Caritive in the Kelderari dialect of Romani]”, in Kozhanov K.A., Oskol'skaya S.A., Rusakov A.Yu. (eds.) *syganskii yazyk v Rossii: Sbornik materialov Rabocheho soveshchaniya po tsyganskomu yazyku v Rossii*. Sankt-Peterburg, 5 oktyabrya 2012 g., Nestor-Istoriya, Saint Petersburg, Russia, pp. 105-133.

Oslon, M.V. (2018), *Yazyk kotlyarov-moldovaya: Grammatika kelderarskogo dialekta tsyganskogo yazyka v russkoyazychnom okruzhenii*. [The language of Kelderari Moldovaya: Grammar of Kelderari dialect in the Russian-speaking surroundings], Izdatel'skii dom YaSK, Moscow, Russia.

Tomić, O.M. (2006), *Balkan Sprachbund Morpho-Syntactic Features*, Springer, Dordrecht, The Netherlands.

Информация об авторе

Кирилл А. Кожанов, кандидат филологических наук, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия; 199053, Россия, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9; kozhanov.kirill@gmail.com

Information about the author

Kirill A. Kozhanov, Cand. of Sci. (Philology), Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia; bld. 9, Tuchkov per., Saint Petersburg, Russia, 199053; kozhanov.kirill@gmail.com

Содержание и функции унвана в структуре писем в «Шах-наме» А. Фирдоуси

София В. Лахути

*Российский государственный гуманитарный университет,
Институт востоковедения Российской академии наук,
Москва, Россия, slahuti@ivran.ru*

Аннотация. Поэма Фирдоуси «Шах-наме» (IX–X вв.) включает около трех сотен посланий, приблизительно половина из которых являются письменными. Часть из них содержит один или более элементов исторически сложившейся в персидской традиции формальной рамки письма, в том числе и такую часть, как унван. Унван в средневековом арабо-персидском письме содержит сведения об отправителе письма и его получателе. Основу унвана составляют имена и титулы участников коммуникации, но часто они дополняются и другой лексикой.

В настоящей статье обсуждается, как устроены унваны, и анализируется корреляция между содержанием и структурой унвана и содержанием основной части послания, а также влияние на унван коммуникативной интенции отправителя и соотношением социальных статусов участников коммуникации.

Ключевые слова: опосредованная коммуникация, структура письма, средневековая эпистолография, Шах-наме

Для цитирования: Лахути С.В. Содержание и функции унвана в структуре писем в «Шах-наме» А. Фирдоуси // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 7. С. 55–82. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-7-55-82

The content and functions of ‘unwan in letter structure in *Shah-nameh* by A. Ferdowsi

Sofia V. Lahuti

*Russian State University for the Humanities,
Russian Academy of Sciences Institute for Eastern Studies,
Moscow, Russia, slahuti@icran.ru*

Abstract. There are close to 300 messages in *Shah-nameh* by Ferdowsi (10th – 11th c. CE) and nearly half of them imitate written ones. Many of those letters include one or more elements of traditional formal structure, and among those elements is ‘unwan. In medieval Persian and Arabic letters, ‘unwan represent the part of the formal structure that contains information about the addresser of the letter and its addressee. In *Shah-nameh*, ‘unwan’s core consists of the names and titles of communicants, but official nominations are usually accompanied by additional lexical structures.

This paper deals with the structural and lexical characteristics of ‘unwan in *Shah-nameh* as well as the correlation between those characteristics on the one hand, and the communicative intention of the addresser and relative social statuses of the participants in the communication act on the other.

Keywords: mediated communication, letter structure, medieval epistolography, *Shah-nameh*

For citation: Lahuti, S.V. (2019), “The content and functions of ‘unwan in letter structure in *Shah-nameh* by A. Ferdowsi”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philology. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 55-82, DOI: 10.28995/2686-7249-2019-7-55-82

Введение

Эпистолярный жанр – один из немногих, вплоть до наших дней сохранявших формальную рамку (см., напр., [Баранова, Лямин, Орлова 2016; Кожеко 2015]). И если в частных письмах она постепенно стирается, то в официальной сфере поддерживается по-прежнему. Некоторые элементы формальной рамки пусть и отличаются лексическим наполнением, но присутствуют во всех культурах с древних времен. В первую очередь это объясняется, конечно, их функциями. Одним из таких элементов является часть, сообщающая, от кого это письмо и кому оно направлено (см., напр., подобные надписи в античном и эллинистическом письме [Миллер 1967, с. 9]).

В арабо-персидской традиции подобная часть называется унваном, и функции ее существенно шире, чем сообщение об именах коммуникантов. В этой статье будет рассмотрено лексическое наполнение унванов и показано, как лексическое наполнение и структура унванов коррелирует с темой письма, коммуникативной интенцией отправителя и соотношением статусов корреспондентов.

Если считать письмом в широком смысле слова весь текст, а письмом в узком смысле слова – только само сообщение, то унван не всегда является частью текста письма в узком смысле слова, но всегда входит в комплекс его коммуникативных средств. К этому комплексу относятся не только адреса отправителя и получателя, но и паралингвистические средства, обеспечивающие процесс коммуникации (в современном письме это вид конверта, бумага, цвет чернил, почерк, «с окошком» для деловой переписки, с красивой картинкой для поздравительного письма и т. п.). Для средневековой арабо-персидской культуры коммуникативный комплекс имеет особое значение. В первую очередь это верно для официальных писем, написанных правителями и их приближенными. Коммуникативный комплекс – т.е. бумага (или драгоценная ткань), на которой написано послание, цвет чернил, вид посланника, который доставил его, и многое другое – считался важным для того, чтобы коммуникативный акт был успешным (см., напр., [Gully 2008, с. 159]¹).

Отражение эпистолярной традиции в «Шах-наме» Абулькасима Фирдоуси

«Шах-наме» («Книга царей»), поэма персидского поэта Абулькасима Фирдоуси (X в.), содержащая 100 тысяч строк, рассказывает историю Ирана от сотворения мира до завоевания Ирана арабами. Современниками она воспринималась как историческое произведение в той же мере, как и поэтическое. Поэма основана как на устных, так и на письменных источниках, важнейшим из последних считается прозаическая «Шах-наме», текст которой, как и абсолютное большинство других источников, утрачен [Davis 1996]².

¹ См. также: CORRESPONDENCE ii. In *Islamic Persia* // *Encyclopedia Iranica* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/correspondence-ii> (дата обращения 15.05.2018).

² *Стариков А.А.* Фирдоуси и его поэма «Шахнаме» // Фирдоуси. Шах-наме. Т. 1. М., 1957. М.: Наука, 1957. С. 459–592.

Повествование включает обширную переписку и обмен устными посланиями – в первую очередь между правителями и разнообразной знатью. В общей сложности в результате анализа в поэме было обнаружено более 300 посланий, из них приблизительно половина – письменные³. Большая часть из них – особенно когда они входят в длинную цепочку писем – представляют собой фрагмент послания, однако имеются и «приведенные» в полном виде. Это количество сравнимо с числом всех сохранившихся доступных для прочтения реальных писем сасанидского периода (подавляющее большинство переведено на английский и опубликовано немецким исследователем Дитером Вебером в 1992 и 2008 гг.⁴ и существенно превосходит число писем в других персидских средневековых художественных произведениях.

Как показано в [Лахути 2015], письма в «Шах-наме» по своей формальной структуре практически полностью соответствуют и доисламской, и ранней арабо-персидской эпистолярной традиции, а единственное отличие затрагивает часть вступления, посвященную восхвалению Бога. Учитывая это, а также признаваемую всеми исследователями высокую ценность «Шах-наме» для изучения персидской культуры первых веков ислама (которая не слишком отличалась от доисламской персидской [Schimmel 2011, с. 33–34]), можно утверждать, что письма в поэме составлены в рамках исторической эпистолярной традиции.

Таким образом, письма в «Шах-наме», с одной стороны, как часть литературного произведения подчинены художественному замыслу автора, с другой – написаны в рамках исторической традиции.

³ Работа проводилась с опорой на аннотированный корпус посланий из «Шах-наме» (ок. 10 000 строк), составленный автором статьи в ходе более ранних исследований.

⁴ *Weber D.* Ostraca, Papyri und Pergamente. Textband // *Corpus Inscriptionum Iranicarum. Part III: Pahlavi Inscriptions. Vol. IV/V: Ostraca and Papyri. Texts. Vol. 1.* London, 1992; *Weber D.* Berliner Pahlavi-Dokumente: Zeugnisse spätsasanidischer Brief- und Rechtskultur aus frühislamischer Zeit. *Iranica. Vol. 15.* Wiesbaden, 2008.

*Унван как часть
коммуникативного комплекса послания
в «Шах-наме»*

«Шах-наме» обычно условно делят на три части: мифологическую, героическую (иначе – легендарную или эпическую) и историческую⁵. Последняя – эпоха правления династии Сасанидов – относится уже к известным по историческим источникам лицам и в отношении исторической канвы в меньшей степени основана на мифах. Между героической и исторической частями помещен рассказ о царствовании Искандара (Александра Македонского), наполненный чудесными приключениями. Относительно принадлежности этого рассказа к определенной части нет единого мнения.

Из писем, приведенных «полностью» и включающих элементы формальной рамки, унваном сопровождаются тринадцать (само слово *унван* имеется в семи случаях из тринадцати). Кроме того, имеется два письма, рядом с которыми в тексте присутствуют строки, называющие отправителя и получателя; но, исходя из того, что эти письма расположены в частях поэмы, в которых унванов еще не встречается, каких-либо гонорификов или эпитетов (о включенности их в унван см. ниже) там не имеется, а само слово *унван* отсутствует, эти строки скорее могут считаться простым описанием отправителя и получателя, а не формальным унваном. Здесь рассмотрены только те письма, в которых адресная часть без сомнений является не частью речи от автора, а унваном, пусть даже сокращенным.

Отправителей в общей сложности девять, восемь из них – главы своих стран; все получатели разные. В девяти посланиях переписка идет между правителями разных стран, в одном правитель пишет послу другого правителя (не зная, что в роли посла выступает сам правитель), в двух правитель пишет своим подданным (марзбанам, т. е. правителям областей), а в одном случае обмениваются посланиями два военачальника. Все это – официальные письма; таким образом, хотя неофициальные письма в «Шах-наме» имеются, унван присутствует только в официальных.

Единственный унван до раздела о царствовании Искандара появляется в тексте поэмы в момент, важный для иранской исторической традиции: обсуждается принятие иранским правителем новой веры (зороастризма) и связанный с этим отказ продолжать платить дань отправителю, царю туранцев; последний усиленно уговаривает шаха изменить свои намерения

⁵ См., напр.: *Стариков А.А.* Указ. соч. С. 524–527.

и в противном случае угрожает нежеланной, но неизбежной войной⁶. Пять унванов содержатся в переписке Искандара, и семь встречаются в последней, исторической, части.

Помимо необходимой части – именованя отправителя и получателя – все унваны включают еще какую-то дополнительную информацию о них, которую отправитель желает донести до получателя. Как уже было сказано, текст царского письма является частью целого коммуникативного комплекса: язык, на котором написано послание, внешний вид послания и т. д. – все это составляет комплекс паралингвистических средств, в исторической традиции часто не менее важных для достижения цели отправителем, чем непосредственно текст письма. И более широко – частью всей коммуникативной ситуации в целом (по схеме, которую можно выделить в «Шах-наме», она включает подготовку к созданию послания: участие писца (дабира), составляющего текст послания в соответствии с намерениями отправителя, процесс завершения, т. е. наложение печати и отправку гонца или посла, вручение послания [Лахути 2013]). Унван – тоже часть этого комплекса. Его можно считать частью формальной рамки посланий, хотя он обладает некоторой внутренней законченностью и самостоятельностью – исторически он даже мог располагаться отдельно, на внешней части свитка, а не перед началом послания. Также формальная рамка включает восхваление Бога, восхваление адресата, приветствие, благопожелания; прощание (подробнее см. [Лахути 2015]).

Статусам участников письменной коммуникации и их соотношению – в первую очередь в царской переписке – придавалось большое значение и в доисламскую, и в раннеисламскую эпоху. Это следует и из немногих сохранившихся доисламских источников (так, пехлевийский письмовник VI века указывает, как следует писать царям и подчиненным, отцам, братьям и детям, как начинать письма, составляемые по специальным случаям⁷), и из многочисленных примеров руководств для написания писем и образцов переписки от XI века – большинство материалов и, соответственно, исследований посвящены письмам арабо-персидской традиции, чуть более поздней, чем эпоха Фирдоуси⁸.

⁶ *Фирдоуси*. Шах-наме. Критический текст: В 9 т. / Сост. текста М.-Н.О. Османов. АН СССР Институт народов Азии. Т. 6. М.: Наука, 1967. С. 74.

⁷ *Zaehner R.C. Nāmak-nipēsišnīh // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London, 1937. Vol. 9. Issue 1. P. 93–109.*

⁸ CORRESPONDENCE iii. Forms of opening and closing, address, and signature // *Encyclopedia Iranica* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/correspondence-iii> (дата обращения 15.05.2018).

Все это позволяет с большой степенью вероятности допустить, что и в унванах в «Шах-наме» имеет место корреляция между лексическим наполнением и структурой унванов с одной стороны и статусами отправителя и получателя, а также содержанием послания и его коммуникативной задачей, с другой. Таким образом, целью этой статьи стала проверка этого предположения.

Способы описания участников коммуникации в унванах писем в «Шах-наме»

Структурно унван делится на две части: часть, посвященную отправителю, и часть, посвященную получателю. В каждой из них основу составляют имена и титулы коммуникантов, т. е. обозначения их официальных статусов. В ситуации, когда имя по каким-то причинам не названо, титул выступает в качестве заместителя имени. Они дополняются разного рода гонорификами и лаудативами (в одном случае – пейоратив).

Большинство элементов может относиться и к получателю, и к отправителю, небольшая их часть «не пересекается», т. е. применяется только к отправителю, но не к получателю – и наоборот. В ряде случаев эта неравновесность является, без сомнения, намеренной, в других же случаях из-за малого количества примеров определенной, является эта неравновесность окказиональной или намеренной, не представляется возможным. В дальнейшем это можно будет сопоставить с другими структурными частями посланий и типами коммуникации.

I. Основная информация

В основную информацию, отраженную в унванах, входят имя коммуниканта, его официальный титул и подвластная ему область, которая традиционно входит в титул как в восточных, так и в европейских культурах. (Полный список см. в табл. 1.)

I.1. Имя коммуниканта

В эту группу объединены все упомянутые в унванах имена отправителей и получателей. В таблице звездочкой помечены титулы коммуникантов, которые и в остальном тексте поэмы названы только по титулу, так что их имена не упоминаются.

В частях, посвященных отправителю, имя названо девять раз, а в частях, посвященных получателю, – шесть раз.

Пример 1

От Дары, сына Дараба, сына Ардашира *zi dārā-yi dārāb-i bin ardašīr*
 Кайсару Искандару-завоевателю⁹. *su qayšar iskandar-i šahrgī*¹⁰

В четырех случаях указан только титул, которым получатель назван в поэме. В трех случаях получатель является коллективным и поэтому определяется исключительно по его официальному статусу, а не по имени.

Только в одном случае имя, которое могло бы быть названо, отсутствует: царь Искандар назван «шахом Ирана и Рума», однако из контекста ясно, что отправитель именно он. При этом получатель тоже не имеет имени – это коллективный получатель, «совет правительниц страны Харум¹¹».

1.2. Титул

Официальный титул отправителя встречается восемь раз, получателя – десять.

Отправитель во всех тринадцати унванах занимает главенствующее положение в своем мире. В унванах восьми отправителей из девяти указаны их титулы. Во всех случаях это наследственный правитель страны (условно – «царь»): для Ирана это *шах* (*šāh*) или *шахиншах* (*šāhānšāh*) – царь царей; для Рума¹² – *кайсар* (*qayšar*)¹³; для Чина¹⁴ – *фагфур* (*fağfur*). В одном – правитель своей провинции и военачальник всего иранского войска (букв.: богатырь страны, *jahān-pahlavān*), но в унване использовано только последнее.

⁹ Подстрочные переводы примеров выполнены автором статьи. При переводе лексики учитывался немецкоязычный словарь языка «Шахнаме»: *Wolff F. Glossar zu Firdosis Schahname. Supplementband. Verkonkordanz der Schahname-Ausgaben von Macan, Vullers und Mohl. Hildesheim, 1965.*

¹⁰ *Фирдоуси*. Указ. соч. Т. 6. М.: Наука, 1967. С. 396. (Все примеры даются по критическому изданию текста «Шахнаме», изданному в Москве в 1960–70-х гг.)

¹¹ Харум – легендарная страна, которую часто соотносят со страной амазонок.

¹² Румом в разные эпохи назывались разные страны на территории Малой Азии (Греция, Римская империя, Византия, Анатолия); в географии «Шахнаме» Рум – страна к западу от «центра мира», Ирана.

¹³ Кайсар – ар.-перс. форма слова *кесарь*.

¹⁴ Чин – Китай, или Китайский Туркестан.

Пример 2

- а) шах Ирана и Рума *šāh-i irān-u rūm*¹⁵
 б) шах мира (страны) *šāh-i jahān*¹⁶

Шахами названы наследственные цари Ирана (4 раза), Хосров Ануширван (Кесра Нушинраван) называет себя и шахом, и шахиншахом (царем царей); Искандар после того, как он завоевал Иран, называет себя шахиншахом (1 раз), царем царей. И, наконец, себя называет шахиншахом правитель (фагфур) Чина (1 раз) – по мнению получателя, незаконно (о письме с реакцией получателя см. ниже).

1.3. Подвластная область

Если отправитель или получатель – «царь», то в основную информацию входит указание территории, подвластной ему.

Для шаха указывается страна (кроме случаев, когда шах пишет своим подданным), для шахиншаха – нет, поскольку в это название имплицитно входит понятие высшей власти. Подразумевается, что этот титул может принадлежать только верховному правителю Ирана, которому подчинены все правители (шахи) отдельных царств. Фагфур в письме посланнику шахиншаха Ирана, Бахрама, называет себя шахиншахом мира/страны, но это вызывает негодование шахиншаха Ирана, которое он выражает от лица своего посла.

В примере 2б Йаздигард III называет себя царем мира (*šāh-i jahān*); в «Шах-наме» под миром часто понимается вся своя страна (обычно это Иран)¹⁷.

Информацию, названную в пункте I, можно обобщить в таблице 1. В первом столбце части про отправителя и части про получателя указан официальный статус и имя коммуниканта в тот период, когда он писал (или получал) письмо. Этот статус не всегда можно видеть в самом письме или унване, но он за редким исключением назван в окружающем письмо тексте поэмы. Столбцы два и три части про отправителя и части про получателя называют их имена и титулы в той форме, в которой они встречаются уже в самом унване, четвертый же столбец соответствующих частей указывает, упоминаются ли в унване подвластные правителям земли и, если упоминаются, то какие.

¹⁵ *Фирдоуси*. Указ. соч. Т. 7. М.: Наука, 1968. С. 74.

¹⁶ Там же. Т. 9. М.: Наука, 1971. С. 339.

¹⁷ *Wolff F.* Op. cit.

Получатель и отправитель в письме и в поэме

порядковый номер послания	ОТПРАВИТЕЛЬ				ПОЛУЧАТЕЛЬ			
	имя и статус в поэме	имя в унване	ТИТУЛ в унване	подвластная территория в унване	имя и статус в поэме	имя в унване	ТИТУЛ в унване	подвластная территория в унване
1	Арджасп, шах Турана и Чина	Арджасп	-	Чин	Гушгасп, шах Ирана	Гушгасп	шах	земля/страна
2	Дара, шах Ирана	Дара	-	-	Искандар, кайсар Рума; шахиншах	+	кайсар	-
3	Искандар, шах Ирана	+	шахиншах		Фур [правитель] Хинда ¹⁸	+	-	Хинд, Синд
4	Искандар ¹⁹ , шах Ирана	+	-	-	Кайдафе, правительница страны Харум	+	-	-

¹⁸ Фур – исторический царь Индии Пор, фигурирующий в романах об Искандаре. Трудно сказать, рассматривается это в «Шах-наме» как имя собственное или как титул. Но поскольку в связи с ним речь идет о троне и венце – атрибутах царской власти, можно считать его «царем».

¹⁹ После завоевания Ирана Искандар (Александр Македонский) начинает именоваться в поэме шахом.

5	Искандар, шах Ирана	-	шах	Иран и Рум	совет страны Харум	н/р	н/р	Харум
6	Искандар, шах Ирана	-	шах	Рум и все страны	фафур («царь») Чина	-	фафур	Чин
7	Бахрам, шах Ирана	+		мир/страна	Шангул, «царь» Хинда	+	-	Хинд: от моря Каннуджа до границы Синда
8	фафур, (царь) Чина	-	шахин-шах, шах, шах	мир/страна	посланник шахиншаха Ирана ²⁰	-	посланник	н/р
9	Кесра Нуширван, шах Ирана	+	шахин-шах, шах	-	подданные-чиновники*	н/р	коллект	н/р
10	Нуширван, царь Ирана	+	шах	-	кайсар	-	кайсар ²¹	Рума
11	кайсар ²²	-	-	-	Хосров Парвиз, шах Ирана	+	(заменен восхв., указано преемство наследования престола)	мир/страна
12	Ростам, военачальник Ирана	+	военачальник	н/р	Са'д Ваккас, военачальник арабской армии	+	-	-
13	Йаздигард, шах Ирана	+	шах	-	марзбаны	н/р	марзбаны	н/р

²⁰ В поэме переодетый шах Бахрам выступает в качестве своего посла.

²¹ Исторический византийский император Юстиниан.

²² Исторический византийский император Маврикий.

II. Дополнительная информация

II.1. Гонорифик

В эту подгруппу входят гонорифики. Здесь под этим понимаются именованная лаудативной направленности, сопряженные с официальным статусом коммуниканта, но не совпадающие с ним (при этом ничто не мешает одаривать гонорификами и самого себя). См. пример 3 ниже.

Гонорифики встречаются по семь раз как в отношении отправителя, так и в отношении получателя.

Пример 3

a) глава каждого марза ²³ и града	sālār-i har marz-u büm ²⁴
b) миродержец	jāhāndār ²⁵
c) хранитель того марза
и благоустроенного края	nigahbān-i ān marz-u ābād büm ²⁶
d) хранитель престола	nigahdār-i gāh ²⁷
e) победоносный военачальник Йаздана	sipahdār-i yazdān-i pīrūzgar ²⁸

Под хранителем подразумевается в первую очередь глава/защитник страны или какой-то области.

В примере 3e словосочетание «военачальник Йаздана» подразумевает, что власть обладателя гонорифика исходит от Бога.

Пример 4

кайсар Искандар-завоеватель	sū-yī qayṣar-i iskandar-i šahrgīr ²⁹

Завоеватель – единственный эпитет, который в унванах постоянно придается одному и тому же персонажу – Искандару, т. е. Александру Великому как им самим, так и одним из его корреспондентов. Буквально переводится как «берущий города». Как будет показано в следующей части статьи, гонорифик может быть сочтен не соответствующим реальному статусу и быть воспринят негативно. Гонорифики могут быть как самостоятельными, так и добавляться к официальному статусу. В унванах в «Шах-наме» в основном наблюдается второй случай.

²³ Марз – область, часто пограничная.

²⁴ *Фирдоуси*. Указ. соч. Т. 7. С. 92.

²⁵ Там же. С. 92.

²⁶ Там же. Т. 8. М.: Наука, 1970. С. 79.

²⁷ Там же. Т. 6. С. 74.

²⁸ Там же. Т. 9. С. 339.

²⁹ Там же. Т. 6. С. 396.

II.2. Легитимность статуса

Легитимность статуса может основываться на преемственности, т. е. на том, что этот статус был законно получен по наследству, а также на том, что носитель не только получил его по праву, но и заслуживает того, чтобы его сохранять, соответствует ему (примеры отсутствия легитимности в «Шах-наме» имеются).

II.2.1. Указание преемственности власти

Встречается по два раза и в отношении отправителя, и в отношении получателя.

Пример 5

избранный и старший сын
царя Лохраспа

guzīn-u mihīn pūr-i luhrāsp šāh³⁰

В данном случае говорится не только, что он – сын представителя царской династии, но уточняется, что он старший сын, т. е. законный наследник престола, и именно он избран для царствования. Этот пример служит иллюстрацией сразу к двум пунктам – этому и следующему, «Апелляция к генеалогии».

II.2.2. Апелляция к генеалогии

В эту группу включены все упоминания рода или происхождения участников коммуникации. Встречается два типа таких упоминаний:

а) Прямое упоминание: называется имя отца или более отдаленных предков.

Здесь количества упоминаний почти равны: родители и более отдаленные предки отправителя упоминаются три раза, предки получателя – два. Пример 1 полностью иллюстрирует этот подпункт («от Дары, сына Дараба»).

б) Расширенное упоминание: упоминаются достижения славных предков, величие рода (вместе с именем или без него).

Достижения славных предков отправителя упоминаются шесть раз, а получатель не упоминается в этом контексте ни разу. Расширенная отсылка к генеалогии присуща исключительно характеристике отправителя, но не характеристике получателя. Как будет показано дальше, наличие такого упоминания в характеристике получателя непосредственно связано с содержанием послания.

³⁰ Там же. С. 74.

Пример 6

От Нушинравана, шаха славного рода, *zi nūšīn-ravān šāh-i farrux-nižād*
 Повелителя мира и воскресителя *jahāngīr-u zinda-kun-i kay-qubād*³¹
 Кай-Кубада

В этом примере можно видеть две отдельных апелляции к генеалогии. С одной стороны, упоминается царское происхождение отправителя в целом, с другой – он назван «воскресителем Кай-Кубада», т. е. воплощающим собой великого предка. Тем самым утверждается и его величие, и его принадлежность к великому роду.

П.2.3. Соответствие официальному статусу

Здесь относятся перечисления личных качеств, усиливающих формальное право на официальный статус.

Такие примеры встречаются только в части, относящейся к получателю (2 раза), но не к отправителю, в то время как апелляция к легитимности статуса в равной мере присуща и отправителю, и получателю.

Пример 7

достойный престола кайанского *sazāvār-i gāh-i kayān b[a]fārīn*³²
 славного

Т. е. правитель, достойный великой иранской династии кайанидов, из которой и происходит.

П.2.4. Апелляция к божественному, т. е. упоминание веры коммуниканта или его достижений во имя веры и т. д.

Апелляция к божественному может характеризовать как отправителя, так и получателя, и встречается по 2 раза.

Пример 8

... от великого ...*zi mih-ast*
 Шахиншаха Кисры, *šahanšāh-i kisrā-yi yazdān-parast*³³
 поклоняющегося Йаздану³⁴

³¹ Там же. Т. 8. С. 79.

³² Там же. Т. 6. М.: Наука, 1967. С. 74.

³³ *Фирдоуси. Указ. соч.* Т. 7. С. 429.

³⁴ Йаздан – из среднеперсидского *yazdān* (мн.ч. от *yazata* – именованная «благих божеств» в зороастризме, в новоперсидский перешло со значением «Бог». Именно в этом значении его использует и Фирдоуси.

Здесь с помощью упоминания Бога (Йаздана) подкрепляется статус Кисры, в данном случае подчеркивается его приверженность государственной религии, необходимая для сасанидских правителей и обеспечивающая их власть. Здесь можно вспомнить изречение, которое приписывают сасанидскому царю Ардаширу I все средневековые историки: «Трон – опора алтаря, алтарь – опора трона»³⁵.

И.З. Свойства коммуниканта

а) Горделивость

«Горделивый» – *sar-afrāz*, букв. «высоко поднимающий голову», словарное значение также: «гордый», «счастливым», «пользующийся почетом». В словаре Шах-наме: *stolz, hervorragend, hoch*³⁶. Употребляется в адрес представителя высшего воинского сословия, к которому принадлежат и цари. Единожды употреблено в адрес получателя.

Пример 9

кайсар горделивый Рума

qayṣar-i sar-afrāz-i rūm³⁷

Эта характеристика наблюдается в полном угрозе письма шахиншаха Ирана к кайсару Рума.

б) Мощь

В общей сложности мощь коммуникантов упоминается всего три раза – два раза при описании отправителя и один раз при описании получателя.

Пример 10

а) богатырь Гуштасп

gurd-i guštāsp³⁸

б) повергающий львов

... šīr-awžan iskandar-i šahgīr³⁹

Искандар-завоеватель

Лев в арабо-персидской традиции – устойчивая метафора могучего воина. Таким образом, Искандар называет себя победителем отважных и могучих мужей. Употребляется в адрес представителей воинского сословия (в которое входит и царь).

³⁵ Луконин В.Г. Примечания // Фирдоуси. Шахнаме. Т. 5 / Пер. Ц.Б. Бану-Лахути и В.Г. Берзнева; Коммент. В.Г. Луконина. М.: Наука, 1984. С. 365–366.

³⁶ Wolff F. Op. cit. S. 520.

³⁷ Фирдоуси. Шах-наме. Критический текст. Т. 8. С. 79.

³⁸ Там же. Т. 6. С. 74.

³⁹ Там же. Т. 7. С. 44.

с) Величие в глазах мира

Встречается 6 раз как характеристика отправителя и 3 раза как характеристика получателя. В эту подгруппу вошли разнообразные восхваления величия коммуникантов. Как видно из статистики, восхваление величия больше характерно для отправителя, чем для получателя. При этом наличие восхваления получателя непосредственно связано с интенцией отправителя. Может употребляться только в адрес правителей.

Пример 11

Кайдафе-мудрой,	ba nazdik-i qaydāfa-yi hūšmand
Имя которой обрело величие	šuda nām-i ū dar buzurgī buland ⁴⁰

d) Справедливость

Стоит уточнить, что под справедливостью понимается в первую очередь способность правителя соблюдать высший закон⁴¹ и воздавать каждому должное: награждать добро и карать зло. Встречается дважды – по одному разу на отправителя и получателя.

Пример 12

Чья справедливость	ki dād-aš sar-i har badī rām kard ⁴²
голове любого зла смирила	

Теперь мы переходим уже к качествам, которые могут быть присущи более широким кругам населения.

е) Морально-этическая характеристика

Также встречается дважды – по одному разу при описании отправителя и при описании получателя.

Пример 13

Рустам, стремящийся к добру	rustam-i nīk-x ^v āh ⁴³
-----------------------------	--

f) Мудрость

Мудрость отправителя названа один раз, мудрость получателя – трижды. Мудрость, неразрывно связанная со служением

⁴⁰ Там же. С. 44.

⁴¹ *Shaki M. Dād* (1) // Encyclopaedia Iranica [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/dad-1-law> (дата обращения 15.05.2018).

⁴² *Фирдоуси*. Шах-наме. Критический текст. Т. 7. С. 411.

⁴³ Там же. Т. 9. С. 321.

добру, относится к самым важным свойствам человека в «Шах-наме». Она упоминается не только среди необходимых свойств царя, но и в отношении довольно широкого круга персонажей. Например, это одно из самых важных свойств дабиров, т. е. лиц, занимающихся в том числе и написанием писем для царя, и послов, т. е. тех, кого в ряде случаев с этими письмами отправляют [Лахути 2013].

Пример 14

указующий путь и мудрый dānanda-vu rahnamāy⁴⁴

Легко видеть, что некоторые свойства приписываются отправителю и/или получателю один-два раза (горделивость, мощь, справедливость, моральные качества, отвага), между тем как два из них – величие и мудрость – резко выделяются, причем если описание величия чаще присуще характеристике отправителя, то упоминание мудрости чаще встречается в отношении получателя.

II.4. Воздействие на мир

Элементы этой группы встречаются исключительно применительно к получателю (три раза). Они описывают, как отражаются на мире действия последнего. Это одна из двух групп, в которых можно увидеть не только положительную, но и негативную оценку получателя или его действий. Традиция написания писем требует соблюдения этикета, даже если получатель каким-то образом навредил своими действиями отправителю, так что отступления от этикета обращают на себя внимание⁴⁵.

Пример 15

а) умножающий благо xudāvand-i pākī-yu nīkī-fazāy⁴⁶
и чистый владыка

б) сделавший мир для себя темным jahān karda bar xvīštan tār-u tang⁴⁷
и тесным

⁴⁴ Там же. Т. 7. С. 92.

⁴⁵ *Низами Арузи Самарканди*. Собрание редкостей, или Четыре беседы / Пер. с перс. С.И. Баевского и З.Н. Ворожейкиной. М.: ИВЛ, 1963. С. 38–39.

⁴⁶ *Фирдоуси*. Шах-наме. Критический текст. Т. 7. С. 92.

⁴⁷ Там же. Т. 9. С. 321.

Пример 15а взят из письма, адресованного правителю Чина, а пример 15б – из письма, направленного Са’ду Ваккасу, арабскому полководцу, напавшему на Иран.

Надо отметить, что все положительные атрибуты, которыми отправитель наделяет себя или получателя письма, а именно: легитимность царского сана и соответствие этому сану, в поэме свойственны далеко каждому царю. В ней есть цари несправедливые, жестокие и неразумные, цари-узурпаторы, не являющиеся наследниками царского рода.

Перейдем теперь к тому, как использование этих единиц зависит от соотношения статусов коммуникантов и других факторов.

Связь унвана с интенцией отправителя и соотношением статусов коммуникантов

В этой части будет описано, каким образом содержание унвана связано с содержанием письма в узком смысле (т. е. непосредственно текстом послания), интенцией отправителя и тем, как между собой соотносятся статусы и объем власти участников коммуникации.

Большая часть приведенных писем написана царями, большая часть из этих писем так или иначе связана с войной, и, наконец, большую часть лексики унванов составляют лаудативы.

Рассмотрим такой пример: иранский царь Бахрам пишет письмо хиндскому царю Шангулу. Царь Шангул прекратил платить дань, и теперь Бахрам требует выплаты и грозит войной, если дани не получит. Бахрам и Шангул – цари, то есть находятся на одной социальной ступени, но при этом Бахрам – глава персидской империи, а Шангул – лишь одной страны, что несколько снижает его статус по сравнению с Бахрамом.

Как и в большинстве писем, вначале идет часть унвана, описывающая отправителя, затем часть, описывающая получателя.

Пример 16

В своем унване начертал имя Бахрама,	ba ‘unvān-aš bar nām-i bahrām kard
Чья справедливость голову любого зла смирила,	ki dād-aš sar-i har badī rām kard

Который кайанский венец обрел от Йаздигарда	ki tāj-i kayān yāft az yazdgard
--	---------------------------------

В месяц Хурдад, в день Ард, Военачальника марза и хранителя края,	ba xurdād māh andarūn rūz-i ard sipahdār-i marz-u nigahdār-i būm
--	---

Получающего дань от Саклаба и Рума,	sitānanda-yi bāž-i saqlāb-u rūm
К Шангулу, хранителю Хинда	ba nazdik-i šangul nigahbān-i hind
От моря Каннуджа до границы Синда.	zi daryā-yi qannūj tā marz-i sind ⁴⁸

Здесь мы видим, во-первых, имя отправителя – Бахрам, затем упоминается его свойство (причем сословное «царское» свойство) – справедливость, т. е. способность обращаться с каждым так, как он этого заслуживает, подчеркивая тем самым закономерность требования дани. Затем речь заходит о его официальном статусе, который он получил законным путем, даже уточняется когда. Упоминается и его отец, и название династии. Затем упоминается, что он является верховным военачальником в своих землях и их хранителем, не говоря уже о том, что он получает дань от разных земель.

При этом про получателя помимо имени сообщается исключительно, что он является хранителем своей земли, ограниченной с двух сторон.

Таким образом, унван подчеркивает царственный статус отправителя и законность его требований (косвенно – через утверждение его царского статуса) и указывает, что Шангул должен лишь хранить и защищать свою землю, а учитывая мощь Бахрама – военачальника своей земли, в данном случае у Шангула остается лишь одна возможность защитить свою землю, а именно снова начать платить дань.

Рассмотрим теперь другой пример, одно из немногих писем, которые требований не содержат, только просьбу.

Пример 17

Так сказал: это письмо к великому	čunīn guft k-īn nāma sū-yi miḥ-ast
Миродержцу Парвизу, почитателю	jahāndār-i parvīz-i yazdān-parast.
Йаздана,	
Миродержцу, бдящему	jahāndār-u bīdār-u padrām-i šahr
и благословенному [царю] страны,	
Которому дал Йаздан в удел венец	ki yazdān-aš tāj-u xirad dād bahr
и разум,	
Миродержцу, сыну Хурмузда-шаха,	jahāndār farzand-i hurmuzd šah
Который достоин венца и достоин трона,	ki zībā-yi tāj-ast-u zībā-yi gāh
От кайсара, чьи отец и мать львиного	zi qayšar-i padar-u mādar šīr-nām ⁴⁹
имени...	

⁴⁸ Там же. Т. 7. С. 411.

⁴⁹ Там же. Т. 9. С. 202.

В этом письме кайсар Рума, т. е. христианской страны⁵⁰, пишет иранскому царю Хусраву Парвизу: он просит в знак окончательного примирения вернуть захваченный в предшествующих войнах крест, на котором был распят Иисус Христос, и в свою очередь шлет всяческие дары.

Кайсар использует гонорифик царя – миродержец, называет его имя, затем идет апелляция к божественному: упоминается, что Парвиз почитает Йаздана. Учитывая тематику послания, это важный момент в унване: если Парвиз почитает Единого Бога, то он должен понять и важность креста для кайсара (отметим, что Парвиз действительно понимает значение креста, но именно поэтому отказывается его вернуть и в ответном послании представляет крест просто как «деревяшку», которую стыдно посылать шахиншаху). После этого снова идет гонорифик, упоминается важное свойство – мудрость, воздействие царя на мир: он – благословение страны. Эта часть, с одной стороны, возвеличивает получателя, с другой – имплицитно предлагает не опровергать слов и продолжить улучшать ситуацию в мире и быть благословением и для Рума тоже.

И после такого восхваления в этом письме-просьбе, очень важном для кайсара, говоря о себе, он упоминает лишь свой официальный царственный статус и подкрепляет его принадлежностью к великому роду. Т. е. он указывает, что оказать такую услугу ему, человеку достойному, для шаха не стыдно, но не выпячивает свой статус и достоинства, чтобы не вызвать собеседника на «борьбу статусов». Концентрация лаудативов же должна оказать воздействие на получателя и помочь снискать его благоволение.

Здесь также обращает на себя внимание порядок, в котором следуют части унвана: сначала описание получателя, затем описание отправителя.

Кроме этого письма имеется лишь одно, в котором получатель идет раньше отправителя – это тоже переписка равных, царя Ирана и царя Турана.

Пример 18

К богатырю Гуштаспу, шаху земли,
Достойному престола кайанского
славного.

ba sū-yi gurd-i guštāsp šāh-i zamīn
sazāvār-i gāh-i kayān b[a] āfarīn

Избранному и старшему сыну царя
Лухраспа,

guzīn-u mihīn pūr-i luhrāsp šāh

⁵⁰ Рум – *зд.*: Византия.

Господину войска и хранителю xudāvand-i jīš-u nigahdār-i gāh
престола.

От Арджаспа, вождя богатырей Чина, zi arjāsp sālār-i gurdān-i čīn

Всадника, объехавшего весь мир. savār-i jahān-dīda gurd-i zamīn⁵¹

Отправитель, указанный последним, пытается отговорить получателя, указанного первым, от принятия новой религии; он приводит множество аргументов, последний из которых – угроза разрушительной войны в случае отказа. Отправитель – туранский царь Арджасп – начинает при этом свое письмо иранскому царю Гуштаспу с воспевания в унване царственного статуса иранского шаха и собственной мудрости («всадник, объехавший весь мир» – т. е. знающий, с широким кругозором, а след., мудрый). Интересно, что это также одно из писем, предуведомленных словами, что это «царское письмо», написанное «так, как подобает в жизни».

Помимо этих двух имеется еще два письма, не связанных с противостоянием получателя и отправителя, оба адресованы людям, находящимся на более низкой социальной ступени, чем отправитель, и порядок следования частей унвана в обоих письмах традиционный – сначала отправитель, затем получатель. Конечно, двух примеров мало, чтобы сделать однозначный вывод, однако они вполне позволяют предположить, что изменение порядка следования частей в унване можно рассматривать как одно из средств воздействия на адресата.

Следующие два письма написаны от лица Искандара (Александра Македонского). Суть обоих писем одна: он ставит правителям ультиматум – либо они сдаются и начинают платить дань, либо будут уничтожены. При этом письма отправлены на разных стадиях завоевания мира.

Первое письмо отправлено правительнице Кайдафе во время одной из первых кампаний Искандера.

Пример 19

От храброго Искандара-завоевателя zi šīr-awžan iskandar-i šāhrgīr

Кайдафе разумной, ba nazdik-i qaydāfa-yi hūšmand

Имя которой обрело величие. šūda nām-i ū dar buzurgī buland⁵²

В этом унване снова отправитель стоит на первом месте, правда, описание его предельно коротко. Упомянется свойство – отвага,

⁵¹ Там же. Т. 6. С. 74.

⁵² Там же. Т. 7. С. 44.

имя отправителя, гонорифик – завоеватель. Он уже завоеватель, да еще отважный, и, конечно, завоеует и страну царицы Кайдафе. Между тем, говоря о Кайдафе, он упоминает ее имя, называет ее свойство – мудрость, а также говорит о ее величии. Так Искандар дает понять, что он не стремится вызвать ее на бой, но рассчитывает на ее разумное понимание соотношения сил. Это подтверждается текстом письма. Упоминание мудрости можно было бы понять как чисто этикетную формулу, если бы не другое письмо Искандера.

Это другое письмо адресовано царю Чина и содержит те же самые условия: плати дань или будь уничтожен. Однако написано оно позже, когда у Искандера за спиной оказалось уже много завоеванных земель.

Пример 20

На том письме унван был от шаха Рума:	bar ān nāma ‘unvān bud az šāh-i rūm
Владыка, глава каждого града и веси, Которому воздают цари хвалу,	jahāndār-u sālār-i har marz-u būm ki x’ānand šāhān bar ū āfarīn
К фагфуру Чина, украсителю страны, Миродержцу знающему и указующему путь,	ba sū-yī kišvar-ārāy faḡfur-i čīn jahāndār-u dānanda-vu rahnamāy puṭ,
Владыке чистому и умножающему благо.	xudāvand-i pākī-yu nīkī-fazāy ⁵³

Здесь мы видим, что набравший сил Искандар уже начинает давить своей мощью, да и противник у него сейчас – глава большой страны, а не правительница нескольких небольших островов. Здесь про Искандара сразу тремя способами объясняется, что он владыка, что он «глава каждого града и веси», говорится про его величие: ему «воздают цари хвалу». В примере 16, где Бахрам требует дани от Шангула, используется ровно тот же прием, только там перечислялись страны, которые уже платят дань, а здесь подчеркивается, что другие цари уже Искандара почитают, так что и правителю Чина это делать незачем. Таким образом, отсылка к мудрости становится одним из способов нагнетания давления.

Между тем в части, описывающей получателя, дважды упоминается гонорифик последнего – миродержец, владыка, и подчеркиваются его свойства – мудрость, морально-этические качества (чистота) и благое воздействие на мир. И здесь, после сравнения двух унванов «одного авторства» и содержаний соответствующих писем, становится понятным, что апелляция к мудрости отсылает

⁵³ Там же. С. 92.

именно к необходимости сдаться, понять, что в такой ситуации – это единственный разумный выход. И в данном случае продолжить таким образом оказывать свое благое воздействие на мир.

Как уже было сказано в пункте «II.4. Воздействие на мир», этикет написания писем в арабо-персидском средневековом мире соблюдался достаточно строго и нарушения этикета обращают на себя внимание. Следующее письмо – одно из последних писем в «Шах-наме» – именно такое.

Рустам, военачальник и сын правителя провинции, пишет письмо по поводу нападения арабского военачальника, возмущается нападением и требует, чтобы тот отступил.

Пример 21

В унване: от сына Хурмузда-шаха,	ba 'unvān bar az pūr-i hurmuzd šāh
Пахлавана страны, Рустама,	jahān-pahlavān rustam-i nīk-x'āh
стремящегося к добру,	
К Са'ду Ваккасу, стремящемуся	su-yī sa'd vaqqāš-i juyanda jang
к войне,	
Сделавшему мир возле себя темным	jahān karda bar x'īštan tār-u tang ⁵⁴
и тесным.	

Здесь Рустам утверждает свой статус, апеллируя к генеалогии – сын правителя, пусть и не верховного (шахом может называться и наследственный правитель провинции, обычно происходящий из царского рода), и к своему статусу верховного военачальника – пахлаван страны. Рустам называет свое имя и заканчивает важным утверждением: он стремится к добру, то есть он сам обладает высокими моральными качествами и его воздействие на мир благое.

Между тем получатель письма – арабский военачальник Са'д Ваккас, напавший на Иран, – в глазах иранского аристократа не только не обладает высоким официальным статусом (здесь название одного имени безо всяких отсылок к официальному статусу скорее всего значимо), но и на мир оказывает плохое воздействие. Характеристика *стремящийся к войне*, приписанная Са'ду Ваккасу, – единственная, отсылающая не к постоянным свойствам человека или его статусу в целом, а к сиюминутным событиям.

Уже сам унван говорит: я – Рустам из рода правителей, военачальник, стремящийся к добру, а ты – Са'д Ваккас, про статус которого ничего и сказать-то нельзя, без роду и племени, ты несешь зло в мир и ищешь войны, прекрати искать войны и отступи.

Впрочем, в данном случае риторика не оказала желаемого воз-

⁵⁴ Там же. Т. 9. С. 321.

действия (да и сам отправитель письма не ждал этого), и персидская империя в той форме, в которой она существовала до арабского завоевания, прекратила свое существование, хотя, учитывая все обстоятельства, в этом случае отнести неудачу на счет сознательного нарушения формального этикета в письме явно нельзя, тем более что, как следует из текста поэмы, Ростам уже понимал в тот момент, что поражение неизбежно.

В завершение рассмотрим два письма, для которых эксплицитно описана реакция получателя на унван к письму.

Это, во-первых, письмо правителя Чина к иранскому посланнику – на самом деле под видом последнего скрывается сам царь Ирана, Бахрам.

Бахрам прибывает к правителю Хинда в роли собственного посла, скрывая свой настоящий статус. За время «работы под прикрытием» он успевает совершить несколько подвигов, например, победить страшного носорога, терроризировавшего округу, а заодно жениться на царской дочери. Прослышав обо всем этом, правитель Чина решает, что ему необходимо перетянуть на свою сторону такого героя, впечатлить его своим величием, и для этого отправляет письмо. В письме он восхваляет деяния посланника, говорит, что они делают честь иранскому шаху и приглашает в гости, суля дары и новые знания.

Перед письмом стоит такой унван:

Пример 22

...от владыки мира,	...az šahrīyār-i jahān
Главы славных и венца знатных,	sar-i nāmdārān-u tāj-i mihān
К посланнику парсийскому,	ba nazd-i firistāda-yi pārsī
Который прибыл в Каннудж с тридцатью спутниками.	ki āmad ba qannūj bā yār-i si ⁵⁵

Здесь правитель восхваляет себя с помощью целого набора гонорификов, а посланника называет описательно. Этим он хочет внушить квази-посланнику представление о своем величии и желанные перейти на его сторону.

Письмо оказывает обратное воздействие – приводит Бахрама в ярость. Он, по-прежнему не раскрывая своей личности, пишет правителю Чина разгромное письмо, объясняет, что есть только один великий владыка – Бахрам-Гур, никаких милостей от чужих правителей ему не нужно, у иранцев все есть, в том числе чистота и героизм, позволяющие им совершать подвиги, так что не поедет он за подарками в Чин, когда владыка послал его в Хинд, хотя,

⁵⁵ Там же. Т. 7. С. 429.

впрочем, слова чинского правителя владыке передаст. Начинается все письмо с «разбора» унвана⁵⁶.

Пример 23

В унване «от владыки мира»	ba ‘unvān bar az pādšāh-i jahān
Ты написал, «горделивого и венца знатных».	nivištī sar-afrāz-u tāj-i mihān
Совсем всё не так, как ты говоришь.	juz ān bud ki guftī sarāsar suxan ⁵⁷

Бахрам сосредотачивается именно на части, описывающей отправителя, причем то, как он это делает, подчеркивает разницу между титулом и гонорификом. Он возмущается тем, что правитель Чина называет себя «владыкой мира» и отрицает его право называть себя «горделивым» и «венцом знатных», поскольку в его глазах только великий владыка, правитель древней и могучей страны, имеет право на подобные гонорифики.

Второй пример – письмо Искандара к правителю Хинда Фуру.

Пример 24

От шахиншаха Искандара, сына Файлакуса	zi šahinšāh iskandar-i faylaqūs ⁵⁸
<...>	<...>
Фуру хиндскому, предводителю Хинда,	su-yī fūr-i hindī sipahdār-i hind
С высокой звездой и устройтелю войска синдского.	buland-axtar-u laškar-āra-yi sind

В ответном письме получатель выражает свое негодование, в том числе – унваном, поскольку, на его взгляд, права называться шахиншахом у Искандара нет:

Такой унван и такое письмо	bar īn gūna ‘unvān bar īnsān suxan
Никогда не приходили к нам от древних кайанидов ⁶⁰	nayāmad ba mā z-ān kayān-i kuhan ⁵⁹

⁵⁶ Текст унвана повторяется не дословно, это можно отнести как на счет возможных разночтений в рукописях, так и воли автора, поскольку смысл остается тем же, здесь на этом внимание заостряться не будет.

⁵⁷ Там же. С. 431.

⁵⁸ *Фирдоуси*. Шах-наме. Критический текст. Т. 6. С. 33.

⁵⁹ *Фирдоуси*. Шах-наме. Критический текст. Т. 7. С. 33.

⁶⁰ Кайаниды – вторая династия персидский царей в иранской эпической традиции, иногда – цари вообще.

Заключение

Как и в реальной исторической традиции, унван в «Шах-наме» составляется в соответствии с содержанием и коммуникативной целью послания. Расположенный в «сильной» части послания, перед началом самого текста письма, унван задает его содержание и показывает, каким хочет отправитель представить соотношение статусов участников коммуникации. В унване тому, кто, по мнению отправителя, занимает более высокое положение, посвящается большее количество элементов описания, в которые могут входить упоминание титула, гонорифики, указание на подвластную территорию (в соотношении с территорией получателя).

При этом не только количество элементов, описывающих получателя и отправителя, зависит от содержания и соотношения их статусов, но даже порядок следования частей унвана может меняться, если это будет содействовать отправителю в достижении его цели. Структура и лексическое наполнение унвана помогают понять, каково соотношение между отправителем и получателем (переписка между правителями или послание правителя к подданным и т. д.); каким видит отправитель соотношение сил между ним и получателем послания; какова интенция послания и историческая стратегия – прямая угроза с апелляцией к силе, угроза с апелляцией к здравому разуму адресата или с апелляцией к собственной божественной миссии.

Количество унванов в «Шах-наме» невелико, но уже на этом материале прослеживаются совершенно четкие тенденции в связи формальных частей структуры письма с содержанием письма, соотношением статусов коммуникантов и интенцией отправителя. В дальнейшем работа будет расширена: материалом для анализа станут все формальные части письма, что позволит уточнить – подтвердить, а, возможно, в чем-то и опровергнуть – выводы, сделанные на основании унванов.

Литература

- Баранова, Лямин, Орлова 2016 – Баранова В., Лямин С., Орлова В. «Письмецо в конверте погоды – не рви...»: О неписаных правилах эпистолярного жанра в XX веке // Родина. 2016. № 916 (9) [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/09/06/rodina-perepiska.html> (дата обращения 15.08.2018).
- Кожеко 2015 – Кожеко А.В. Эпистолярные жанры: традиционные и современные формы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23775> (дата обращения 17.08.2018).

- Лахути 2013 – *Лахути С.В.* Ритуал в средневековой персидской эпистолярной коммуникации на материале поэмы А. Фирдоуси «Шахнаме» // Ритуал в языке и коммуникации. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 377–386.
- Лахути 2015 – *Лахути С.В.* Формальная рамка писем в «Шах-наме»: между персидской доисламской и арабо-персидской традициями // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2015. №.8. С. 30–43.
- Миллер 1967 – *Миллер Т.А.* Античные теории эпистолярного стиля // Античная эпистография. Очерки / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пасек. М.: Наука, 1967. С. 5–26.
- Davis 1996 – *Davis D.* The Problem of Ferdowsi's Sources // Journal of the American Oriental Society. Vol. 116. 1996. №1. P. 48–57.
- Gully 2008 – *Gully A.* The Culture of Letter-Writing in Pre-Modern Islamic Society. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008.
- Schimmel 2011 – *Schimmel A.* Mystical Dimensions of Islam. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2011.

References

- Baranova, V., Lyamin, S. and Orlova, V. (2016), “Pis'metso v konverte pogodi – ne rvi... O nepisanyh pravilah epistol'nogo zhanra v XX veke” [“Don't hurry to tear up the envelope with a letter”: Of the unwritten rules of epistolary genre in the 20th c.], *Rodina*, Moscow, Russia, no 916(9), available at: <https://rg.ru/2016/09/06/rodina-perepiska.html> (Accessed 17 May 2018).
- Davis, D. (1996), “The Problem of Ferdowsi's Sources”, *Journal of the American Oriental Society*, vol. 116, no. 1, pp. 48–57.
- Gully, A. (2008), *The Culture of Letter-Writing in Pre-Modern Islamic Society*, Edinburgh University Press, Edinburgh, UK.
- Kozheko, A.V. (2015), “Epistol'nyye zhanry: traditsionnye i sovremennye formy” [Epistolary genres: traditional and modern forms], *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*, Moscow, Russia, no 2–3, available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=23775> (Accessed 17 May 2018).
- Lahuti, S.V. (2013), “Ritual v srednevekovoi persidskoi epistol'noy kommunikatsii na materiale poemy A. Firdousi *Shahname*” [Ritual in medieval Persian epistolary communication according to Abulqasim Ferdowsi's poem *Shah-nameh*], *Ritual v yazyke i kommunikatsii*, Moscow, Russia, pp. 377–386.
- Lahuti, S.V. (2015), “Formal'naya ramka pisem v «Shakh-name»: mezhdru persidskoi doislamskoi i arabo-persidskoi traditsiyami” [On initial and final requisites of the letters in *Shah-nameh*: between the Iranian pre-islamic and Iranian-arabic traditions], *RSUH/RGGU Bulletin*, “History. Philology. Cultural Studies. Eastern Studies” Series, Moscow, Russia, n. 8, pp. 30–43.
- Miller, T.A. (1967), “Antichnye teorii epistol'noy stilya” [The ancient theory of the epistolary style], *Antichnaya epistolografiya. Ocherki*, Nauka, Moscow, Russia, pp. 5–26.
- Schimmel, A. (2011), *Mystical Dimensions of Islam*, University of North Carolina Press, Chapel Hill, USA.

Информация об авторе

София В. Лахути, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Институт востоковедения РАН Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12; *slahuti@ivran.ru*

Information about the author

Sofia V. Lahuti, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993;

Institute for the Eastern Studies of Russian Academy of Science, Moscow, Russia; bld. 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, Russia, 107031; *slahuti@ivran.ru*

Прагматическое описание русских пословиц с двойным инфинитивом

Ван Мэн

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, РГГУ, marina.wangmeng@mail.ru*

Игорь А. Шаронов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, РГГУ, igor_sharonov@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблемам прагматического описания русских пословиц на примере единиц с двойным инфинитивом (Inf cop Inf). Особенностью пословиц, отличающей эти синтаксические единицы от обычных предложений, является универсальность их семантики. Пословицы – это неоспоримые сентенции, «мудрость народа», самодостаточные высказывания, мини-тексты. Эти языковые единицы традиционно изучают фольклористы, культурологи и фразеологи. Существует немало словарей пословиц, в которых такие единицы описываются на основе их семантики. Слабо исследованной областью является прагматика пословиц – способ введения их в текст, а также речевые акты, которые могут выполнять эти языковые единицы в диалоге. В статье рассматриваются две семантико-синтаксические подгруппы двуинфинитивных пословиц – оценочные и каузальные, описываются их прагматические реализации. При составлении словарей прагматическая информация о пословицах может стать существенным дополнением к их толкованиям. Она также полезна для школьного преподавания и для преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: пословицы, инфинитивные конструкции, прагматика, речевой акт, диалог

Для цитирования: Ван Мэн, Шаронов И.А. Прагматическое описание русских пословиц с двойным инфинитивом // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 7. С. 83–100. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-7-83-100

Pragmatic description of Russian proverbs composed of two infinitives

Wang Meng

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia / China

Igor A. Sharonov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, igor_sharonov@mail.ru*

Abstract. The paper is devoted to the problems and results of pragmatic description of Russian proverbs precisely proverbs, composed of two infinitives (Inf cop Inf). As opposed to all the other sentences, proverbs bear universal, incontestable ideas, been “folk wisdom”. They are self-sufficient sentences, mini-texts. Folklorists, specialists in culturology, and phraseologists are used to study proverbs. There are a lot of dictionaries of Russian proverbs, where everybody can get information of its meaning. The pragmatics of these units, the way these units are used in dialog, speech acts the proverbs can express was not still analyzed accurately and requires special attention. Two groups of proverbs, divided on semantic-syntactic level, precisely the evaluative causal groups are under analysis to find out their pragmatic realizations. Pragmatic information of proverbs should be significant complement to traditional descriptions of proverbs in dictionaries and seems to be useful for teaching purposes at school and in teaching Russian for foreign students.

Keywords: proverbs, infinitive constructions, pragmatics, speech acts, dialog

For citation: Wang, Meng and Sharonov, I.A. (2019) “Pragmatic description of Russian proverbs composed of two infinitives”, *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 83-100, DOI: 10.28995/2686-7249-2019-7-83-100

I. Проблемы описания пословиц

Пословицы, как известно, представляют собой выражение народной мудрости, накопленного жизненного опыта конкретной нации. Русские пословицы собраны и описаны в словарях В.И. Даля, Г.Л. Пермякова, М.И. Жукова, В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной и других лексикографов¹.

¹ *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1984; *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремииологии. М., 1988; *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок М.: Русский язык, 2000; *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских пословиц. М., 2010.

В словаре русских пословиц и поговорок В.П. Жукова пословицы определяются как «краткие народные изречения, имеющие одновременно буквальный и переносный план или только переносный план, и составляющие в грамматическом отношении законченные предложения»². В отличие от других предложений пословицы характеризуются как устойчивые, образные и целостные по значению языковые единицы, поэтому многие учёные включают пословицы и поговорки во фразеологию. В частности, Н.М. Шанский включает их во фразеологические выражения, сближая фразеологию с паремиологией, наукой об общеизвестных высказываниях (загадках, поговорках, пословицах³). А. Дандис указывает на связь пословиц с традиционной культурой, народными представлениями о жизни [Dundes 1972]. Сложным вопросом является отличие пословиц от поговорок. В словарях В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной «Большой словарь русских поговорок», «Большой словарь русских пословиц»⁴, пословицы, поговорки и фразеологизмы объединены в общую группу фразеологических единиц.

Пословицы являются интересным объектом для лингвистических исследований, см. подробный обзор в работе Е.И. Селиверстовой [Селиверстова 2017]. В книге А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского утверждается, что пословицам свойственны идея всеобщности, а также рекомендательная и объяснительная силы. Рекомендательная сила проявляется в речевых актах совета, наставления, предупреждения. Утверждается, что рекомендательная сила проявляется преимущественно в пословицах с императивом, а объяснительная сила – в прочих пословицах, с помощью которых говорящий объясняет обсуждаемое той или иной закономерностью, зафиксированной в пословице [Баранов, Добровольский 2016, с. 53–54].

Большинство исследователей акцентируют внимание на содержательной стороне пословиц и на их образной составляющей. При лексикографическом описании пословицы обычно группируют по темам, на основе ключевого слова. Так, в учебном словаре «Русские пословицы и поговорки»⁵ пословицы (около 2500 языковых единиц) сгруппированы по темам: *семья, дружба, труд, учёба, время* и т. д.

² Жуков В.П. Указ. соч. С. 11.

³ Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1963.

⁴ Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М., 2007; Они же. Большой словарь русских пословиц. М., 2010.

⁵ Зимин В.И., Ашурова С.Д., Шанский В.Н. Шаталова З.И. Русские пословицы и поговорки: Учебный словарь. М.: Школа-Пресс, 1994.

По мнению Н.В. Мурашовой, тематическое представление пословиц позволяет нам легче запомнить их и быстрее установить связь между паремиями и ситуацией их использования [Мурашова 2017]. Однако в ряде случаев невозможно объяснить значение паремии в контексте общей темы, например, когда прагматические условия их использования выходят за рамки привычной ситуации. Н.В. Баско, анализируя пословицу «яблоко от яблони недалеко падает», утверждает, что ее семантика указывает лишь на сходство детей и родителей, в то время как употребление пословицы, ее прагматика определяется тем, что в детях повторяются недостатки, пороки их родителей, и эту пословицу используют с осуждением [Баско 1998]. Однако, с нашей точки зрения, автором отмечен не прагматический, а семантический компонент, содержащийся в пословице и приводящий к осуждающей оценке. Впрочем, известно, что четкая граница между семантикой и прагматикой до сих пор не определена.

В данной статье прагматическая информация понимается более узко, как информация об особенностях употребления высказываний в диалоге, в частности, как средства выражения цели говорящего и воздействия на собеседника. В теории речевых актов высказывания исследуются в их деятельностном аспекте, как языковые инструменты для совершения действий, см.: [Остин 1986, Серль 1986а, 1986б]. Речевые акты (далее РА) могут рассматриваться как прямые и косвенные в зависимости от синтаксической структуры высказывания [Падучева 1985, Шаронов 1991, Кобозева 2001]. Повествовательным предложениям соответствуют акты утверждения, сообщения и предположения; вопросительным предложениям – РА вопроса; побудительным предложениям – РА побуждения. В косвенном РА цель говорящего не соответствует структуре предложения, например, высказывание в форме вопроса может оказаться и побуждением, и утверждением. Ср. высказывание: *Не могли бы вы передать мне соль?* представляет собой не обычный вопрос, а просьбу, побуждение собеседника к действию, а *Какой из него судья?!*, так называемый риторический вопрос, представляет собой особый вид утверждения.

Дискурсивный анализ рассматривает высказывание (в нашем случае – пословичное высказывание) в диалоге между двумя и более собеседниками, где оно может выступать как иницирующая и ответная реплика или быть составным компонентом реплики в качестве обоснования мнения говорящего. Тип РА в ответной реплике зависит от РА иницирующей реплики: в ответ на вопрос собеседнику следует сообщить необходимую информацию; ответом на осуждение должен быть РА извинения или оправдания; ответом на просьбу – РА согласия или отказа.

Коммуникативные возможности пословиц рассматриваются в работе И.А. Шаронова на примерах употребления пословиц с императивом [Шаронов 2018]. Автор статьи отмечает, что механизмы актуализации пословиц в диалоге отличают их от стандартных предложений. В силу обобщенности значения пословицы лишены дейктических показателей лица и времени, даже если те имеют формальное выражение. Например, пословичные высказывания с императивом по своей грамматической структуре имеют показатель второго лица и показатель футуральной перспективы (действие, обозначенное императивом, приписывается адресату и отнесено в план будущего). Однако уже толкование пословицы *Любишь кататься, люби и саночки возить* в словаре В.П. Жукова⁶ оказывается никак не связано со вторым лицом и футуральной перспективой: 'Неизбежно приходится расплачиваться за то, что было сделано с охотой, с удовольствием'.

В диалоге же пословица может быть использована в качестве ответного РА – отказа говорящего посочувствовать собеседнику или третьему лицу в ответ на жалобы. Пословичное высказывание тем самым актуализуется как действие первого лица, а обсуждаемое событие при этом относится к плану реальности – прошедшего/настоящего времени.

(1) *Протянув бумажку Афанасьеву, я, смеясь, добавил: – Вот такой ценой и создаются лучшие полотна циркового искусства двадцатого столетия. Афанасьев улыбнулся: – Любишь кататься, люби и саночки возить! (В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь).*

Итак, актуализация пословицы происходит через ее использование в качестве РА и включение в лично-темпоральную перспективу реплики диалога.

Пословичные высказывания по их синтаксической структуре можно разделить на несколько групп: личные предложения (*кто хочет больше знать, тому надо мало спать; яблоко от яблони далеко не падает*); неопределенно-личные предложения (*по одежде встречают, по уму провожают; в чужой монастырь со своим уставом не ходят; после дела за советом не ходят*), обобщенно-личные предложения (*любишь кататься, люби и саночки возить; тише едешь, дальше будешь; посмешишь людей насмешишь*), императивные предложения (*на бога надейся, а сам не плошай; куй железо, пока горячо; не имей сто рублей, а имей сто друзей; семь раз отмерь, один раз отрежь*) и инфинитивные предложения.

В данной статье мы, опираясь на синтаксическую семантику пословиц, рассмотрим их конкретные прагматические реализации. В силу большого объема и разнообразия материала мы ограничим-

⁶ Жуков В.П. Указ. соч. С. 165.

ся разновидностью инфинитивных предложений – двуинфинитивными пословицами (структурная схема INF cop_(fix) INF⁷).

При единой синтаксической структуре в двуинфинитивных пословицах выявляются два вида семантических отношений:

- 1) утверждение / отрицание идентичности двух действий, выражаемых инфинитивами, с целью выражения оценочного отношения к предмету речи;
- 2) каузальная связь между действиями, описываемыми инфинитивами.

Распределив пословицы по группам и подгруппам на основании их семантико-синтаксической структуры, рассмотрим наиболее распространенные единицы из каждой группы для выявления прагматических возможностей пословиц. В качестве семантического описания используются толкования пословиц из словаря М.И. Жукова⁸, а в случае отсутствия в словаре единицы или ее толкования – из других источников. Всего в список включено 25 двуинфинитивных пословиц, примеры их употребления были собраны для анализа из Национального корпуса русского языка⁹.

Прагматические характеристики пословицы, как уже было сказано, предполагают выявление типа речевого акта на основе анализа позиции пословицы в диалогическом обмене репликами (дискурсивная характеристика) и лично-темпоральной перспективы употребления двуинфинитивных конструкций. Обе характеристики получают отражение в описании материала во втором разделе статьи.

Пережая конкретный анализ, укажем основные типы речевых актов, которые передают двуинфинитивные пословицы в диалоге. Это в основном ответные косвенные РА, передающие отказ, согласие, решение, совет говорящего лица через апелляцию к семантике пословицы, а также аргументативные РА, выступающие как обоснование к тому или иному РА.

⁷ Связка в структуре пословичных предложений, в отличие от обычных двуинфинитивных, фиксирована в настоящем времени. Ср.: *Опоздать – (было / будет) на самолет не поспать, но: Жизнь прожить – (??Было / будет) не поле перейти.*

⁸ Жуков В.П. Указ. соч.

⁹ НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения 25.07.2019).

II. Прагматическое описание двуинфинитивных пословиц

Группа 1 (Оценочная)

В пословицах данной группы утверждается или отрицается идентичность смысловых компонентов предложения. Пословицы подразделяются на две подгруппы на основе утверждения / отрицания идентичности; во второй подгруппе проводится семантическое разделение на три подтипа, далее для каждой анализируемой пословицы производится деление на основе ее дискурсивно-прагматических особенностей. В подгруппах, имеющих несколько синонимов или квазисинонимов, в качестве эталонной описывается только одна единица, для которой было найдено достаточное количество примеров употребления.

1.1. *Чему быть, того не миновать; Двум смертям не бывать, а одной не миновать;*

1.2.1. *Жизнь прожить – не поле перейти; Воевать – не в бирюльки играть; Деток родить – не ветки ломить; Дом вести – не бородой трясти; Речь вести – не лапти плести;*

1.2.2. *Чай пить – не дрова рубить;*

1.2.3. *Ломать – не строить.*

Подгруппа 1.1

Пословицы, передающие идентичность смысловых компонентов предложения.

Чему быть, того не миновать; Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Семантика¹⁰:

‘Говорится с уверенностью в неизбежности, неотвратимости чего-л. (чаще при решении определенным образом)’.

Пословицы используются при обсуждении потенциально опасной для жизни ситуации, обычно в качестве аргумента при решении говорящим, как ему поступить. Пословица может аргументировать как решение действовать, так и решение бездействовать, покориться судьбе.

Рассмотрим данную подгруппу на примере пословицы: ***Чему быть – того не миновать.***

Подгруппа 1.1.1

Аргумент при решении говорящего действовать несмотря на серьезный риск.

¹⁰ Жуков В.П. Указ. соч. С. 35.

Дискурсивная характеристика:

В ответ на предупреждение, намек на опасность, который говорящий игнорирует. Лично-временная перспектива – 1 лицо, будущее время.

Иллюстративные примеры:

(2) *И вот как-то раз, совершенно потеряв терпение, я в шутку сказал Плахотникову, что попытаюсь войти к ней в вольер. – <...> Ну что ты будешь делать, если она тебя, не дай Бог, в первый же день достанет? – **Чему быть, того не миновать**, – ответил я. (В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь).*

(3) – *Послушай, сержант, мне кажется, что вдвоем было бы несколько легче решить оставшиеся вопросы, – осторожно намекнул Пашка. – Нет, Паша! Спасибо, конечно, за готовность помочь, но у тебя семья – жена, дети... – тихо проговорил он. – А ты подумал, как я буду смотреть в глаза этим детям, если с тобой что случится? – **Чему быть, того не миновать!** – улыбнулся Савелий. (В. Доценко. Тридцатого уничтожить!).*

(4) – *Послушайте, Кожухов, – сказала она, – отдайте мне провизию и книги и ступайте домой. Меня страх берет, что эта шутка окончится скверно. Андрей поднял опущенную голову и встрепенулся, как бы со сна. – **Чему быть, того не миновать**, – сказал он рассеянно. (Ф. Степняк-Личкус (перевод книги С.М. Степняка-Кравчинского с английского). Андрей Кожухов).*

Подгруппа 1.1.2

РА принятия решения говорящего не противодействовать чему-л., покориться судьбе, а также аргумент при таком решении. Лично-временная перспектива: 1 лицо, будущее время.

Дискурсивная характеристика:

Используется в ответ на сообщение об опасности, о негативном внешнем воздействии. Лично-временная перспектива – 1 лицо, будущее время.

Иллюстративные примеры:

(5) *(Царь) зело гневен... – Да за что? – А за то, Сильвеструшка, что давеча посол аглицкий челобитную в Посольский приказ отослал на бесчестье и поношение негоциантских прав шхитера Уркварта... – Посол аглицкий? И что это все англичане за шведских подсылов вступаются? Ну, да **чему быть – того не миновать**. (Ю. Герман. Россия молодая).*

(6) – *Теперь, бабы, налетят они! – Побьют всех за этот хлеб! – И что делать? Что делать? В это время в доме появился Ерофей Кузьмич. <...> – Тут нечего ахать! – сказал он, присев на табурет у печи. – **Чему быть, того не миновать**. (М. Бубеннов. Белая береза).*

Подгруппа 1.2

Пословицы, отрицающие идентичность смысловых компонентов предложения. Пословицы выражают оценочное отношение говорящего к предмету речи через сопоставление двух действий.

1.2.1. *Жизнь прожить – не поле перейти; Воевать – не в бирюльки играть; Деток родить – не ветки ломить; Дом вести – не бородой трясти; Речь вести – не лапти плести;*

1.2.2. *Чай пить – не дрова рубить;*

1.2.3. *Ломать – не строить.*

Подгруппа 1.2.1

Жизнь прожить – не поле перейти; Воевать – не в бирюльки играть; Деток родить – не ветки ломить; Дом вести – не бородой трясти; Речь вести – не лапти плести;

Отрицание смысловой идентификации между инфинитивными компонентами в данной подгруппе приводит к оценке по степени важности. Первый компонент более или менее непосредственно связан с предметом речи: *жизнь прожить, воевать, деток родить, дом вести, речи вести*. Второй, отрицаемый компонент называет простое, элементарное физическое действие: *перейти поле, в бирюльки играть, ветки ломить, бородой трясти, лапти плести*. Тем самым акцентируется внимание на важности, серьезности или трудности действия, которое передается первым компонентом. Общая идея таких пословиц – утверждение обсуждаемого действия как важного, сложного, трудного, требующего особого внимания.

Рассмотрим пословицу: *Жизнь прожить – не поле перейти*.

Семантика¹¹: Жизнь прожить очень сложно, в ней всегда множество проблем и препятствий.

Жизнь сложна, и прожить её не просто. Говорится о разнообразии событий, о трудностях, которые человеку встречаются в течение всей его жизни [<http://www.rusaying.ru/russkie-poslovicz-y-i-pogovorki-na-zh/64-zhizn-prozhit--ne-pole-perejti.html>]

Подгруппа 1.2.1.1

Дискурсивная характеристика:

РА ухода говорящего от прямой оценки обсуждаемой ситуации в ответ на вопрос, просьбу дать оценку ситуации принять решение. Лично-временная перспектива – 1 лицо, настоящее время.

¹¹ Русские пословицы и поговорки. Комментарии, толкование значений [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusaying.ru/russkie-poslovicz-y-i-pogovorki-na-zh/64-zhizn-prozhit--ne-pole-perejti.html> (дата обращения 25.07.2019).

Иллюстративные примеры:

(7) – *Слышишь, пап, – сказал мальчик, – мне сейчас вдруг показалось, что мы с тобой давно заблудились. <...>. – Знаешь, как в народе говорят, – сказал он, передавая кусок сыну, – **жизнь прожить – не поле перейти**. <...>. – А бояться не надо, – сказал отец, – этого не надо... Ты ведь мужчина, солдат. (В. Пелевин. Жизнь насекомых).*

(8) – *Да я бы убил обоих <...>. – А ее? – спросил Пашка Кутилин, сладко покуривая. – А как дети? ...Здесь Витьке ответить было трудно – ни жены, ни детей у Стрельбицкого не было. <...>. – Жизнь, – сказал Веприк, – она свое показывает. <...>. – **Жизнь прожить – не поле перейти**, – поддержал Голубчиков своего отделенного (Ваншенкин. Графин с петухом).*

Подгруппа 1.2.1.2

Дискурсивная характеристика:

РА совета собеседнику, напутствия серьезно относиться к своей жизни, быть готовым к трудностям. Лично-временная перспектива – 2 лицо, будущее время.

Иллюстративные примеры.

(9) – *Бестолковый ты человек, Миколай. Только и знаешь: ха-ха да ха-ха – не боюсь греха. А **жизнь прожить – не поле перейти**. А Миколай Андреич охотно отвечал, посмеиваясь: – А чего, родитель, тужить-то? Не пашем, не сеем, не жнем, а сыты и обуты-одеты. (Ф.В. Гладков. Повесть о детстве).*

(10) *Мы тебя выннчили, выпестовали и теперь вывели на широкую дорогу жизни... Но **жизнь прожить – не поле перейти**. Недаром жизнь называют еще морем житейским. Не все в море «струя светлей лазури», не все над ним «луч солнца золотой». (Ливанов. Без Бога).*

Подгруппа 1.2.2

Чай пить – не дрова рубить.

Отрицание смысловой идентификации между инфинитивными компонентами приводит к аксиологической оценке, определяющей интенцию речевого акта. Второе действие – трудоемкое, тяжелое, неприятное контрастно высвечивает легкость и приятность первого.

Семантика¹²:

‘Говорится обычно в ответ на приглашение выпить чаю’.

Дискурсивная характеристика:

РА согласия говорящего в ответ на приглашение к чаю. Лично-временная перспектива: 1 лицо, настоящее время.

¹² Жуков В.П. Указ. соч. С. 338.

Иллюстративные примеры.

(11) *Присаживайся, Назарыч, чай пить... Сняв шапку и расстегнув пальто, Назарыч пригладил волосы... – Чай пить – не дрова рубить, – отозвался он. (И. Реутов. Уральский вклад).*

(12) *Приходит Алтатов, робкий и смутный, как зверек, пойманный и посаженный в огромную клетку. – Чай пить! – говорит ему дядя. <...> – Чай пить – не дрова рубить! (Пришвин. Кащеева цепь).*

(13) – *Садись с нами чай пить. <...> – Чай пить не дрова рубить, дело возможное. И, обратившись к опершемуся спиной о дверной косяк половому, добавил: – Дайка чашечку. (С. Семенов. Катюшка (1899)).*

Подгруппа 1.2.3. Ломать – не строить.

Отрицание смысловой идентификации между инфинитивными компонентами осложнено иронией по отношению к собеседнику и приводит к негативной оценке его позиции по отношению к предмету речи.

Семантика¹³:

Сломать, испортить что-либо гораздо проще, чем создать, восстановить.

Дискурсивная характеристика:

РА неодобрения говорящим мнения собеседника, отказа от предложения разрушить что-л., либо аргумент при таком неодобрении, отказе. Лично-временная перспектива: 1 лицо, настоящее время.

Иллюстративные примеры.

(14) *(Клава Себейкина, жен) Адамыч, голубчик, не мучайтесь, оторвите, да и все! (Иван Адамыч, муж) Ломать – не строить. Жалко (М. М. Рощин. Старый Новый год).*

(15) – *Иные говорят: зачем такая большая Россия, пусть останется Московское княжество, и тогда все будут жить хорошо. В маленьких странах люди живут припеваючи. <...> – Чушь. Спросите жителей маленьких стран – они вам свои ужасы порасскажут. Везде камни жёсткие. Ломать – не строить. (О Брушлинская, Л. Васильева. Когда поёт душа).*

¹³ Викисловарь. Комментарии, толкование значений [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/ломать_-_не_строить (дата обращения 06.05.2019).

Группа 2 (каузальная)

В пословицах данной группы утверждается каузальная связь между компонентами предложения. Это пословицы также членятся на подгруппы с дальнейшим делением на основе прагматических особенностей.

Подгруппа 2.1. Пословицы, передающие условно-следственные отношения между смысловыми компонентами предложения. *Волков бояться – в лес не ходить; Трудное обходить – хорошего не видать; Биться в одиночку – жизни не перевернуть; Без труда жить – только небо коптить. Ученого учить – только портить; О решенном говорить – только путать; Лишнее говорить – только делу вредить; У вора воровать – только время терять; В камень стрелять – только стрелы терять; Вора миловать – доброго погубить.*

Смысл пословиц строится от противного – через описание негативного результата (второй компонент) при неготовности в действию или неправильности действия (первый компонент). Например, *Волков бояться – в лес не ходить* – ‘в лес будешь ходить только при условии, что не будешь бояться волков’; *Ученого учить – только портить* – ‘Чтобы не портить ученого, не нужно его учить (как поступать)’.

2.1.1. *Волков бояться – в лес не ходить; Трудное обходить – хорошего не видать; Биться в одиночку – жизни не перевернуть; Без труда жить – только небо коптить; Дружбу водить – себя не щадить; Жить в соседях – быть в беседах; Лес сечь – не жалеть плеч.*

2.1.2. *Много желать – добро не видать; Ученого учить – только портить; О решенном говорить – только путать; Лишнее говорить – только делу вредить; У вора воровать – только время терять; В камень стрелять – только стрелы терять; Вора миловать – доброго погубить.*

Подгруппа 2.2. Пословицы, передающие обусловленность, вынужденность выполнения второго действия под влиянием первого. *С волками жить – по-волчьи вить; На охоту ехать – собак кормить.*

2.2.1. *С волками жить – по-волчьи вить;*

2.2. *На охоту ехать – собак кормить.*

Подгруппа 2.1.1 *Волков бояться – в лес не ходить; Трудное обходить – хорошего не видать; Биться в одиночку – жизни не перевернуть; Без труда жить – только небо коптить; Дружбу водить – себя не щадить; Жить в соседях – быть в беседах; Лес сечь – не жалеть плеч.*

Данную подгруппу рассмотрим на примере пословицы: ***Волков бояться – в лес не ходить.***

Семантика¹⁴:

‘Если взялся за что-л., доводи дело до конца, неси все тяготы. Говорится тогда, когда кто-л. хочет пытается уклониться от выполнения взятых на себя обязательств, обещаний и т. п.’.

Группа 2.1.1.1

Дискурсивная характеристика.

РА решения говорящего совершить действие в ответ на опасения, аргумент при принятии решения. Лично-временная перспектива – 1 лицо, будущее время.

Иллюстративные примеры.

(16) – *Господи, господи!* – сказала бабка. – *Так зачем же и лететь-то на нем, если так...* – Ну, **волков бояться – в лес не ходить**. – *Егор посмотрел на четверть с пивом. – Вообще реактивные, они, конечно, надежнее. (В. Шукшин. Сельские жители).*

(17) – *Что же, Сергей Алексеевич, оставим наши наблюдения?* – сказал я, смотря прямо в глаза милейшему Сергею Алексеевичу. – *Как – оставим? Из-за «статского советника»? Да пропади он пропадом!* **Волков бояться – в лес не ходить**. (А.Л. Чижевский. *Вся жизнь*).

(18) *Не понимаю я, право, вашу маму и бабушку, о чем они только думают, мало ли бывало несчастий на этом проклятом озере, каждое лето кто-нибудь да тонет!* – *Полно вам каркать-то, Дарья Михайловна!* – смеялся Лева. – **Волков бояться – в лес не ходить!** (Е. А. Аверьянова).

Подгруппа 2.1.1.2

Дискурсивная характеристика.

РА подбадривания собеседника в ответ его на опасение, неготовность совершить рискованное действие; а также аргумент при подбадривании. Лично-временная перспектива – 2 лицо, будущее время.

Иллюстративные примеры.

(19) *Это на чердак, – шепотом продолжал он, передавая жене чемоданчик. – Не урони случайно. – Опять... – со страхом сказала женщина. – Ну поставь в сени, я подниму сам. – Боюсь я, Сеня. – Волков бояться – в лес не ходить. Ничего, ничего. Сам по себе не взорвется. Пошли. (Г. Матвеев. Зеленые цепочки).*

(20) – *Но средства к достижению этого богатства – преступления? – робко задала она вопрос. <...> – Не открытые преступления – не преступления. – А если откроют? – Значит, мы глупы и нам поделом. – Страшно. – Волков бояться – в лес не ходить. (Н. Э. Гейнце. В тине адвокатуры).*

¹⁴ Жуков В.П. Указ. соч. С. 70.

Подгруппа 2.1.1.3

Дискурсивная характеристика:

РА подтверждения говорящим предположения собеседника о совершенном говорящим в прошлом смелого, рискованного поступка. Лично-временная перспектива – 1 лицо, прошедшее время.

Иллюстративные примеры:

(21) – *Будто бы ты не струсила? – спросил он, усмехаясь. Она ответила, пожав плечами: – Ну, знаешь, «волков бояться – в лес не ходить».* (М. Горький. Жизнь Клим Самгина).

(22) – *То есть угрозы были «уголовного характера»? – Ну если перевести с их языка, то можно сказать, что и «уголовного». Хотя делалось это в весьма культурной форме. Но ведь волков бояться – в лес не ходить.* (О. Лурье. Арбитр).

Подгруппа 2.1.2

Ученого учить – только портить; О решенном говорить – только путать; Лишнее говорить – только делу вредить; У вора воровать – только время терять; В камень стрелять – только стрелы терять; Вора миловать – доброго погубить.

Из данной подгруппы рассмотрим пословицу: **Ученого учить – только портить.**

Семантика¹⁵:

‘Не учи рыбу плавать’. О мастере своего дела, которому не нужны ничьи советы’.

Дискурсивная характеристика:

РА неприятия, отказа от совета или предостережения как непрошеного, излишнего. Лично-временная перспектива: 1 лицо, настоящее/будущее время.

Иллюстративные примеры.

(23) *Только будь аккуратен, не наломай дров. Нам сейчас нельзя ошибаться. – Ученого учить – только портить, – заметил Стас, выходя из машины.* (Н. Леонов, А. Макеев. Гроссмейстер сыска).

(24) – *Я для вашей же пользы говорю... Неровен час, все может быть. – Ученого учить – только портить, – с гордостью ответил Полуянов, окончательно озлившийся на дерзкого суслонского попа.* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб).

(25) – *Когда же строиться-то мы будем? – спрашивала Татьяна каждый раз. – Уж пора бы, а то все равно пропъешь деньги-то. – Ученого учить – только портить. Мне и самому надоело пировать-то. Родня на шею навязалась – вот главная причина. Никак развязаться не могу.* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Золото).

¹⁵ Жуков В.П. Указ. соч. С. 217.

Подгруппа 2.2.1. С волками жить – по-волчьи выть.Семантика¹⁶:

‘Человек бывает вынужден приноравливаться к окружающим, поступать так же как те, в общество которых он попал, принимать их образ жизни (обычно предосудительный).’

Подгруппа 2.2.1.1

Дискурсивная характеристика:

Аргумент при РА совета собеседнику, настаивания нарушить какие-л. (этические, поведенческие и др.) нормы поведения. Лично-временная перспектива – 2 лицо, будущее время.

Иллюстративные примеры:

(26) *А кроме того, кто вам помешает, когда достигнете своей цели, уклониться от уплаты? – Так русские князья не поступают, – гордо заявил Изяслав. Но Мстислав рассмеялся: – **С волками жить – по-волчьи выть.** (А. П. Ладинский. Анна Ярославна – королева Франции).*

(27) *– Будет вам! – взмолился Степа. – Вы еще охрану ко мне приставьте. – А ты слушай! Кому говорят! – прикрикнула на него Нюшка. – **С волками жить – по-волчьи выть...** Охрана не охрана, а ходить давайте кучно, все вместе. (Мусатов. Большая весна).*

Подгруппа 2.2.1.2

Дискурсивная характеристика:

РА оправдания говорящим себя или третье лицо при нарушении этических, поведенческих и др. норм, либо аргумент при попытке оправдаться. Лично-временная перспектива – 1 лицо, прошедшее и настоящее время.

Иллюстративные примеры:

(28) *– Признаться, я вас недооценивал! – почти с восхищением констатирует Юрий Михайлович. – Страшный вы народец! – **С волками жить – по-волчьи выть,** – равнодушно отвечает Левушка. (Л. Филатов, И. Шевцов. Сукины дети).*

(29) *Итак, Илья Иванович. Итак, Илья Иванович. А ведь я пришел вас шантажировать. Да. Рэкетом заняться решил. Своеобразным таким. Ну, а чего же сделаешь? **С волками жить, по-волчьи выть.** (Н. Коляда. Рогатка).*

(30) *(Людмила, жен) Он хлопчет по делам какой-то дамы. (Фелицата Антоновна Шаблова, жен) Да что ж, матушка, дама! <...> От того от самого, что вошел он в денежный купеческий круг. Сами знаете, **с волками жить, по-волчьи выть,** и начал он эту самую купеческую жизнь, что день в трактире, а ночь в клубе либо где. (Островский. Поздняя любовь).*

¹⁶ Жуков В.П. Указ. соч. С. 271.

Подгруппа 2.2.2. На охоту ехать – собак кормить.

Семантика¹⁷:

‘Когда нужно приступать к чему-либо, уже нет времени на подготовку, приготовления. Говорится тогда, когда кто-л., спохватившись, начинает в последний момент делать то, что должно быть сделано заранее’.

Дискурсивная характеристика.

РА выражения недовольства на несвоевременный, запоздалый характер чьих-л. действий, требований, нарушающий общий режим деятельности. Лично-временная перспектива – 1 лицо, настоящее время.

Иллюстративные примеры.

(31) – *Бери отделение, и к пяти ноль-ноль чтоб новое НП было готово. – Новое? К пяти? Обалдели они... – Обалдели не обалдели, а в твоём распоряжении семь часов. Лисагор в сердцах впахивает ногу в сапог так, что отрывается ушко. – **На охоту ехать – собак кормить!** (В. Некрасов. В окопах Сталинграда).*

(32) *Она была ленива и никогда не одевалась ко времени. Но перед самым выездом. Надежда Осиповна, полуголая, мчалась в соседнюю комнату и вихрем пролетала назад. Марья Алексеевна пожимала плечами и уходила к себе недовольная. – **На охоту ездить, собак кормить.** (Ю. Тынянов, “Пушкин”).*

(33) *Увидев щётки и швабры, генерал сразу же догадался что мы делали приборку к его приезду. – **На охоту ехать – собак кормить,** – недовольно произнес он. – Раньше надо было прибираться. (А. Н. Степанов. «Порт-Артур»).*

Заключение

В статье рассматриваются проблемы, связанные с описанием пословиц, указывается на недостаточность семантического описания и на важность дополнения такого описания прагматической информацией, рассмотрения типовых контекстов использования пословиц в речи, в частности, в диалоге. На примере прагматического описания двуинфинитивных пословиц продемонстрированы механизмы актуализации этих единиц в речи. Прагматические характеристики пословицы зависят от взаимодействия ее семантики с дискурсивными характеристиками, такими как место реплики в диалоге и лично-темпоральной перспективой. Прагматическая информация о пословицах может стать существенным дополнением к их толкованиям при составлении словарей и послужить целям преподавания пословиц в школе и в иностранной аудитории.

¹⁷ Жуков В.П. Указ. соч. С. 182.

Благодарности

Авторы выражают признательность анонимным рецензентам за вопросы и замечания, которые способствовали более четкому освещению в работе некоторых ее теоретических положений.

Acknowledgements

Authors wish to express gratitude to the unknown reviewers for their questions and remarks that let the authors to clarify in the article the explanation of some theoretical points.

Литература

- Баранов, Добровольский 2016 – *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Основы фразеологии. М.: Флинта: Наука, 2016.
- Баско 1998 – *Баско Н.В.* Приемы семантизации пословиц и поговорок при обучении иностранцев русскому языку // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. М.: Филология, 1998. Вып. 3. С. 67–72.
- Кобозева 2001 – *Кобозева И.М.* Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ. М.: МГУ, 2001. С. 100–114.
- Мурашова 2017 – *Мурашова Н.В.* Способы лингвокультурологической репрезентации русских паремий иноязычному адресату [Электронный ресурс] // Известия ВГПУ. 2017. № 6 (119). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-lingvokulturologicheskoy-reprezentatsii-russkih-paremiy-inoazychnomu-adresatu> (дата обращения 10 июня 2019).
- Остин 1986 – *Остин Дж.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22–130.
- Падучева 1985 – *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Пермяков 1988 – *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988.
- Селиверстова 2017 – *Селиверстова Е.И.* Пространство русской пословицы. Постоянство и изменчивость. М.: Флинта: Наука, 2017. 296 с.
- Серль 1986а – *Серль Дж.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.
- Серль 1986б – *Серль Дж.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 195–222.
- Шаронов 1991 – *Шаронов И.А.* Категория наклонения в коммуникативно-прагматическом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.
- Шаронов 2018 – *Шаронов И.А.* Русские пословицы и поговорки в диалоге: дискурсивно-прагматический подход к описанию // Актуальные проблемы и перспективы русистики: Материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете. Барселона, 19–23 июня 2018 г. Barcelona: Universitat de Barcelona, 2018. С. 1590–1597.
- Dundes 1972 – *Dundes A.* Folk Ideas as Units of Worldview // Toward New Perspectives in Folklore. Univ. of Texas Press, 1972. P. 94–103.

References

- Austin, J.L. (1986), "Word as action", *Novoye v zarubezhnoi lingvistike*. Issue 17. Theory of speech acts. Progress Publishers, Moscow, Russia, pp. 22-130.
- Baranov, A.N. and Dobrovolskii, D.O. (2016), *Osnovy frazeologii* [Basics of phraseology], Flinta, Nauka, Moscow, Russia.
- Basko, N.V. (1998), "Priemy semantizatsii poslovits i pogovorok pri obuchenii inostrantsev russkomu yazyku [Methods of semantics of proverbs and sayings in teaching Russian to foreigners], in *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya*, Vyp. 3, Filologiya, Moscow, Russia, pp. 67-72.
- Kobozeva, I.M. (2001), *Lingvo-pragmaticheskiy aspekt analiza yazyka SMI*, MGU, Moscow, Russia, pp. 100-114.
- Paducheva, E.V. (1985), *Vyskazyvaniye i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu* [Statement and its correlation with reality], Moscow, Russia.
- Permyakov, G.L. (1988), *Osnovy strukturnoi paremiologii* [Fundamentals of structural paremiology], Nauka, Moscow, Russia.
- Searle, J.R. (1986a), "Speech acts classification", *Novoye v zarubezhnoi lingvistike*. Issue 17. Theory of speech acts, Progress Publishers, Moscow, Russia, pp. 170-194.
- Searle, J.R. (1986b), "Indirect speech acts", *Novoye v zarubezhnoi lingvistike*. Issue 17. Theory of speech acts, Progress Publishers, Moscow, Russia, pp. 195-222.
- Seliverstova, E.I. *Prostranstvo russkoi poslovitsy. Postoyanstvo i izmenchivost'* [Space of the Russian proverb. Constancy and variability], Flinta: Nauka, Moscow, Russia.
- Sharonov, I.A. (1991), Category of mood in communicative and pragmatic aspect, Abstract of Ph.D. dissertation, IRYA im. A.S. Pushkina. Moscow, Russia.
- Sharonov, I.A. (2018), "Russkie poslovitsy i pogovorki v dialoge: diskursivno-pragmaticheskii podkhod k opisaniyu" [Russian Proverbs and sayings in dialogue: a discursive and pragmatic approach to description], *Aktual'nye problemy i perspektivy rusistiki: Materialy po itogam Mezhdunarodnoi konferentsii rusistov v Barselonskom universitete*. Barcelona, 19–23 June 2018. Barcelona: Universitat de Barcelona, pp. 1590–1597.
- Dundes, A. (1972), Folk Ideas as Units of Worldview, *Toward New Perspectives in Folklore*. Univ. of Texas Press, p. 94-103.

Информация об авторах

Ван Мэн, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6, marinawangmeng@mail.ru

Игорь А. Шаронов, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6, igor_sharonov@mail.ru

Information about the authors

Wang Meng, graduate student (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993, marinawangmeng@mail.ru

Igor A. Sharonov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993, igor_sharonov@mail.ru

Эшелонирование значений категории вида
и их взаимодействие с лексическими значениями
(на примере глагола *угодить–угождать*)

Елена Г. Соколова

Москва, Россия, minegot@rambler.ru

Аннотация. Работа выполнена в русле исследования многозначности глагола, т. е. природы единства значений одной лексемы. Моделирование семантического единства слова важно для современных прикладных направлений компьютерной лингвистики, в частности, генераторов текстов и говорящих роботов. Для русского глагола в понятие многозначности включается и видовая парность. В статье на базе книги *Зализняк Анна А. и Шмелёв А.Д. Введение в русскую аспектологию* (М.: Языки русской культуры 2000) формулируются четыре «надконтекстных» видовых значения. Предполагается, что семантика вида имеет двухэшелонную организацию: надконтекстные значения вида составляют первый эшелон и представлены в толковом словаре, частновидовые значения, определяемые в текстах, составляют второй эшелон. Представлены результаты корпусного, на материале Национального корпуса русского языка исследования значений глагола *угодить–угождать*, взятых из Малого академического словаря, и показано их взаимодействие с надконтекстными значениями вида. Видовые значения включены в состав статьи толкового словаря.

Ключевые слова: семантика, многозначность глагола, категория русского вида, толковый словарь

Для цитирования: Соколова Е.Г. Эшелонирование значений категории вида и их взаимодействие с лексическими значениями (на примере глагола *угодить–угождать*) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 7. С. 101–139. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-7-101-139

Two echelons in the semantics
of the Russian verbal aspect
and their interaction with lexical meanings
(illustrated by the verb *ugodit' – ugozhdat'*)

Elena G. Sokolova

Moscow, Russia, minegot@rambler.ru

Abstract. The work was carried out in line with the research on the nature of the semantic unity of a verb which is important for applied areas of computational linguistics, namely, text generation and humaniform robots. For Russian, the verbal aspect pairs are also included into the concept of the verb polysemy. This article presents the results of the semantic study of the Russian aspect resulting in representing the aspect meanings as a two-echelons system. The upper echelon consists of four supra-contextual aspect meanings. They are found with the aim to be included into the explanatory dictionary matched with the lexical meanings of the verb. Results of a corpus study of meanings of the verb *ugodit' – ugozhdat'* and their interaction with the supra-contextual aspect meanings are presented.

Keywords: semantics, verbal ambiguity, values of the aspect category in Russian language, the explanatory dictionary

For citation: Sokolova, E.G. (2019), “Two echelons in the semantics of the Russian verbal aspect and their interaction with lexical meanings (illustrated by the verb *ugodit' – ugozhdat'*)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philology. Linguistics. Culturology” Series*, no. 7, pp. 101-139, DOI: 10.28995/2686-7249-2019-7-101-139

1. Введение

В последнее десятилетие Искусственный интеллект (ИИ) демонстрирует значительные успехи в создании роботов, способных распознавать объекты, манипулировать объектами, передвигаться и ориентироваться в пространстве, а также обладающих усредненной речевой коммуникацией, основанной на нейросетевых методах. Однако целенаправленное речевое поведение робота должно опираться на лингвистическую теорию. Компьютерная (в частности, корпусная) лингвистика мощно и плодотворно влияет на развитие теоретической и описательной лингвистики. Современное роботостроение требует от них ответного движения в виде разработки теории лексического значения глагола и усовершенствования описаний значений глагола в словаре. Именно традиционная теоретическая лингвистика создает предпосылки

для появления такой теории, именно она должна объяснить природу семантического единства слова, которая до сих пор единообразно даже не осмыслена: единство слова представляется в разных формах: инвариант, прототип, различные психолингвистические схемы, в том числе и в предложенном Е.Г. Соколовой методе дискурсивных контекстов (ДК). Особенность метода ДК состоит в верификации и уточнении значений, представленных в Малом академическом словаре (МАС)¹ в ходе локального эксперимента на материале примеров из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). В результате эксперимента верифицируются значения, описанные в МАС, и строится абстрактное представление семантики глагола, соотносимое со всеми значениями глагола, причём инвариантен набор абстрактных сущностей, соотносимых с участниками обозначаемого процесса во всех значениях. Об обсуждении теоретической концепции многозначности глагола по результатам этих набросков говорить преждевременно. Существенно то, что вместо доминирующего в последние десятилетия логического направления метод ДК нацелен на углубление традиционной теории в психолингвистическом направлении, близком ИИ.

В данной работе рассматривается новый аспект многозначности глагола – учёт видовых значений в словарном описании глагола как составляющих его многозначности.

В настоящей статье описывается локальный эксперимент с глаголом *угодить–угождать* на основе метода ДК, в частности, мы основываемся на статье [Соколова 2015], в которой имеется эскиз описания семантики этого глагола. Цель эксперимента – исследование взаимодействия значений глагола *угодить–угождать*, взятых из МАС, со значениями категории вида. Проблема эксперимента состояла в том, что необходимый для него набор видовых значений, которые можно было бы поместить в статью толкового словаря и сравнивать с лексическими значениями глагола, в имеющихся теоретических источниках не был найден. Попытка опереться на книгу [Зализняк Анна, Шмелев 2000], содержащую изложение основ аспектологической теории, знание которых дает ключ к пониманию аспектологической литературы, написанной с различных теоретических позиций, привела к тому, что была сформулирована гипотеза эшелонирования значений лексико-грамматической категории русского вида и на её основе выделено четыре видовых значения первого эшелона – надконтекстные значения вида, пригодные для помещения в словарь, которые и были использованы в ходе эксперимента. Гипотеза эшелонирования не противопоставляется традиционным концепциям вида, напротив, она была буквально

¹ Словарь русского языка в 4-х томах. М.: Русский язык, 1999.

выведена на основании текста указанной книги, и моменты её появления, следующие из положений книги, отмечены в данной статье. Гипотеза эшелонирования не является концепцией, обоснованной и проверенной на большом количестве глаголов, которую можно было бы на этом этапе сравнивать с традиционными теоретическими концепциями². Этим объясняется минимализм автора работы в отношении научной литературы и, возможно, некоторые неточности и огрубления в формулировках. Многие проблемы в интерпретации видовых значений из перечисленных в сноске 1 просто не затрагиваются, например, «количественная аспектуальность», поскольку присутствующая в статье минимальная теоретическая аргументация направлена только на выделение искомым видовых значений для локального эксперимента, не более того. Замечу, что при значительной широте охвата – аннотированный указатель глагольных лексем в книге содержит около 3000 единиц – рассматриваемый в моей работе глагол *угодить–угождать* в ней не упоминается. В ходе эксперимента для объяснения обнаруженных явлений возникла потребность в определении категории «сфера восприятия», которая также вводится в данной статье.

Работа состоит из двух частей: в первой, теоретической, описывается поиск средств, необходимых для проведения локального

² Вид – сложнейшая категория РЯ, и ей посвящено огромное количество исследований, в которых обсуждаются многочисленные проблемы, связанные с видом, в частности, определение понятия и семантическое поле аспектуальности, аспектуальность и акциональность, качественная и количественная аспектуальность, лексическая аспектуальность, видовая парность, различие процесса и состояния, онтологические и семантические категории, вид – словообразующая или словоизменяющая категория, выводимость частновидовых значений из элементарных смыслов и др. Фундаментальные исследования по виду принадлежат перу замечательных русских лингвистов – Ю.С. Маслову, А.В. Бондарко, Е.В. Падучевой и др. Автор благодарен рецензенту за рекомендацию работ, имеющих непосредственное отношение к обсуждаемым в статье вопросам, но включить в данный текст сколько-нибудь внятный обзор проблематики вида и, тем более, сравнение гипотезы эшелонирования видовых значений, высказанной в данной статье, с фундаментальными теориями невозможно. Автор выводит необходимые видовые значения на основании книги [Анна Зализняк, Шмелёв 2000]. Более поздние взгляды и теоретические положения авторов книги не рассматриваются, поскольку искомым результат – необходимые видовые значения для эксперимента – был уже получен. Разумеется, за неизбежные огрубления и неточности в интерпретации теоретических понятий, локально попадающих в фокус обсуждения в данной статье, ответственен только автор данной статьи.

эксперимента: в соответствии с высказанной гипотезой эшелонирования видовых значений выделяются и описываются четыре надконтекстных видовых значения, а также категория «сфера восприятия»; во второй части работы описывается корпусной эксперимент по исследованию взаимодействия значений глагола *угодить–угождать* из МАС, сформулированных в нем для формы совершенного вида (СВ), с надконтекстными значениями несовершенного вида (НСВ). Уточняется представление семантики глагола в МАС по результатам проведенного эксперимента. Толкование в МАС расширяется введением значений категории сферы восприятия и значений НСВ для отдельных значений глагола.

2. Семантика категории вида

Принятые в МАС обозначения «сов.» или «несов.» являются указанием видовой формы, а не значения. Для проведения эксперимента по взаимодействию видовых и лексических значений необходим набор видовых значений, которые можно было бы поместить в статью толкового словаря. В теоретических исследованиях и дидактических текстах обычно рассматриваются видовые значения, выделенные на разных основаниях. В книге Анны А. Зализняк и А.Д. Шмелёва как традиционном теоретическом исследовании полно и подробно рассмотрены частновидовые значения категории вида. К ним относятся конкретное-фактическое (*Иван уехал за границу*), наглядно-примерное (...*бывает так: налетит буря...*), потенциальное (*Ты и мертвого расшевелишь*) и др. (всего 7) для СВ, и актуально-длительное (*не мешай, я работаю*), континуальное (*я работаю в университете*) и др. (всего 16) для НСВ. Частновидовые значения являются психолингвистической реальностью, так как они узнаваемы говорящими в речи. Они представляют собой сплав лексического и видового значений со значениями некоторых контекстных единиц – обстоятельств, синтаксических конструкций и даже форм предложений. «Частновидовые значения – это просто традиционно выделяемые наиболее характерные типы значений, выражаемые предложениями с глаголами того или иного вида» [Зализняк Анна, Шмелев 2000, с. 18].

В дидактических текстах, предназначенных для объяснения функций категории вида неспециалистам, обычно представлены наиболее употребительные частновидовые значения в авторских формулировках, ориентированных на свойства обозначаемого глаголом процесса, например, на сайте <http://www.fio.ru/pravila/grammatika/kategoriya-vida-glagola/> перечисляется четыре значения НСВ:

- «1) конкретный процесс, не ограниченный пределом и представленный в течение его осуществления: *Сияет солнце, воды блещут, / На всем улыбка, жизнь во всем. / Деревья радостно трепещут. / Купаясь в небе голубом* (Ф. Тютчев);
- 2) процесс, повторяющийся неограниченное количество раз: *Любил я часто, чаще ненавидел* (М. Лермонтов);
- 3) процесс, происходящий постоянно и без перерывов: *Океаны окружают сушу; Угол падения равняется углу отражения;*
- 4) процесс, представленный в виде обобщенного факта: *Все находят, что у молодых очень уютный уголок* (А. Чехов)».

2.1. Частновидовые значения и онтологическая основа русского вида

Частновидовым значениям в цитируемой книге противопоставлен поиск инвариантов значений СВ и НСВ. При этом выделены традиционные (общий термин, метафора) и семантические пути. Для вторых характерно построение определений на основе понятий <состояние>, <смена состояний>, <ситуация> и др. [Зализняк Анна, Шмелев 2000, с. 31–35]. Авторы отмечают, что общепризнанного решения этой проблемы не найдено, и считают разумным остановиться на онтологической основе русской видовой системы, которая формулируется в книге следующим образом: «Все явления, которые происходят в мире, концептуализируются одним из трех способов: как состояния, события или процессы. Эти категории являются столь фундаментальными, что в точном смысле слова определения им дать невозможно» [Зализняк Анна, Шмелев 2000, с. 35], но авторы дают представление о них:

«Состояние – это положение дел, сохраняющееся неизменным на протяжении некоторого отрезка времени: *Маша любит Петю; Васю знобит*» [Зализняк Анна, Шмелев 2000, с. 35]. Состояние «равно себе на всем протяжении и поэтому может быть идентифицировано в любой точке».

«Событие – это смена одного состояния другим, переход в новое состояние: *Маша разлюбила Петю; Вася согрелся*» [Зализняк Анна, Шмелев 2000, с. 35].

«Процесс – это то, что происходит во времени. Процесс состоит из последовательно сменяющих друг друга фаз и обычно требует энергии для своего поддержания: *мальчик гуляет, играет; они разговаривают; костер горит*. Для идентификации процесса необходим некоторый отрезок времени» [Зализняк Анна, Шмелев 2000, с. 35–36].

На основе этих представлений определяется онтологическая основа видовой системы русского языка (РЯ), которую резюмируем следующим образом:

СВ однозначен и всегда обозначает единичное событие, например, *X ударил Y-а и ушел*. НСВ обозначает процесс, например, *дети играют*, состояние, например, *она грустит*, или повторяющееся (серийное³) событие, например, *Собака приходит каждый день*. Как немаркированный член видовой оппозиции, НСВ может брать на себя функцию СВ, обозначая единичное событие, но только в специальных режимах речи, требующих формы НСВ, а именно в настоящем историческом / сценическом / репортажном времени, например, *X ударяет Y-а и уходит*.

Онтологические понятия обеспечивают классификацию глаголов в традиционных описаниях, но они недостаточны для объективного объяснения явлений вида и для моделирования систем ИИ потому, что между ними нет четких противопоставлений. Действительно, из вышеприведенных представлений следует, что понятие <состояние> лежит в основе понятия <событие> и противопоставлено понятию <процесс>, но нечётко. В частности, чем отличается <состояние> «*Васю знобит*» от <процесса> «*костёр горит*»? Оба на протяжении некоторого отрезка времени относительно неизменны и связаны с преобразованием тепловой энергии, но по-разному ощущаемом говорящими: *костёр* излучает свет и тепло в пространство, что ощущается извне, а *знобит*

³ Серийное событие подразумевает наличие некоего свойства, тривиального или нет, известного или неизвестного автору речи, которое обуславливает повторяемость события, например, *Собака приходила на могилу хозяина каждый день (тосковала) / три раза (тосковала, а потом успокоилась или пропала)*. В отличие от этого СВ обозначает указанное в контексте количество единичных событий, например, *Собака пришла на могилу хозяина (*каждый день) три раза и пропала*, – не очень корректное высказывание именно из-за отсутствия ощущения общей причины этих событий. В цитируемой книге не используется термин «серийность», но при описании одного из значений НСВ – «эмоциональной актуализации», в котором «факт прошлого, вызывающий удивление или возмущение, как бы извлекается из прошлого и переносится в плоскость настоящего», замечают: «Одновременно с этим привносится элемент типизации: упоминаемый единичный факт рассматривается как проявление какого-то свойства». Свойство, названное «элемент типизации», по-видимому, и определяет серийность повторяющихся событий [Зализняк Анна, Шмелев 2000, с. 29].

определяется внутренними ощущениями⁴. Авторы цитируемой книги отмечают, что «некоторые типы процессов сближаются с некоторыми типами состояний» [Зализняк Анна, Шмелев 2000, с. 36 (сноска)].

2.2. Модель обозначаемого процесса

Лексические значения глагола описываются в словарях в виде толкований, причём для видовой пары толкования даются формам глагола одного вида – чаще СВ, реже НСВ – а для противоположного вида указывается, от каких из описанных значений образуется форма противоположного вида. В частности, в статье глагола *угодить–угождать* в МАС толкования значений даны для СВ, а статья глагола НСВ содержит только ссылку на знач. 1, указывающую на то, что для этого значения образуется форма НСВ (см. Приложение 1, в котором приведена статья глагола *угодить–угождать* из МАС). Далее в работе рассматриваются знач. 1, 2 и 3 этого глагола. Знач. 4, помеченное как просторечное, не рассматривается, поскольку оба примера, приведённые к нему в МАС, относятся к концу XIX в., а в современных текстах, представленных в НКРЯ, подобные им не встретились. Кроме того, в эксперименте установлено, что знач. 4 обладает свойствами устаревшего значения этого глагола, которые в данной статье также не рассматриваются.

Авторы книги приводят следующую цитату из [Гловинская 1982, с. 48]: «глаголу СВ и НСВ не может быть дано единое толкование, потому что вид – фузионная категория и не может быть отделена от лексического значения, как, например, лицо или число» [Зализняк Анна, Шмелев 2000, с. 15]. Можно возразить, что это утверждение: 1. Опровергается традиционной лингвистикой, дающей в словарях одно толкование для видовой пары, привязанное к одной из видových форм, что не затрудняет пользователей словаря; 2. Во второй части настоящей статьи показано, что по крайней мере для одного глагола видовые значения отделяются от лексических и взаимодействуют с ними.

⁴ Глагол *гореть* в качестве онтологического типа <процесс> – пример неудачный. Представленный в МАС как парновидовой в двух значениях, он очень близок к одновидовому, обозначающему излучаемую энергию и эмоциональный эффект. *Гореть* принадлежит исключительно русской «языковой картине». В качестве его перевода на английский язык обычно дается глагол *to burn*, но он подчеркивает другой аспект семантики процесса, результативный, – *сжечь–сжигать*, а ближайший фрейм, подходящий по значению русскому глаголу *гореть*, у глагола *to shine* – светить. О фреймах см. ниже р. 2.4.

Чтобы решить проблему «отделения значения категории вида от лексического значения», надо опираться на дидактическую традицию, т. е. на понятие модели обозначаемого глаголом процесса. Далее «процессом» я называю обозначаемое глаголом отношение между взаимодействующими участниками, т. е. процесс понимается как общесемантическое понятие из триады <объект> – <процесс> – <признак>, а не как онтологическое понятие из триады <состояние> – <событие> – <процесс>, принятое в цитируемой книге. Употребление понятия <процесс> в онтологическом смысле далее специально оговаривается.

Об аспектологической модели процесса можно дать понятие следующим образом. Представьте себе, что вы наблюдаете, как из окна многоэтажного дома выпадает предмет X, что описывается так: «Из окна 8-го этажа *выпадает* X. Он *падает*. X *упал* на кусты сирени». Глаголы в этом тексте обозначают один и тот же начавшийся, продолжившийся и завершившийся на ваших глазах процесс. Таким образом, не нарушая цельности образа процесса, имеющегося у говорящих, РЯ выделяет в нём три фазы и обозначает первую одним глаголом, вторую и третью – другим глаголом – видовой парой. Вторая и третья фазы образуют собственно аспектологическую модель этого парновидового глагола:

Фаза	Начало процесса	Течение процесса	Завершение / предел процесса
глагол	<i>выпадать</i>	<i>падать–упасть</i>	

Рис. 1. Аспектологическая модель глагола *падать–упасть*

Говорящие всегда имеют в сознании полный образ процесса, но категория вида в модели парновидового глагола охватывает только две последних фазы.

В теоретической лингвистике есть более общее неформальное понятие аспектологической модели процесса, которое называется «аспектуальность» или «способ действия». Например, аспектологическая классификация английских глаголов Вендлера определяет четыре типа моделей: *accomplishments*, *achievements*, *activities* и *states*. Этим типам в РЯ очень приблизительно соответствуют следующие типы: предельные, моментальные, неопредельные процессы и состояния, соответственно [Зализняк Анна, Шмелев 2000, с. 55–56].

Логическое направление основывается на верховенстве предиката и зависимости актантов, «опуская» свойства актантов до уровня различительных признаков. Между тем у части глаголов

именно соединяемые глаголом объекты и являются носителями качеств обозначаемого процесса, например, глагол *стоять* и др., семантика которых может описываться, например, через понятие «визуального прототипа» [Кошелев 2016]. Чем больше семантика глагола обусловлена свойствами участника, тем более участник вовлечён в обозначаемый глаголом процесс. Наиболее вовлечены участники действий (онтологических процессов). Обозначаемый процесс образуется изменениями наблюдаемых участников: состав участников, их перемещение, изменение их формы и т. п. Наименее вовлечены участники состояний. Их изменения внешне почти или совсем незаметны, поскольку это внутренние ощущения тела (например, *знобить*), состояния души, сознания (например, *любить*). Но существует ситуация, противопоставленная обоим онтологическим типам – и состояниям, и процессам. В этом случае речь содержит декларацию наличия между объектами, ассоциируемыми с актантами глагола, некоторого соотношения, устанавливаемого говорящим. Оно находится как бы в плоскости над этими объектами, из которой на них можно только указать. Сами же «участники» полностью инертны относительно декларируемого говорящим соотношения, с ними никаких изменений не происходит. Именно так обстоит дело с группой глаголов, обозначающих постоянные свойства и соотношения: *весить*, *отстоять* <от чего-то>, *содержать*, *значить* и др., подробнее см. ниже.

При вовлечённых объектах отображаемой в тексте материей является воспринимаемая действительность, а носителями процесса являются участвующие в процессе объекты. При инертных объектах носителем процесса является только говорящий, своей волей вводящий информацию о соотношении между объектами. В отличие от нечеткого онтологического противопоставления «состояние vs. процесс» мы вводим чёткое противопоставление: «вовлечённость объектов – носители процесса – объекты, и обозначаемый процесс происходит в действительности» vs. «инертность объектов – носитель процесса – говорящий, и обозначаемый процесс создаётся речью говорящего». В первом случае место осуществления процесса – физический мир, во втором случае обозначаемый процесс существует только в ментальной сфере говорящих, хотя декларируемое соотношение может отражать действительные соотношения между значениями параметров участников.

Аспектологическая модель определяет три возможных противопоставления в грамматической системе для парновидового глагола:

- 1) фаза модели vs. модель целиком, т. е. завершённый процесс;

2) модель завершённая как единичное событие vs. оно же, потенциально повторяющееся;

3) участники вовлечённые & действительный процесс в физической сфере vs. участники инертные & абстрактный процесс в ментальной сфере говорящих.

Значения вида, основанные на аспектологической модели, по своей природе потенциальны и абстрактны, недоопределены. Они не связаны с контекстом употребления, не выделяются при анализе как часть содержания текста, но входят как составляющие в частновидовые значения. Назовём их «надконтекстными» видовыми значениями. Надконтекстные значения определяются только для лексико-грамматической категории и являются грамматическими значениями, противопоставленными между собой в грамматической системе РЯ. Они отличны от понятия «инвариантное значение», которое представляет собой предельно обобщенное, абстрактное и семантически наиболее простое значение, выделяемое в слове в отвлечении от его конкретных модификаций. Можно говорить об инварианте лексического значения или грамматического значения, но не лексико-грамматического. Надконтекстные видовые значения незримо присутствуют в словаре при указании видовой формы *сов.* или *несов.*, в то время как частновидовые значения обнаруживаются только в текстах. Таким образом, значения категории вида образуют два эшелона. Первый – надконтекстные значения, потенциальные, абстрактные, противопоставленные между собой в грамматической системе РЯ, скрытые в словаре за указаниями видовой формы. Второй – частновидовые значения, непосредственно соотносимые говорящими с обозначаемой действительностью, образующиеся на основе лексических значений глагола, взаимодействующих с надконтекстными значениями вида и обогащенные семантическими элементами контекста. Введём надконтекстные значения вида.

2.3. Надконтекстные значения категории русского вида

Первое надконтекстное значение вида фактически выделено в цитируемой книге и представлено в списке частновидовых значений СВ как «конкретно-фактическое», определённое как «единичное событие, имевшее место в прошлом или ожидаемое в будущем» [Зализняк Анна, Шмелев 2000, с. 19]. Обозначим его как СВ1. Авторы выделяют СВ1 среди остальных шести значений СВ, которые называют периферическими, причем оно позиционируется именно как надконтекстное: «Это значение имеется у всех глаголов сов. вида, и его реализация никак не ограничена контекстом». Это подтверждается

также тем, что авторы описывают для каждого из шести остальных (периферических) значений контекст, его создающий.

СВ1 – событие & единичность

Таким образом, СВ1 определено в цитируемой книге. Оно охватывает аспектологическую модель глагола целиком и является единственным надконтекстным значением СВ.

У НСВ ситуация другая. В цитируемой книге подчёркивается, что в отличие от СВ единого центра у НСВ нет. Авторы выделяют среди частновидовых значений НСВ два: 1) «Самым ярким значением несов. вида является «актуально-длительное значение», которое «описывает процесс или состояние, длящееся в момент наблюдения» [Зализняк Анна, Шмелев 2000, с. 21], и 2) значение «многократности, или итеративное», которое заслуживает «особого упоминания» [Зализняк Анна, Шмелев 2000, с. 25]. Соответственно, НСВ образует более одного надконтекстного значения.

Актуально-длительное значение НСВ, освобождённое от привязки к моменту наблюдения, соответствует обозначению средней фазы модели обозначаемого процесса «течение процесса», т. к. обозначает часть процесса от начала и до прекращения (предела), не включая крайние точки. Будем считать его первым надконтекстным значением – НСВ1. Именно оно имеется в виду в словаре, когда для видовой пары в заголовке словарной статьи глагола НСВ указывается, что данная форма НСВ имеет лексическое значение, описанное в словарной статье для формы СВ, как у глагола *угодит-угождать*, см. Приложение 1. Особенность значения НСВ1 – отсутствие в образе обозначаемого процесса крайних точек: начальной и конечной (предела)⁵. Итак:

НСВ1 – течение процесса в средней фазе процесса, обозначаемого парновидовым глаголом

⁵ Заметим, что условие не-завершения, не-наступления предела удовлетворяет и значению НСВ одновидовых глаголов. Начало и конец обозначаемого процесса в этом случае отсутствуют в аспектологической модели. Они могут отсутствовать для постоянных объективных соотношений, например, *Земля вращается вокруг солнца*. Но крайние точки могут появиться извне в виде временных рамок, превращая непрерывный процесс в событие, например: «*сначала значения параметра соответствовали формуле 1, после нагревания объектов – формуле 2*». Соответствия поведения параметра формуле 1 и формуле 2 являются событиями исследовательского процесса, ограниченными временными рамками.

На этом возможности формирования значений НСВ на основе внутренней структуры аспектологической модели процесса (фаза – целое) исчерпываются.

Чтобы выделить следующее надконтекстное значение НСВ, рассмотрим свойство категории вида быть семантически наполненной, состоящее в том, что кроме собственно видового глагол иногда может передавать дополнительное значение, в частности: «временная локализация, динамичность / статичность, кратность, длительность, моментальность, узуальность, начинательность, результативность и т. п.» [Зализняк Анна, Шмелев 2000, с. 11]. Ниже в книге на с. 12 указывается, что те же (дополнительные) значения, которые могут выражаться в русском языке при категории вида, «такие как многократность, начинательность, результативность и др.», могут выражаться и другими средствами, в частности, словообразовательными, а именно семантической категорией «способ глагольного действия». Авторы сравнивают грамматическую категорию вида и семантическую категорию способа глагольного действия. Рассмотрим примеры (1) и (2), приводимые авторами в книге с авторскими же комментариями на с. 12:

- (1) *Он ко мне частенько захаживал* (многократный способ действия);
- (2) *Он ко мне часто заходил* (идея многократности в глаголе не выражена).

В (1) в форме НСВ одновидового глагола *захаживать* суффиксом *-ива-* выражен способ глагольного действия «многократность». Также в нём присутствует и некоторое значение НСВ. В (2) представлено только значение НСВ парновидового глагола *зайти – заходить*. Рассмотрим эти же примеры без синтаксических обстоятельств многократности с моими комментариями:

- (1') *Он ко мне захаживал* (узуальность, многократность);
- (2') *Он ко мне заходил* (кратность).

Смысл (1') практически не изменился по сравнению с (1), что говорит о том, что многократность выражена не обстоятельством, а именно семантической категорией «способ глагольного действия». Можно предположить, что узуальность имеет отношение к значению НСВ, присутствующему в этом глаголе, поскольку, если, как и многократность, его связать с суффиксом *-ива-*, то на долю видового значения не останется ничего, а наличие видового значения полагается нами обязательным.

Смысл (2') изменился: с исчезновением из контекста обстоятельства *часто* многократность утратилась, т. е. комментарий авто-

ров к (2) верен: многократность в глаголе НСВ *заходил* не выражена. Но некоторое значение НСВ присутствует, и оно создаёт недосказанность: неясно, однократно *заходил*, более одного раза или часто. С расширением контекста у данного глагола возникает или значение многократности, пример (2), или однократности, например:

(3) *Он был у тебя полчаса назад? – Да, он ко мне заходил.*

Значение НСВ в (2') – это потенциальная повторяемость. Адекватным термином для её обозначения является «кратность». Авторы книги дают следующее определение кратности: «Кратность [действия, ситуации] (=семантический признак, имеющий значения 'один раз', 'более одного раза', 'хотя бы один раз', 'много раз') <Ты находил в этом лесу рыжики? (т. е. 'хотя бы один раз')>» [Зализняк Анна, Шмелев 2000, с. 147]. Кратность есть второе надконтекстное значение НСВ:

НСВ2 – событие & потенциальная повторяемость (кратность)

Признание кратности надконтекстным значением НСВ косвенно подкрепляется замечанием авторов книги о происхождении суффиксов НСВ из суффиксов итеративности [Зализняк Анна, Шмелев 2000, с. 25], что не должно быть «забыто» языком. Характерны также контексты, приводимые авторами для разрешения неоднозначности двувидовых глаголов: «Потенциальная неоднозначность таких глаголов (*обещать, велеть, завещать*) устраняется в специальных контекстах. Так, диагностическим для несоев. вида может служить контекст многократности, выражаемый словами *всегда, всякий/каждый (но не много раз)* или другими средствами: *Он каждый раз обещает, а потом не делает*» [Зализняк Анна, Шмелев 2000, с. 73]. Заметим, что это не «контексты многократности», а контексты потенциальной повторяемости или кратности, а контекст многократности (*много раз*) как раз исключён авторами.

Неверно использовать термин «кратность» для обозначения типа обстоятельства, включающего числительное: *Он три раза постучал в дверь* и *Семь раз отмерь, один отрежь* [Зализняк Анна, Шмелев 2000, с. 20], поскольку указано количество единичных событий или действий. Далее в книге авторами следующим образом обозначена разница между действием и событием: «При употреблении несоев. вида для обозначения повторяющегося события, каждый «акт», так сказать, превращается в самостоятельную пьесу». Действительно, при замене глагола СВ *постучать* на глагол НСВ *стучать* глагол начинает обозначать только событие, т. е.

«самостоятельную пьесу»: *Он три раза стучал в дверь* – три раза начинал и заканчивал стучать. Единичное действие, повторенное три раза, скорее обозначается другим глаголом СВ: *Он три раза стукнул в дверь*. В прошедшем времени *стучать* не может обозначить, например, ситуацию, при которой три стука – это пароль для входа, но в инфинитиве это возможно, например, надпись под кнопкой звонка в коммунальную квартиру: «А.И. Петров. Стучать три раза». Соотношение понятий <действие> и <событие> в связи с видовыми значениями требует дополнительного изучения, так же, как и соотношения между глаголами *стучать*, *постучать* как действия и сигнала и *стучать*–*стукнуть* как действия.

Третье надконтекстное значение НСВ базируется на свойстве участников не быть вовлечёнными в процесс, т. е. быть инертными по отношению к нему. Вовлечённость / инертность – самая общая характеристика участника по отношению к обозначаемому процессу. Третье надконтекстное значение НСВ – абстрактное отношение:

НСВЗ – абстрактное отношение инертных
по отношению к обозначаемому процессу объектов

Напомним, что в данном определении «процесс» понимается как семантический аналог глагольности, а не онтологически.

В цитируемой книге среди одновидовых глаголов НСВ выделяется группа «постоянные свойства и соотношения». Указание вида «несов.» в заголовке глаголов этой группы и передаёт значение НСВЗ – «абстрактное отношение». Внутри группы выделяется три подгруппы: 1) параметры физических объектов: *весить*, *вмещать*; 2) существование и пространственное расположение объектов: *находиться* <где-то>, *отстоять*, *граничить* и др. 3) «абстрактные» соотношения между объектами и событиями: *содержать*, *состоять* <из чего-то>, *принадлежать*, *относиться* <к классу>, *приходиться* <для>, *предстоять*, *равняться*, *походить*, *соответствовать*, *значить*, *означать*, *противоречить*, *основываться*, *свидетельствовать* <о чем-то>, *отличаться*, *числиться*, *происходить* <от>, *вызывать* (= ‘быть причиной’), *насчитывать*, *преобладать*, *обладать* <свойством>, *являться* <кем-то>, *стоять* и т. п.» [Зализняк Анна, Шмелев 2000, с. 65–66]. Семантический тип глагола фактически представляет значение НСВ. На долю лексического значения остаётся указание на то, по какому параметру, признаку соотнесены объекты – участники отношения. Это указание часто «считывается» из корня слова, например, *весить* (*иметь вес N*), *вмещать* – давать место для N количества вещества или объектов, *граничить* – иметь общую границу с объектом и т. д. Различия между подгруппами несистемны, случайны. Связать одних и тех же

участников можно глаголами из разных подгрупп, например, *Блок вмещает / содержит / насчитывает 10 кирпичей*: первый глагол из подгруппы 1) физических параметров, второй и третий – из группы 3) абстрактных соотношений. Абстрактные отношения часто соотносят значение одного и того же параметра у разных объектов, например, количество предметов в группе: *Количество стульчиков соответствует количеству детей*.

Авторы обращают внимание на тот факт, что обозначаемые <состояния> «не локализованы во времени» [Зализняк Анна, Шмелев 2000, с. 65]. Утверждение верно, если понимать время как течение происходящих взаимодействий или изменений в участниках, как это происходит для онтологических <процессов>. Для абстрактных отношений существует только временной период актуальности их декларации в тексте, заключённый между началом и концом актуальности декларации, заданных извне. Сами по себе соотношения абстрактны и ортогональны времени.

2.4. Подвижность семантических типов глаголов

В логическом подходе существует традиция наделять актанты конкретных глаголов семантическими признаками, которые считаются условиями для отнесения глагола к определённому семантическому типу. Предикат с актантами, имеющими определённые семантические свойства, образует семантическую конфигурацию, обычно называемую «фрейм». Фрейм – один из способов представления глагола как предиката с зависимыми словами, которые составляют с ним единое семантическое целое. С другой стороны, в РЯ глаголы управляют зависимыми существительными в определённых падежах, образуя с ними синтаксические конфигурации, которые иногда называются «модель управления глагола». Предположительно семантическая и синтаксическая конфигурации глагола гармонизированы: форма и семантические свойства зависимого существительного отвечают определённым семантическим ролям актантов во фрейме.

Однако семантический тип конкретного глагола подвижен. Разные значения одного и того же глагола могут принадлежать к разным семантическим типам, например, один и тот же глагол может обозначать как абстрактное отношение, так и поведенческий процесс. Так, в аннотированном указателе глагольных лексем цитируемой книги глагол *равняться* указан дважды:

«равняться НСВ – постоянные свойства и соотношения 65
равняться НСВ – семантика вида в императиве 40» [Зализняк Анна, Шмелев 2000, с. 201].

Т. е. на с. 65 он квалифицирован как «абстрактное» отношение, а на с. 40 речь идет о команде «Равняйся!», о действии, т. е. онтологическом процессе.

Изменение семантической конфигурации – изменение состава актантов или их свойств – приводит к изменению семантического типа глагола. Например, утрата инертности участником переводит тип «абстрактное отношение» в тип «действие». В частности, глагол типа «абстрактное отношение» из той же подгруппы 3) *соответствовать* обычно соединяет два или более инертных объекта. Но в следующем примере: «*Эта встреча очень важна для твоего отца. Витя, как сын, ты должен соответствовать*», подлежащее второго предложения (первый участник соотношения *соответствовать*) не инертен, он представлен действующим в обозначаемом процессе лицом, а второй участник обычно обозначаемого этим глаголом абстрактного отношения (*соответствовать* чему?), отсутствует. Глагол в этом примере оказывается одновалентным и обозначает поведенческое действие – правильное поведение *сына Вити* во время *встречи*. В аннотированный указатель книги глагол *соответствовать* входит четыре раза. Он представлен как

1. «имеющий значение «постоянные свойства и соотношения» (65);
2. приставочный глагол (78);
3. *imperfectiva tantum* (15);
4. не имеющий актуально-длительного значения (22).

Окказионально образованный нами одновалентный поведенческий глагол:

- не 1, т. е. не принадлежит подгруппе «постоянные свойства и соотношения»,
- не 4,

поскольку можно сочинить искусственный пример, иллюстрирующий актуально-длительное значение, например, сцена, в которой усилия *Вити* «*соответствовать* заданному поведению» выходят за рамки обычного и становятся заметны. В этом случае между наблюдающими эту сцену может возникнуть следующий диалог с иронической ответной репликой: *Что там происходит? – Витя «соответствует!»*. В ноябре 2018 г. старшая внучка Николая Караченцова Янина опубликовала последнюю фотографию артиста на своей странице в Instagram со следующей подписью: «*Дедушка был великий человек, я его очень любила, буду любить и буду ему соответствовать!*» Это уже похоже на модель глагола *подыгрывать* (кому?).

2.5. Противопоставления надконтекстных значений вида в грамматической системе русского языка

Четыре вышеперечисленные надконтекстные значения вида: НСВ1, НСВ2, НСВ3 и СВ1 противопоставлены между собой по следующим признакам, определяемым аспектологической моделью обозначаемого процесса:

<предел – > vs. <предел + >, т. е. фаза «течение процесса» vs. полная модель, событие, соответственно;

<потенциальная повторяемость – > vs. <потенциальная повторяемость + >, т. е. полная модель как единичное событие vs. потенциально повторяемая полная модель, повторение события, серийность;

<инертность + > vs. <инертность – >, т. е. инертные участники (абстрактное отношение) vs. вовлечённые участники (онтологический процесс).

Каждое надконтекстное значение вида имеет в грамматической системе РЯ уникальный набор отличительных признаков: НСВ3 противопоставлено остальным значениям НСВ1, НСВ2 и СВ1 по признаку инертности <инертность + >; НСВ1 противопоставлено НСВ2 и СВ1 по признаку фазы <предел – >; НСВ2 противопоставлено СВ1 по признаку <потенциальная повторяемость + >:

НСВ3: <инертность + >;

НСВ1: <инертность – >, <предел – >;

НСВ2: <инертность – >, <предел + >, <потенциальная повторяемость + >;

СВ1: <инертность – >, <предел + >, <потенциальная повторяемость – >;

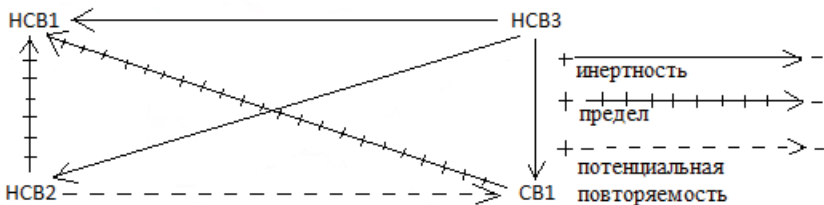

Рис. 2. Противопоставления надконтекстных значений вида в грамматической системе РЯ

2.6. Надконтекстные видовые значения в толковом словаре

Предположим, что каждое значение в статье глагола имеет и своё видовое значение, взаимодействующее с лексическим значением, понимаемым как некоторый образ обозначаемого процесса. Предположим, что это надконтекстные видовые значения СВ1, НСВ1, НСВ2, НСВ3. Рассмотрим, каким образом надконтекстные значения присутствуют в статье парновидового глагола.

Во всех толкованиях глагола СВ присутствует единственное надконтекстное значение СВ – СВ1, т. е. указание формы «сов.» эквивалентно указанию о наличии видового значения СВ1.

В толкованиях глагола НСВ ситуация сложнее, поскольку для него имеется три возможных надконтекстных видовых значения. Кроме того, в цитируемой книге утверждается, что «...парный глагол НСВ как бы совмещает в себе два разных глагола: один – это «полноценный» глагол НСВ, обозначающий процесс или состояние, а другой – просто заместитель глагола СВ: его тень, двойник, воспроизводящий все его свойства» [Зализняк Анна, Шмелев 2000, с. 62]. Действительно, в специальных режимах речи так и происходит. Это явление оказалось удобным тестом для определения видовой парности глаголов (критерий Маслова – см. [Зализняк Анна, Шмелев 2000, с. 47 и след.]). Если форму СВ у глагола – предполагаемой видовой пары можно заменить на форму НСВ при повествовании в режиме *praesens historicum*, то эти глаголы составляют видовую пару. Например, глаголы *прийти–приходить, поужинать–ужинать, лечь–ложиться и явиться–являться* являются видовыми парами:

Вчера я как обычно пришёл домой, поужинал и лег спать, и во сне мне явился святой Иорген. (СВ)

Вчера я как обычно прихожу домой, ужинаю и ложусь спать, и во сне мне являлся святой Иорген. (НСВ, *praesens historicum*),

а *полюбить* и *любить* – нет:

В 2000-ом году он закончил университет, полюбил девушку и женился на ней. (СВ)

*В 2000-ом году он заканчивает университет, *любит девушку и женится на ней.* (НСВ, *praesens historicum*)

Таким образом, в книге предлагается для формы НСВ парновидового глагола иметь в словаре **всегда два значения НСВ:**

- 1 – «полноценный» глагол НСВ, обозначающий процесс или состояние;
- 2 – простой заместитель глагола СВ: его тень, двойник, воспроизводящий все его свойства».

Вот как это выглядело бы для глагола *угождать*:

1. удовлетворять кого-л., делая что-л. приятное, нужное, желаемое;
2. то же, что *угодить*.

Введение авторами книги в словарном описании второго значения для формы НСВ обусловлено желанием зафиксировать кроме значения НСВ «течение процесса» также и значение НСВ, в котором глагол представляет <событие>. В самом деле, в словарной статье МАС видовой пары *угодить-угождать* значение НСВ указано только для знач. 1 (см. Приложение 1). Таким образом, любую встреченную в тексте словоформу глагола *угождать* следует отнести к знач. 1. Но это неверно, например, в (4) реализовано знач. 2 «Попасть в какие-л. условия, оказаться в каких-либо обстоятельствах»:

(4) *В аморальном обществе мафия продолжает процветать даже тогда, когда ее боссы **угождают** за решетку.* [М. Дыховичная. Похищение людей – новый бизнес мафии // «Человек и закон», 1977)].

Признавая присутствие в значении глагола лексической (знач. *i*) и видовой (СВ1, НСВ1, НСВ2 или НСВ3) семантических составляющих, во втором значении для глагола НСВ в приведённой выше формулировке мы получаем: знач. *i* \wedge СВ1, т. е. каждое значение глагола *угодить* взаимодействует с видовым значением «<событие> & единичность». И именно оно выражено в специальных режимах, требующих формы НСВ. Вот как это выглядело бы для глагола *угодить-угождать*:

1. (знач. 1 \wedge НСВ1) удовлетворять кого-л., делая что-л. приятное, нужное, желаемое;
2. (знач. *i* \wedge СВ1) то же, что *угодить*.

В отличие от специальных режимов в обычных режимах речи второе видовое значение формы НСВ должно быть представлено значением НСВ, а именно НСВ2, поскольку только оно передаёт «событийность». НСВ2 имеет «потенциальную повторяемость» вместо элемента «единственность» в значении СВ1. Соответственно, описание значений НСВ глагола *угодить-угождать* в словаре должно выглядеть следующим образом:

1. знач. 1 \wedge НСВ1, т. е. удовлетворять кого-л., делая что-л. приятное, нужное, желаемое;

2. знач. $i \wedge \text{НСВ2}$, где i – номера всех значений глагола, не противоречащих свойству повторяемости события. В этом случае значение НСВ2 «примеряется» к каждому значению глагола.

Авторы книги полагали, что в словаре для глагола НСВ, имеющего видовое значение НСВ1 всегда есть и второе видовое значение, поскольку его присутствие мотивировано употреблением НСВ в специальных режимах речи, а критерий Маслова универсален. Но употребление в специальных режимах речи НСВ вместо СВ для видовой пары возможно всегда именно потому, что значение НСВ здесь попросту отсутствует. Невозможность замены СВ на НСВ при переводе в *praesens historicum* в конкретных примерах может объясняться только неуместностью смены режима речи, например, текст автобиографии не может быть переведён в режим *praesens historicum*: «*Я родился в 1998 г.*» vs. *«*Я рождаюсь в 1998 г.*». Но всегда может быть найден другой тип текста, в котором такая замена возможна, например: «*В 1998 г. у них родился ребёнок и отношения в семье нормализовались*» vs. «*В 1998 г. у них рождается ребёнок и отношения в семье нормализуются*».

В отличие от употребления НСВ вместо СВ в специальных режимах речи надконтекстное значение НСВ2 проявляется в неспециальных режимах и имеет исключения, вызванные взаимодействием с лексическим значением, например, неожиданность действия у знач. 2.1 *угодить–угождать* (см. подробнее во второй части исследования – раздел 3). Таким образом, второе видовое значение для формы НСВ в толковом словаре у некоторых значений может отсутствовать.

Может ли в словарной статье у формы НСВ глагола – видовой пары быть указано значение НСВ3, т.е. знач. $k \wedge \text{НСВ3}$, означающее, что одно из значений глагола при $i = k$, взаимодействует со значением НСВ3? Очевидно, что это исключено по определению, поскольку участники в видовой паре всегда вовлечены в обозначаемое действие или состояние, а участники в модели НСВ3 – инертны. Однако окказионально конфигурация с инертными участниками может возникнуть в тексте, и этому неизбежно сопутствует изменение семантического типа глагола. Пример такой окказиональной конфигурации «инертизации» актантов для глагола *угодить–угождать* показан ниже во второй части статьи (раздел 3). Пример обратной ситуации – приобретение вовлечённости в обозначаемый процесс вместо исходной инертности – показан выше для глагола *соответствовать*, который регулярно обозначает абстрактное отношение, но окказионально переходит в поведенческий тип (раздел 2.4). Таким образом, в словарной статье глагола может быть предусмотрен раздел, описывающий потенциал данного

глагола к участию в конфигурациях, исключённых регулярными лексическими свойствами данного глагола.

Итак, в статье глагола НСВ видовой пары, в том случае, когда исходной формой в толковом словаре является форма СВ, как и предложено в цитируемой книге, должно быть два значения, но следующего содержания:

1. знач. $i \wedge$ НСВ1, например, при $i = 1$ для глагола *угодждать*;
2. знач. i (при знач. i , не противоречащих повторяемости события) \wedge НСВ2, например, при $i = 1, 2.2, 2.3$ и 3.1 для глагола *угодждать*. У знач. 2.1 и 3.2 этого глагола значение НСВ2 отсутствует, так как оно конфликтует с лексическим значением. Это обсуждается ниже во второй части статьи (раздел 3), и показано в Приложении 2.

2.7. Событийность, выраженная видовым значением, и грамматическое время

Событийность может не только определяться видовым значением в словаре, но и создаваться в тексте формой прошедшего времени, причём форма НСВ в этом случае может обозначать единичное событие (*он только что / два раза заходил*), или череду событий (*он всю ночь пил, заходил к девочкам*). Контекст прошедшего времени ставит обозначаемому глаголом процессу или состоянию временные рамки, т. е. превращает его в событие, например, *Любил я часто, чаще ненавидел* (М.Ю. Лермонтов), где состояние любви – факт прошлого, событие.

В настоящем времени ситуация другая. В цитируемой книге отмечается, что в отличие от прошедшего и будущего в настоящем времени нет противопоставления СВ и НСВ, «оно (настоящее время) безраздельно принадлежит несовершенному виду». На основании этого утверждения авторы «склеивают» значения вида и времени, утверждая, что «все значения вида, которые могут выражаться глаголами НСВ только в настоящем времени... являются значениями не вида, а видовременной формы – «наст. несов.». Они также указывают, что формы «наст. несов.» возможны только для глаголов определенного семантического класса, «так что значение вида и времени оказывается скоррелировано также и с лексическим значением» [Зализняк Анна, Шмелев 2000, с. 27]. Такое склеивание значений времени, вида и лексического значения приводит к смешению семантического и грамматического присутствия времени. Например, в книге упоминается значение времени «настоящее вневременное, или атемпоральное (иногда также называемое гномическим), выражаемое глаголами, обозначающими постоянные свойства и соотношения» [Зализняк Анна, Шмелев 2000, с. 29], например, *Овощи содержат витамины*. Но чем лексическое и видо-

вое значения глагола в этой фразе отличаются от фразы в прошедшем времени: *Во времена моего детства овощи еще содержали витамины, и дети были здоровее?*

2.8. Сфера восприятия как семантическая категория

Во многих семантических исследованиях предлагается семантическая типизация глаголов, имеющая цель описать одну из групп свойств глаголов. Например, классификация глаголов Вендлера описывает аспектуальность (см. выше раздел 2.2). Классификация, отражающая конфигурацию участников обозначаемых процессов, их количество и типы в ракурсе идеационной метафункции, представлена в круговой диаграмме типов процессов Хэллидея. Центр круга в диаграмме составляют три сектора: физический мир (DOING) – мир сознания (SENSING) – мир абстрактных отношений (BEING), а по окружности соответственно секторам располагаются семантические типы процессов, перетекающих друг в друга:

1. CREATING, CHANGING – 2. DOING (TO), ACTING – 3. BEHAVING – 4. SEEING – 5. FEELING – 6. THINKING – 7. SAYING – 8. SYMBOLIZING – 9. HAVING IDENTITY – 10. HAVING ATTRIBUTE – 11. EXISTING – 12. HAPPENING (BEING CREATED) – 1., распределенных по шести семантическим признакам: MATERIAL (12, 1, 2) – BEHAVIOURAL (3) – MENTAL (4, 5, 6) – VERBAL (7) – RELATIONAL (8, 9, 10) – EXISTENTIAL (11), см. [Halliday and Matthiessen 1999, с. 516]. Типы Хэллидея используются при построении корня структуры предложения в генерации текстов, например, конфигурация с материальным процессом имеет два актанта, с поведенческим процессом – один, с вербальным – три (говорящий, информация, адресат) и т. д.

Таким образом, каждая семантическая классификация глаголов предназначена для определённого использования, в частности, классификация Вендлера – для описания аспектологических типов, классификация Хэллидея – для построения конфигурации предиката при генерации текстов. В нашем эксперименте выявилась классификация, предназначенная для различения значений глаголов внутри одной лексемы при многозначности.

Для различения значений важна не модель обозначаемого процесса как у Вендлера, которая зачастую остаётся у разных значений той же самой, например, знач. 2 и знач. 3 глагола *удоготить* представляют моментальный процесс, и не конфигурация «глагол – актанта» как у Хэллидея, которая также может быть у двух значений одного глагола идентичной, например, *Вася угодил в яму* (знач. 2) и *Первый же снаряд угодил в конец моста* [Шолохов, «Тихий Дон»] (знач. 3).

Варианты каждого из значений, например, 2.1 и 2.3 и т. д., имеют один и тот же образ, поскольку принадлежат одному значению. Варианты могут создаваться за счёт расширения фрейма (см. ниже раздел 3.1) или изменения ракурса видения процесса, т. е. его размещения в одной из сфер отражаемой действительности, между которыми переключается внимание говорящих в ходе речевой коммуникации. Представим ракурс видения процесса как категорию «сфера восприятия».

Сфера восприятия – это особая, психолингвистическая по своей природе, семантическая категория, которая создает ракурс мысленного восприятия обозначаемой глаголом связи между участниками, согласованный со свойствами участников.

В эксперименте выделились следующие ракурсы или значения категории сферы восприятия:

- (физ.) – физические актуальные, как правило, физиологически воспринимаемые телом, в частности, органами чувств процессы, например, *бежать, сидеть, варить, гореть*, т. е. процесс, происходящий непосредственно с говорящими или в сфере их физического бытования;
- (мент.) – ментальные процессы, чувства и мысли, располагающиеся в ментальной сфере коммуникантов, например, *любить, подозревать*;
- (соц.) – социальные процессы, обозначающие комплексные фрагменты социального бытия, например, *работать, руководить*;
- (абстр.) – абстрагированная от действительного мира сфера, декларация говорящим соотношений предметов и понятий действительного мира как инертных сущностей. Эта сфера коррелирует с видовым значением НСВЗ.

Очевидно, что сфера восприятия в некоторой степени коррелирует и с традиционными понятиями конкретного, актуального и других элементов, частновидовых значений, например, «конкретно-процессное значение», «конкретно-фактическое действие», «актуально-длительное значение». Однако, поскольку частновидовые значения возникают только в тексте и создаются конкретными контекстными условиями, они не могут быть указаны в словаре и, соответственно, отразить важные для моделирования семантики глагола в интересах систем ИИ свойства глаголов в словарных описаниях.

Особенность категории «сфера восприятия» состоит в том, что она прежде всего предназначена для характеристики отдельных значений и «подзначений» слова, а не слова в целом. По признакам (физ.) vs. (соц.) разделяются варианты 2.1 и 2.2 vs. 2.3 у знач. 2 в статье МАС глагола *угодить* (см. ниже вторую часть статьи).

Там же мы увидим проявление значений сферы восприятия при моделировании значения НСВ1 у знач. 1 глагола *удовить-угождать*. Там же показана возможность образования значения НСВ2 от знач. 2.3 (соц.) при невозможности для знач. 2.1 (физ.).

В тексте так же, как и другие категории, в частности, вид, сфера восприятия может создавать неоднозначность, которая разрешается в более широком контексте дискурса. Например, какой именно вариант из «подзначений» знач. 2 глагола *удовить* употреблён в выражении «*удовил под машину*»: знач. 2.1(физ.) «при движении попал в нежелательное место» или знач. 2.3(соц.) «попал в какие-л. условия, оказался в каких-л. обстоятельствах»? Если дискурс сфокусирован на физических движениях X-а, то обозначаемое событие относится к (физ.) сфере, например, *задумался, потерял контроль над собой и удовил под машину*. Если дискурс фокусируется на соц. стороне, например, изменении социального состояния объекта в результате инцидента с машиной, то ракурс видения события относится к (соц.) сфере. Например, *удовил под машину и стал инвалидом*. Во втором случае *удовил под машину* можно заменить на окказионально синонимичное выражение – *попал в автокатастрофу и стал инвалидом*, в первом – нет, поскольку *автокатастрофа* – понятие отстранённое, социальное, непригодное для обозначения действия в ракурсе непосредственного восприятия⁶. Категория «сфера восприятия» полезна для активного словаря.

Роль сферы восприятия также выявляется при диахроническом расхождении по значению форм вида исходно одного и того же глагола, описанном в [Зализняк Анна, Шмелев 2000, с. 63–64], а именно глаголы СВ входят в группу *perfectiva tantum* в физ. сфере: *поклониться, залечь, заблудиться, положить*, а их формы НСВ – в группу *imperfectiva tantum* в других сферах восприятия: *поклоняться* (соц.), *залегать* (абстр.), *заблуждаться* (мент.), *полагать* (мент.). Сфера восприятия, исходно (физ.), изменяется в соответствии с надконтекстным значением НСВ, взаимодействующим с лексическим значением. Действительно, повторяемость (НСВ2) (*поклоняться, заблуждаться*) и абстрактное отношение (НСВ3) оказывают решающее воздействие на изменение образа процесса и невозвратный его переход в (мент.), (соц.) или (абстр.) сферы.

⁶ В отличие от слова *автокатастрофа*, слово *авария* может обозначать и физ. явление, например, *Задумался, потерял контроль над собой, попал в аварию*. Или *На дороге пробка, наверное, впереди авария*.

3. Взаимодействие значений глагола *удодить–угодать* с надконтекстными значениями НСВ

В данном разделе описываются результаты корпусного эксперимента по изучению взаимодействия лексических и видовых значений глагола. Мы рассматриваем значения из статьи глагола *удодить–угодать* в МАС (см. Приложение 1), являющегося видовой парой по морфологическому способу образования НСВ от формы СВ с помощью суффикса -а- и по семантическому критерию Маслова, поскольку высказывание в прошедшем времени СВ переводится в настоящее историческое с тем же глаголом в форме НСВ, например: *Он удодил жене подарком и реабилитировался в ее глазах* => *Он угодает жене подарком и реабилитируется в ее глазах*. В описываемом корпусном эксперименте мы «примеряем» все надконтекстные значения НСВ, выделенные в первой части исследования (раздел 2), на все значения глагола *удодить–угодать*, кроме знач. 4, по причине, указанной выше в начале раздела 2.2.

3.1. Фреймы значений глагола *удодить–угодать*

Чтобы обсуждать значения глагола, представим их в виде фреймов. Назовём участников обозначаемых процессов переменными X и Y. X обозначает участника процесса, обладающего энергией, движением. Чтобы придать толкованию МАС вид фрейма, изменим форму толкования, превратив инфинитивный оборот в полное высказывание и включив в него понятия, обозначенные переменными, например:

- знач. 1: «Удовлетворить кого-л., сделав что-л. приятное...» => «X удовлетворяет Y-а, тем, что X делает Y-у что-нибудь приятное...»;
 знач. 3.2 «Точно поразить, ударить и т. п. (о пуле, снаряде и т. д.)»
 => «X (снаряд) точно поражает, ударяет Y-а» – пуля поразила цель.

Далее во фреймах необходимо указать обозначаемые процессы и аспектологическую модель. Следуя методу ДК для обозначения участников, мы используем максимально абстрактные понятия.

Фрейм знач. 1. В знач. 1 глагол обозначает бинарный процесс, развертывающийся одновременно в двух сферах: в мент. сфере Y-а и в соц. сфере. В мент. сфере Y-а обозначается процесс, который можно описать так: «Y удовлетворяется в результате деятельности X-а», т.е. возникает, усиливается и достигает предела чувство удовлетворения Y-а в связи с услугами X-а. Одновременно в соц. сфере: «X оказывает услуги Y-у, направленные на его (Y) удовлет-

ворение». Внутренний предел обозначаемого бинарного процесса в знач. 1 наступает в мент. сфере Y-а, когда можно констатировать, что Y удовлетворен. Таким образом, знач. 1 относится к семантическому типу социально-ментальных процессов (соц.-мент.) и имеет полную аспектологическую модель, т.е. включающую две фазы: «течение процесса» и «предел».

Фрейм знач. 2 и знач. 3. Процесс протекает в одной сфере – физ. для знач. 2.1 и 2.2 и знач. 3.1 и 3.2, и соц. для знач. 2.3. Во фрейме знач. 2 и знач. 3 так же, как и в знач. 1, имеется два участника: X – участник, обладающий энергией движения или самопроявления в пространстве или в социальной сфере (назовем его «энергетическая сущность»), и Y – пассивный участник, который разнообразно воплощается в речи как: физический пространственный объект (например, *яма*), информационный объект (например, *список*), организация (например, *угодить в тюрьму, в солдаты*) и др. Действие или событие сводится к «попаданию» X-а в Y, т.е. фрейм для знач. 2 и 3 можно описать так: X попадает в Y в результате того, что он обладает энергией, подвижен, действует в соответствующей сфере. При этом собственно факт попадания X-а в Y происходит по воле случая, часто внезапно и вопреки устремлениям самого X-а, не контролируется X-ом⁷. Глагол в знач. 2 и 3 принадлежит к типу моментальных, т. е. его аспектологическая модель включает фазу «предел» и не включает фазу «течение процесса». Этот факт отражает исключительно свойства единиц ЕЯ, а не свойства процесса в действительности. Так, в знач. 3 мы можем наблюдать физическую фазу плавного движения, например, *бросить камень* и следить глазами за тем, как *он* летит и куда упадет, или наблюдать полёт выпущенной из лука стрелы в замедленной съёмке при трансляции соревнований по стрельбе из лука. Но при этом психолингвистической фазы «течение процесса» у знач. 3.2 нет.

Найденный выше фрейм для знач. 2 и 3 расширяется дополнительным участником Z в знач.2.2: «|| *чем во что*: (X) Удариться чем-л. (Z) обо что-л. (Y)», которое мы рассматриваем как расширенный вариант знач. 2.1, и в знач. 3.1: «(Z) Попасть в кого-, во что-л. (Y) при стрельбе, броске, ударе (снарядом X)», которое мы рассматриваем как расширенный вариант знач. 3.2. Оба расширен-

⁷ Ближайший контекстный синоним глагола *угодить* в знач. 2 и знач. 3 – глагол *попасть* обозначает как контролируемое, так и не контролируемое действие, например, *попасть ногой в яму* – неконтролируемый процесс, *попасть ногой в тапочку* – контролируемый. Контексты в НКРЯ «попасть + <чем> + в» обозначают контролируемые и неконтролируемые действия примерно 50 на 50. Все контексты с глаголом *угодить* в физ. сфере обозначают неконтролируемые события.

ных варианта относятся к физ. сфере. В знач. 2.2 *Z* – это условная <часть *X*-а>, например, *рука*, *голова*, *трость* и т.п.; в знач. 3.1 *Z* – это условный <стрелок>. В обоих случаях дополнительный участник *Z* прочно связан с *X*-ом, который фактически и «наводит» его, являясь обладателем *Z*-а в знач. 2.2 и «автором» пуска *X*-а в знач. 3.1. Тем самым, приведённый выше исходный фрейм для знач. 2 и 3 дополняется третьим, «наведённым» *X*-ом, участником *Z*, который является непосредственной причиной события, происходящего с сущностями *X* и *Y*. Заметим, что в знач. 3.1 *X* – это <снаряд>, а не <стрелок>, несмотря на то, что снаряд отсутствует в формулировке толкования (см. выше), а *Z* – только дополненный участник, хотя и является в толковании опущенным синтаксическим подлежащим. Соответственно, толкование с расширенным фреймом знач. 3.1: «*Z* попадает *X*-ом в *Y*», приведенное в статье МАС первым, семантически производно от толкования знач. 3.2: «Точно поразить, ударить и т. п. (о пуле, снаряде и т. д.)» и должно следовать за ним. Такой порядок по важности толкований (знач. 3.2, потом знач. 3.1) подтверждается также тем, что толкование знач. 3.2 иллюстрировано в словаре примерами из текстов, т. е. оно легко находится в текстах, а знач. 3.1 снабжено только авторской иллюстрацией «*Угодить камнем в стекло*». Интересно также, что в текстовых примерах <стрелок> часто синтаксически не связан с действующим, обозначенным глаголом *угодить*, например, *Дантес выстрелил первым, и пуля угодила поэту в живот*. [10 февраля // РИА Новости, 2008.02.10]. Однако тот факт, что производное знач. 3.1 указывается в словарной статье раньше исходного знач. 3.2, оправдывается тем, что именно расширенный фрейм определяет образ обозначаемого процесса как попадание в *Y* не чего-л., а именно снаряда, кем-то запущенного.

Расширенные значения 2.2 и 3.1 мы далее не рассматриваем⁸.

В заключение этого подраздела заметим, что надконтекстное видовое значение НСВЗ связано с энергетическими свойствами участника(ов). В диахронии или окказионально в современном состоянии ЕЯ замена «энергетического», т. е. вовлечённого, действующего участника, инертным определяет переход обозначаемого процесса в тип «абстрактное отношение». Наоборот, приобретение инертным участником энергии, обуславливающей проявление им

⁸ Возможно, что явление «расширения исходного фрейма» участником *Z*, производным от *X*, родственно или тождественно явлению «расщепление», изученному А.Е. Кибриком и его учениками. Рассмотрение обоих выходит за рамки данного исследования. В нашем случае важно только то, что расширенные и не расширенные фреймы имеют один и тот же инвариант, включающий две сущности, ассоциированные с *X* и *Y*.

активности и изменчивости в обозначаемом процессе, определяет переход обозначаемого процесса из типа «абстрактное отношение» в тип «действие» или «состояние».

3.2. Наложение надконтекстных значений НСВ на значения глагола *угодить*

Суть наложения видовых значений в эксперименте состоит в следующем. В МАС значения глагола *угодить–угождать* описаны для формы СВ, поэтому надконтекстное видовое значение СВ1 уже заключено в них. При наложении на толкования надконтекстных видовых значений НСВ значение СВ1 вытесняется одним из значений НСВ, а именно значением НСВ1, НСВ2 или НСВ3. При этом надконтекстное значение НСВ взаимодействует с лексическим значением, обогащая или сужая его.

3.2.1. Знач. 1 \wedge НСВ1

При наложении значения НСВ1 на знач. 1 глагола *угодить* оно не может быть соотнесено с фазой «течение процесса» одновременно в двух параллельных процессах, протекающих в сферах соц. и мент., поэтому выделяется один из них: или процесс, развертывающийся в ментальной сфере Y, или процесс в социальной сфере. Выделение процесса в мент. сфере Y-а:

НСВ1 + знач. 1 (соц.-мент.) => «Y удовлетворяется»
в мент. сфере Y-а

(5) *Собака, понимая, что она **угождает**, старалась и того пуще.* [В. Распутин. Прощание с Матёрой (1976)].

(6) *Начиная понимать, что **угождает** он уже по-новому, получив и какую-то над этими людьми воздушную власть, Белов молчком посмеялся над детской своей картинкой со зверями, оглядев ее сверху до низу, будто голую.* [О. Павлов. Степная книга (1990-1998)].

Заметим, что в примерах (5) и (6) придаточное предложение, содержащее форму НСВ *угождает*, вводится глаголом *понимать*, способным выразить восприятие процесса, протекающего в ментальной сфере другого существа. X осознает изменение ментального состояния Y, а именно то, что его, X-а, деятельность изменяет ментальное состояние Y-а в сторону усиления чувства удовлетворения.

С другой стороны, значение НСВ1 может выделять процесс, происходящий в социальной сфере – деятельность X-а:

НСВ1 + знач. 1 (соц.-мент) => «X оказывает услуги Y-у»
в соц. сфере

(7) *Нет чтобы **угождать** старухе – попроворнее местн, пораньше вставать...* [М. Дяченко, С. Дяченко. Магам можно все (2001)].

(8) *Теперь он отлынивал от косьбы и все ходил у самолетов, заговаривал с механиками, **угождал** им подсобной работой.* [А. Иличевский. Матисс // «Новый Мир», 2007].

Выделение процесса в социальной сфере поддерживается в предложении объяснением оказываемых услуг, подчеркнутых в приведенных примерах (7) и (8). В (8) нет повторяемости события – действия угождающего не являются событиями, так как не содержат предела: *угождал – старался удовлетворить*, но неизвестно, *удовлетворил* ли. Таким образом, значение НСВ1 расслаивает процессную часть исходного знач. 1 глагола СВ, выделяя процесс, развертывающийся либо в соц., либо в мент. сферах восприятия до наступления внутреннего предела в ментальной сфере Y.

3.2.2. Знач. 1 и НСВ3

Абстрактное отношение представляет собой связь двух инертных по отношению к обозначаемому «процессу» (соотношению) сущностей по некоторому параметру. При сохранении свойств X-а как одушевленного исполнителя процесса в соц. сфере, и Y – носителя мент. сферы, в которой наступает предел (удовлетворение), абстрактное отношение невозможно, поскольку оба участника вовлечены в процесс. Однако окказионально синтактико-семантическая конфигурация с *угождать* и инертными участниками в современном РЯ возникает. Такой контекст нашёлся в НКРЯ – пример (9), в котором контекстными синонимами *угождать* являются глаголы абстрактного отношения *соответствовать, отвечать, удовлетворять*:

(9) *К сожалению, политики (X) выхватывают только ту цифирь, которая X **угождает** их (Y=X) сиюминутным планам Y'.* [коллективный. Иранская ядерная программа (2010-2011)].

Его авторы (в качестве автора текста указано «коллективный») заботились не об изяществе выражения, а только о том, чтобы обозначить нужное содержание. В (9) глагол *угождать* синтаксически связывает две неодушевленные инертные сущности X' (*цифирь*) и Y' (*планы*), устанавливая между ними абстрактное отношение соответствия по параметрам, определенным целями политиков Y, содержащимися в Y'. Но политики Y оказываются на деле *полити-*

ками X, *выхватывающими цифирь X'*, приравненными к ним притяжательным местоимением *их*.

Причина употребления более сложного по семантической структуре глагола *угождать* вместо более простых *соответствовать*, *отвечать*, *удовлетворять* состоит в том, что он позволяет создать завуалированную ссылку на заинтересованных одушевленных участников, которые являются истинными скрытыми участниками процесса *угождать*. Тем самым в тексте содержится намек на нечестную игру политиков, которые занимаются подтасовкой показателей. Предложение (9) может быть перефразировано таким образом, что истинные участники процесса *угождать* станут явными:

(10) *К сожалению, политики (X) угождают самим себе (Y=X), тем что выхватывают только ту цифирь, которая X' соответствует / отвечает / удовлетворяет их (Y=X) сиюминутным планам Y.*

В примере (9) в косвенном синтаксическом контексте глагола присутствуют X – исполнитель и Y – носитель составляющих семантику глагола *угождать* процессов, соц. и мент., соединенные с глаголом *угождать* в примере (10), а окказиональные инертные его актаны *цифирь* и *планы* соединены в примере (10) контекстными синонимами глагола *угождать* из (9): *соответствует / отвечает / удовлетворяет*.

Употребление НСВЗ с глаголом *угождать* без контекстной поддержки в виде присутствия одушевленных носителей обоих, и соц., и мент. процесса, в современном РЯ невозможно, например, **Эти значения угождают нашим ожиданиям*. В этом предложении есть носитель мент. процесса (*нашим ожиданиям*, т. е. *нам*), но нет исполнителя соц. процесса, создающего нужный параметр *этих значений*. **Мы выбираем значения, которые угождают указанным в справочнике* – также невозможно, поскольку, хотя есть соц. процесс и его носитель (*выбираем мы*), но нет носителя мент. процесса удовлетворения – у *справочника* нет ожиданий. Видового значения НСВЗ у знач. 1 глагола *угодить–угождать* в современном РЯ нет, в (9) оно лишь единично окказионально возникает на основе знач. 1 в особом грамматическом контексте, обеспечивающем ассоциацию процесса с его одушевленными носителями.

3.2.3. Знач. 1 \wedge НСВ2

Пример (11) демонстрирует возможность слияния видового надконтекстного значения НСВ2 со знач. 1, а именно с обозначением серийного повторения события, обозначаемого глаголом *угодить*, выраженного формой НСВ *угождать* в знач. 1.

(11) – *Всегда всем угождала, а тут не угодила, сами схватились мыть.*
[В. Панова. Кружилиха (1947)].

Каждое событие *угодить* в этой серии содержит завершённую фазу «предел» в мент. составляющей процесса.

3.2.4. (Знач. 2 или знач. 3) \wedge НСВ2

Знач. 2 и знач. 3 глагола *угодить* представляют моментальное событие, сливающееся с наступлением внутреннего предела, поэтому для них возможно только одно надконтекстное значение НСВ – НСВ2. Приводимые ниже примеры свидетельствуют о том, что ситуации, обозначаемые глаголом *угодить* в знач. 2 и в знач. 3, могут повторяться в действительности, образуя серию однотипных событий, и, таким образом, глагол НСВ *угождать* может иметь не только знач. 1, но и знач. 2 и знач. 3. Но варианты значений знач. 2 и знач. 3 ведут себя по отношению к НСВ2 по-разному.

3.2.4.1. Знач. 2.3 \wedge НСВ2

Разг. || 2.3. (соц.) X попадает в какие-л. условия, оказывается в каких-л. обстоятельствах Y. Пример (4) на с. 120 показывает, что НСВ2 взаимодействует со знач. 2.3. (соц.). Социальные события часто связаны со свойствами X, с его постоянными занятиями, поэтому, хотя и происходят внезапно и неожиданно, в определённых контекстах могут серийно повторяться. Так, в приведённом примере периодическое попадание боссов в тюрьму связано с их постоянной криминальной деятельностью.

3.2.4.2. Знач. 2.1 (и его расширение знач. 2.2) \wedge НСВ2

Для вариантов знач. 2 физ. сферы, знач. 2.1 и знач. 2.2 серийность ситуаций, которая могла бы быть обозначена формой НСВ, неестественна, поскольку противоречит внезапности и непредсказуемости события, не связанного со свойствами X-а. В НКРЯ примера со знач. 2.1 или 2.2 в форме НСВ ожидаемо не нашлось⁹.

⁹ Отвечая на замечание Л.Л. Фёдоровой, предложившей такой пример: *Каждый раз, перебегая улицу, Хугождал в одну и ту же лужу, незаметную с перекрестка*, могу сказать, что явная повторяемость «неожиданных» событий свидетельствует о наличии социальной причины, вызывающей эту серию, т. е. ущербности то ли X-а, то ли *работы коммунальщиков*. Обусловленность событий переводит эти вроде бы физические события в соц. сферу. Реальных подобных примеров в НКРЯ не встретилось.

3.2.5. Знач. 3 \wedge НСВ2

«Разг. (3.1) Попасть в кого-, во что-л. при стрельбе, броске, ударе. *Угодить камнем в стекло.* || (3.2) Точно поразить, ударить и т. п. (о пуле, снаряде и т. д.). *Первый же снаряд угодил в конец моста* [Шолохов, «Тихий Дон»]. Оба значения относятся к физической сфере. Знач. 3.2, так же как и знач. 2.1, обозначает случайный результат физического действия, но в отличие от него само действие, вызывающее событие *угодить* в знач. 3 (выстрел, бросок), не неожиданно, а совершается <стрелком> целенаправленно и осознанно, и результат, хотя и не предсказуем, но определен: снаряд либо попадает (*угождает*) в намеченную или предполагаемую цель, либо не попадает, т.е. попадает в другое место, куда <стрелку> не нужно. В ситуации стрельбы серийность как попаданий, так и промахов противоречит случайности результата, так как представляет уже не случайные промахи или попадания, а закономерные результаты плохого или хорошего стрелка. Примеров в форме НСВ со стрельбой в НКРЯ ожидаемо не нашлось.

Но для знач. 3, относящегося не к стрельбе, а к броску, резкому движению, в НКРЯ нашлся пример, в котором в фокус выделено само действие, серийное по своей природе:

(12) *Прежде чем шагнуть он долго прицеливался, вытягивал шею, разглядывал, потом делал широкий шаг с припрыжкой, удачный, как ему казалось, но, тем не менее, каждый раз **угождал** в жидкое месиво* [Ф.Д. Крюков. Мечты // «Русское богатство», 1908].

В примере (12) обозначена ситуация «шагания», относящаяся в данном контексте к знач. 3, поскольку «шагание» представлено как целенаправленное действие – контролируемый «бросок» ноги (X), включающий и фазу прицеливания. Шагание по своей природе является серийным действием, поэтому естественным образом создает ситуацию кратного *угождать*, т. е. знач. 3.1 \wedge НСВ2.

4. Заключение

В результате проведённого локального корпусного эксперимента по включению видовых значений в словарную статью глагола *угодить*–*угождать* в русле исследования многозначности глагола получены следующие результаты.

1. На основе книги [Зализняк Анна, Шмелев 2000] для проведения эксперимента выделено и описано четыре грамматических значения лексико-грамматической категории вида РЯ: СВ1, НСВ1, НСВ2 и НСВ3, предназначенных для использования в толкова-

ниях статей МАС. Сформулирована гипотеза о двухэшелонном строении семантики русского вида: значения первого эшелона – грамматические (надконтекстные) значения указываются у слов – носителей лексико-грамматической категории вида, т. е. глаголов, в словаре; значения второго эшелона – хорошо изученные частно-видовые значения – образуются в контексте. Показано, что надконтекстные значения вида чётко противопоставлены между собой в грамматической системе РЯ. Именно гипотеза эшелонирования значений вида позволила выделить необходимую для эксперимента четвёрку значений, причём СВ1 и НСВ2 взяты практически готовыми с их определениями из книги [Зализняк Анна, Шмелев 2000], на что указывается в тексте статьи.

2. Показано, что надконтекстные видовые значения отделяются от лексических значений глагола и взаимодействуют с ними.

3. Показано, что в словаре для форм НСВ глаголов – видовых пар, как и указывалось в [Зализняк Анна, Шмелев 2000], должно описываться два видовых значения. Но в отличие от цитируемой книги, в которой предполагается, что второе значение НСВ у глагола есть всегда («простой заместитель глагола СВ: его тень, двойник, воспроизводящий все его свойства» – значение глагола НСВ в специальных режимах речи, т. е. СВ1), в нашей формулировке во втором значении НСВ представлено видовое значение НСВ2, которое пересекается со всеми лексическими значениями глагола, в том числе с несочетающимися с видовым значением НСВ1. При этом может возникать конфликт между элементом потенциальной повторяемости видового значения НСВ2 и семантическими свойствами лексического значения.

4. Для описания глагольной многозначности введена новая психолингвистическая категория: «сфера восприятия», которая имеет четыре значения: «физ.», «мент.», «соц.» и «абстр.». С помощью этих значений показано, что:

А) глагол *угодить–угождать* в первом значении (знач. 1) является бипроцессным, т. е. моделируется в виде двух параллельно протекающих процессов в двух сферах восприятия (соц.-мент.), что выявляется при взаимодействии лексического значения этого глагола с надконтекстным значением НСВ1;

Б) отнесение вариантов знач. 2 к разным сферам, а именно: знач. 2.1-2.2. к физ. сфере, а знач. 2.3. к соц. сфере, коррелирует с совместимостью со значением НСВ2.

5. Уточнённая на основе проведённого исследования статья глагола *угодить–угождать*, включающая три значения: знач. 1, 2 и 3 (знач. 4 не рассматривалось в данной статье), приводится в Приложении 2. В ней представлен возможный способ описания видовых значений в словаре.

Исследование и его апробирование должно быть продолжено в направлении расширения количества и разнообразия рассматриваемых многозначных глаголов и формирования полноценной концепции эшелонирования значений лексико-грамматической категории вида в сопоставлении её с существующими концепциями семантики вида. Эксперимент по внесению видовых значений в толкования глаголов в МАС продолжается в настоящее время в рамках проекта РФФИ № 17-04-00594.

Благодарности

Автор благодарит коллег, прочитавших работу в рукописи: И.М. Кобозеву, О.А. Гулыгу, Л.Л. Фёдорову и Е.В. Урысон за замечания и советы по тексту статьи, А.А. Зализняк за проявленный интерес к содержанию статьи и А.А. Кибрика за положительную оценку, а также С.А. Крылова и В.М. Алпатова за рекомендацию статьи к публикации. Отдельная благодарность анонимному рецензенту и редакции журнала МЛЖ за чуткое отношение, а также за ценные критические замечания, учёт которых способствовал прояснению статуса и методических оснований исследования и оформлению статьи.

Acknowledgements

The author thanks colleagues who read the paper in the manuscript: I.M. Kobozeva, O.A. Gulyga, L.L. Fedorova and E.V. Uryson for comments and advice on the text of the article, Anna A. Zaliznyak for her interest in the article, A.A. Kibrik for a positive assessment, S.A. Krylov and V.M. Alpatov for recommending the article for publication. Special thanks to the anonymous reviewer and the editorial board of the journal for their sensitive attitude, as well as for valuable critical comments that were taken into account and contributed to clarifying the status and methodological basis of the study and improving the design of the article.

Работа выполнена при частичной поддержке РФФИ: проект № 17-04-00594-ОГН «Автоматический словарь РУСЛАН: обновленная концепция, новая лексика».

The work was partially supported by RFBR: project No. 17-04-00594: «RUSLAN, the semantic dictionary for Russian language processing: modernization and expansion».

Литература

- Гловинская 1982 – Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Зализняк Анна, Шмелев 2000 – Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000.

- Кошелев 2016 – *Кошелев А.Д.* О структурном и генетическом сходстве лексических и грамматических значений (когнитивный анализ глагольной переходности и залога) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2016. Т. 75. № 3. С. 19–39.
- Соколова 2015 – *Соколова Е.Г.* Метод дискурсивных контекстов на фоне других методов описания семантики глагола (глаголы *угодить, заключить, засунуть*) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2015. № 5. С. 155–169.
- Halliday, Matthiessen 1999 – *Halliday M.A.K. and Matthiessen Ch. M.I.M.* Construing experience through meaning: A language-based approach to cognition. London: Cassel (Open linguistics series, ed. by R. Fawcett) [Электронный ресурс]. URL: <https://arkitekturadellenguaje.files.wordpress.com/2012/11/construing-experience-through-meaning.pdf> (дата обращения 19 нояб. 2019).

References

- Glovinskaya, M.Ya. (1982), *Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavlenii russkogo glagola* [Semantic types of aspectual oppositions of the Russian verb], Moscow, Russia.
- Halliday, M.A.K. and Matthiessen, Ch. M.I.M. (1999), *Construing experience through meaning: A language-based approach to cognition* (Open linguistics series, ed. by R. Fawcett), Cassel, London, available at: <https://arkitekturadellenguaje.files.wordpress.com/2012/11/construing-experience-through-meaning.pdf> (Accessed 19 November 2019).
- Koshelev, A.D. (2016), “O strukturnom i geneticheskom skhodstve leksicheskikh i grammaticheskikh znachenii (kognitivnyi analiz glagol'noi perekhodnosti i zaloga)” [Structural and genetic similarities of lexical and grammatical meanings (cognitive analysis of the verbal transitivity and voice)] *Izvestiya RAN, Seriya kul'tury i yazyka*, volume 75, no. 3, pp. 19-39.
- Sokolova, E.G. (2015), “Metod diskursivnykh kontekstov na fone drugikh metodov opisaniya semantiki glagola (glagoly *ugodit', zaklyuchit', zasunut'*)” [Method of discourse contexts on the background of other methods of describing the semantics of the verb (the verbs to please, to conclude, to shove)], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, no. 5, pp. 155-169.
- Zaliznyak, Anna A. and Shmelev, A.D. (2000), *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to Russian Aspectology], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена Г. Соколова, кандидат филологических наук, Москва, Россия; minegot@rambler.ru

Information about the author

Elena G. Sokolova, Cand. of Sci. (Philology), Moscow, Russia; minegot@rambler.ru

Приложение 1

Словарная статья глагола *угодить*–*угождать* (МАС)

Для удобства обсуждения в толкованиях мы пометили цифрами варианты значений знач. 2 и 3. Таким образом, речь в работе может идти как о знач. 2 или знач. 3 в целом, так и о вариантах – знач. 2.1, знач. 2.2. и знач. 2.3, а также знач. 3.1 и знач. 3.2. У знач. 1 и знач. 4 вариантов нет.

УГОДИТЬ, угожу́, угоди́шь; сов.

1. (несов. угождать) кому и на кого. Удовлестворить кого-л., сделав что-л. приятное, нужное, желаемое. *Всеми силами старался Прошка чем-нибудь угождать Шутикову: то предложит ему постирать белье, то – починить его гардероб.* Станюкович, «Человек за бортом!» (1887). *Угодить на придиру взводного было невозможно.* Седых, «Даурия» (1948).
2. Разг. (2.1) При движении, падении попасть куда-л., очутиться где-л. (обычно в неожиданном или нежелательном, опасном месте). *Темь страшная, ходы незнакомые, ощутью идти, чего доброго – в лок угодишь.* Мельников-Печерский, «На горах». ...|| (2.2) чем во что. Удариться чем-л. обо что-л. *Я угодил головой в стекло и вышиб его.* М. Горький, «В людях». || (2.3) Попасть в какие-л. условия, оказаться в каких-л. обстоятельствах. – *Уже под суд попал!* – --- *Угодил на скамью подсудимых.* Чехов, «Именины».
3. Разг. (3.1) Попасть в кого-, во что-л. при стрельбе, броске, ударе. *Угодить камнем в стекло.* || (3.2) Точно поразить, ударить и т. п. (о пуле, снаряде и т. д.). *Первый же снаряд угодил в конец моста.* Шолохов, «Тихий Дон». *Ружье было заряжено дробью, и одна шальная дробинка угодила мужику прямо в глаз.* Рыленков, «Сказка моего детства». [Ольха] обрушилась в реку. --- *И так ловко рассчитали бобры, что ольха самой серединой ствола угодила медведю в спину.* Паустовский, «Дремучий медведь».
4. Прост. Прийти, приехать куда-л. вовремя, в нужный момент. *Он собрался --- переночевать или в поле, или у знакомого мужика, коли угодит до ночи до села.* Боборыкин, «Ранние выводы» (1876). – *К нам на праздник не угодите ли? Милости просим.* Златовратский, «Устои» (1884).

УГОЖДАТЬ, -аю, -аешь. Несов. к угодить (в 1 знач.).

Приложение 2

Дополненная и уточнённая по результатам проведённого исследования словарная статья глагола *угодить–угождать* с указанием значений несовершенного вида, представленная без знач. 4.

В исходную статью МАС, см. Приложение 1, внесены следующие изменения: вставлены значения категории «сфера восприятия», например, 1. (соц.-мент.); значения 3.1 и 3.2 поменялись местами в связи с аргументами, приведёнными в р. 3.1; вставлены указания о совместимости значений глагола с надконтекстными видовыми значениями НСВ, проиллюстрированные примерами.

УГОДИТЬ, угожу́, угоди́шь; *сов.*

1. (соц.-мент.) *кому и на кого*. Удовлетворить кого-л., сделав что-л. приятное, нужное, желаемое. *Всеми силами старался Прошка чем-нибудь угодить Шутикову: то предложит ему постирать белье, то – починить его гардероб*. Станюкович, «Человек за бортом!» (1887). *Угодить на придиру взводного было невозможно*. Седых, «Даурия» (1948).
2. Разг. (2.1.(физ.)) При движении, падении попасть куда-л., очутиться где-л. (обычно в неожиданном или нежелательном, опасном месте). *Темь страшная, ходы незнакомые, ощупью идти, чего доброго – в люк угодишь*. Мельников-Печерский, «На горах». ...|| (2.2(физ.)) *чем во что*. Удариться чем-л. обо что-л. *Я угодил головой в стекло и вышиб его*. М. Горький, «В людях». || (2.3.(соц.)) Попасть в какие-л. условия, оказаться в каких-л. обстоятельствах. – *Уже под суд попал! – --- Угодил на скамью подсудимых*. Чехов, «Именины».
3. Разг. (3.2.(физ.)) Точно поразить, ударить и т. п. (о пуле, снаряде и т. д.). *Первый же снаряд угодил в конец моста*. Шолохов, «Тихий Дон». *Ружье было заряжено дробью, и одна шальная дробишка угодила мужику прямо в глаз*. Рыленков, «Сказка моего детства». [*Ольха*] *обрушилась в реку*. --- *И так ловко рассчитали бобры, что ольха самой серединой ствола угодила медведю в спину*. Паустовский, «Дремучий медведь». || (3.1.(физ.)) Попасть в кого-, во что-л. при стрельбе, броске, ударе. *Угодить камнем в стекло*.
4. (не рассматривается).

УГОЖДАТЬ, -аю, -аешь. Несов. к угодить:

НСВ1: в знач. 1 (мент.). *Собака, понимая, что она угождает, старалась и того пуще.* [В. Распутин. Прощание с Матёрой (1976)].

в знач. 1 (соц.). *«Нет чтобы угождать старухе – попроворнее мести, пораньше вставать...»* [М. Дяченко, С. Дяченко. Магам можно все (2001)].

НСВ2: в знач. 1 «– Всегда всем угождала, а тут не угодила, сами схватились мыть». [В. Панова. Кружилиха (1947)];

в знач. 2.3. *«В аморальном обществе мафия продолжает процветать даже тогда, когда ее боссы угождают за решетку».* [М. Дыховичная. Похищение людей – новый бизнес мафии // «Человек и закон», 1977)];

в знач. 3.1. (единичный пример!) *Прежде чем шагнуть он долго прицеливался, вытягивал шею, разглядывал, потом делал широкий шаг с припрыжкой, удачный, как ему казалось, но, тем не менее, каждый раз угождал в жидкое месиво* [Ф.Д. Крюков. Мечты // «Русское богатство», 1908].

Комментарий: несмотря на отсутствие у данного глагола видового значения НСВ3 контекст позволяет иногда окказионально воспроизвести синтактико-семантическую конфигурацию НСВ3 на базе знач. 1: *К сожалению, политики выхватывают только ту цифирь, которая угождает (соответствует / удовлетворяет / отвечает) их сиюминутным планам.* [коллективный. Иранская ядерная программа (2010–2011)].

In memoriam

УДК 929:81

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-7-140-153

Елена Викторовна Падучева
(26.09.1935 – 16.07.2019)

Раиса И. Розина

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, rrozina@yandex.ru*

Аннотация. В первой части статьи рассматриваются ключевые моменты биографии Е.В. Падучевой, сыгравшие важную роль в складывании ее личности и судьбы: драматическая история двух предшествующих поколений ее семьи, встреча Е.В. Падучевой с А.А. Зализняком, ее учеба в Московском университете и сложности, возникшие при распределении на работу после окончания. Во второй части статьи обобщается научное наследие Е.В. Падучевой, в котором прослеживаются такие области ее интересов, как семантика синтаксиса, время и вид русского глагола, динамическая семантика, теория референции, эгоцентрические единицы языка и нарратология. Обращается внимание на то, что именно нового внесли работы Е.В. Падучевой в каждой области. Особое внимание уделяется работе Е.В. Падучевой и возглавляемого ею коллектива по созданию системы «Лексикограф».

Ключевые слова: Е.В. Падучева, А.А. Зализняк, семантика синтаксиса, семантическая деривация, глагол, вид, время, динамическая семантика, референция, эгоцентрические единицы языка, эгоцентрики, нарратология

Для цитирования: Розина Р.И. Елена Викторовна Падучева (26.09.1935 – 16.07.2019) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 7. С. 140–153. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-7-140-153

Elena Viktorovna Paducheva
(26.09.1935 – 16.07.2019)

Raisa I. Rozina

*V.V. Vinogradov Institute of Russian Language
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, rarozina@yandex.ru*

Abstract. The first part of the article addresses the key moments in Elena Paducheva's biography that shaped her personality and fate: the dramatic lifestyles of her parents and grandparents, her acquaintance with Andrey Zalizniak, being a student of Moscow University, and obstacles at the start of her work after graduation. The second part of the article is devoted to Paducheva's contribution to linguistics, in particular semantics of syntax, aspect and tense of the Russian verb, dynamic semantics, theory of reference, egocentric units of language and narratology. The novelty of her research is emphasized. The work of Paducheva and a group of colleagues she supervised for not less than thirty years in the project "Lexicograph" is given a detailed description.

Keywords: Elena.V. Paducheva, Andrey A. Zalizniak, semantics of syntax, verb, aspect, tense, dynamic semantics, semantic derivation, reference, egocentric units of language, egocentrics, narratology

For citation: Rozina R.I. (2019), "Elena Viktorovna Paducheva (26.09.1935 – 16.07.2019)", *RSUH/ RGGU Bulletin. "Literary Criticism. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 7, pp. 140-153, DOI: 10.28995/2686-7249-2019-7-140-153

Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе...
Булат Окуджава

Первые десятилетия XXI века стали временем утрат для отечественной лингвистики – один за другим уходили лингвисты старшего поколения, за каждым из которых стояло научное направление: Михаил Викторович Панов (1920–2001), Владимир Григорьевич Гак (1924–2004), Сергей Анатольевич Старостин (1953–2005), Михаил Леонович Гаспаров (1935–2005), Наталья Юльевна Шведова (1916–2009), Елена Андреевна Земская (1926–2012), Александр Евгеньевич Кибрик (1939–2012), Сандро Васильевич Кодзасов (1938–2014), Татьяна Михайловна Николаева (1933–2015), Вячеслав Всеволодович Иванов (1929–2017), Андрей Анатольевич Зализняк (1935–2017), Нина Давидовна Арутюнова (1923–2018).

16 июля 2019 года умерла Елена Викторовна Падучева.

Для того чтобы понять, в каких «судьбы сплетеньях» складывалась личность Елены Викторовны, нужно начать рассказ о ее жизни даже не с рассказа о её родителях, а с того, кем были ее бабушки и дедушки. Дед Елены Викторовны со стороны матери, Леонид Федорович Падучев, был царским полковником, но после революции перешел на сторону советской власти. Его жена, Мария Федоровна, до союза с ним (они никогда не венчались) была женой священника. Один за другим оба умерли от сыпного тифа в 1919 г., и их одиннадцатилетняя дочь Шура осталась круглой сиротой. Вырастили ее соседи, Эмиль Карлович Нордштрем и Татьяна Григорьевна Нордштрем-Рашковская. Эта семья – приемные родители Шуры – Эмиль Карлович и Татьяна Григорьевна, их дети и внуки – стала для Александры Леонидовны Падучевой, а затем и для Елены Викторовны родной. Последние девять лет своей жизни Александра Леонидовна прожила в ней.

Дед и бабушка Елены Викторовны со стороны отца, Евгений Евтихиевич Лунёв и Елена Львовна Миттельштейн, познакомились и поженились в ссылке в Вологодской губернии, куда были отправлены за участие в революционной деятельности. Там в 1909 г. у них родился сын Виктор.

Игра судьбы привела Виктора Евгеньевича Лунёва в Москву, в ту же школу, в которой классом старше училась Александра Леонидовна Падучева. Их знакомство привело к тому, что сразу после окончания школы, в 1926 г., они поженились. Оба учились: Виктор

сначала в Институте народного хозяйства им. Плеханова, а с третьего курса в МВТУ; он стал инженером-металлургом. Александра поступила на биофак МГУ и стала, как впоследствии, посвящая ее памяти свою книгу, написала Е.В. Падучева, «страстным ученым-естествоиспытателем» [Падучева 2013]. В 1935 г. них родилась дочь Елена.

Судьба трепала Виктора Лунёва нещадно. В молодости он увлекался идеями троцкизма, и впервые ему припомнили этот грех в 1927 г., когда его исключили из комсомола¹. Впоследствии его восстановили и даже дали рекомендацию в ВКП(б), но в 1935 г. ему снова пришлось заверять партактив Карташского медеплавильного завода, на котором он работал, что с троцкизмом покончено. Тем не менее в 1936 г. он был арестован по обвинению в связях с троцкистами, осужден на десять лет и отправлен по этапу в Норильлаг – металлургический комбинат НКВД в Норильске, где работал диспетчером. Солагерник Виктора Лунёва Сергей Снегов вспоминал о нем, как о ярком обаятельном человеке. У Виктора был хороший голос, и он знал массу романсов [Снегов 1991]: не от него ли унаследовала свой голос и исполнительские данные Елена Викторовна? В лагере Виктор Лунёв написал для дочки книгу в стихах, а его знакомый художник-лагерник ее проиллюстрировал (впоследствии, вместе с письмами других отцов-зэков детям, она была издана Мемориалом)². В 1942 г. обвинение в троцкизме было с Виктора Евгеньевича снято, и он стал работать как вольнонаемный, но в 1950-м его снова обвинили в троцкизме, и он опять был осужден на десять лет исправительно-трудовых лагерей. Он был освобожден только через год после смерти Сталина, в 1954 г., а реабилитирован – через год после XX съезда, в 1957-м. А в 1964 г. он умер.

Елена Викторовна Падучева испытала все тяготы, выпавшие на долю ее поколения. Арест отца, война и голодная жизнь с матерью

¹ Воспоминания о Гулаге [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?i=1908&t=author> (дата обращения 20.08.2019)

² Книжка заканчивалась такими строчками:

Ну, пока.
Поставим точку.
Жду письма.
Целую дочку.
Вот и сказочке конец.
Я твой любящий отец.

Под ними художник нарисовал портрет Е.В. Лунёва (*Лунёв В.* «От отца – письмо Алёне...» // Папины письма: Письма отцов из ГУЛАГа к детям / Авт.-сост.: А. Козлова, Н. Михайлов, И. Островская, С. Фадеева. М.: Книги WAM, 2014. С. 82–91).

и бабушкой в эвакуации в Самарканде, а потом в Москве в комнате в огромной коммуналке; затем шестиметровая комната в бараке, в которой она жила вдвоем с матерью в послевоенной нищей Москве... За годы, прошедшие с первого ареста отца, она видела его всего лишь дважды, благодаря его кратковременным командировкам: в 1943 и 1948 г. Правда, запомнила она эти краткие встречи на всю жизнь: когда отец приехал в Самарканд в 1943 г., он привез ей настоящую куклу – это было чудо, потому что девочки играли куклами, сшитыми из тряпок, с лицами, нарисованными чернильным карандашом; а приехав в Москву, он повел всех троих: Лену, ее маму и бабушку – в ресторан «Седьмое небо», и это тоже было чудом: до этого Лена никогда не была в ресторане (и, как она говорила, много лет после этого тоже не была).

Через три года после этой встречи с отцом произошло ключевое событие ее жизни: в 1951 г. ученицей девятого класса она участвовала в I Олимпиаде по языку и литературе для школьников, организованной филологическим факультетом МГУ, и впервые увидела Андрея Зализняка. Он получил первую премию, она – третью. Весной 1952 г., в конце десятого класса, на такой же олимпиаде они оба заняли первое место.

Они встретились снова и познакомились уже студентами романо-германского отделения филологического факультета МГУ. Андрей поступил на английское отделение, Лену приняли на испанское, но через полгода она добилась перевода в его группу. Больше они не расставались, за исключением сентября 1956 – июля 1957 г., когда на четвертом курсе Андрея как одного из самых блестящих студентов послали по обмену учиться в Сорбонну. В 1958 г. Лена и Андрей поженились, а в 1959 г. у них родилась дочь Анна.

Еще на втором курсе университета Лену Падучеву заметила О.С. Ахманова, ставшая после смерти А.И. Смирницкого в 1954 г. заведующей кафедрой английского языка. Ольга Сергеевна Ахманова была крайне противоречивым и неоднозначным человеком, в разные годы проявлявшим себя по-разному и поворачивавшимся к разным людям разными своими сторонами, но в судьбе Е.В. Падучевой она сыграла, безусловно, положительную роль, и Елена Викторовна всегда говорила о ней хорошо. Как рассказывала Елена Викторовна, Ахманова повсюду брала ее с собой, приводила к себе домой и подолгу разговаривала с ней о лингвистике. По сути, это были монологи Ахмановой, которые та всегда заканчивала словами: «Приятно поговорить с умным человеком». Она оказалась провидицей: представила Лену – еще студентку – приехавшему в Москву Роману Якобсону и сказала: «Вот будущая звезда советской лингвистики!» Но во время распределения Лене неожиданно аукнулось лагерное прошлое ее отца. На нее пришло две заявки –

одна от лаборатории электромоделирования, другая, организованная О.С. Ахмановой, от издательства словарей. В отличие от Ахмановой, бывший тогда заместителем декана филологического факультета А.Г. Волков даром предвидения не обладал, и будущее талантливой выпускницы его не беспокоило. Он сказал: «Ну вот, Падучева обзавелась заявками, а мы эти заявки не удовлетворим, мы ее направляем в железнодорожную школу Хабаровского края». Тогда Вячеслав Всеволодович Иванов, знавший Е.В. Падучеву как талантливую участницу своего семинара и занимавший важный пост редактора «Вопросов языкознания», вместе с О.С. Ахмановой пошел на прием в Министерство народного образования, и в результате заявка лаборатории электромоделирования была удовлетворена.

Впоследствии Вяч. Вс. Иванов рассказал Падучевой, что Ахманова отправилась узнать, в чем дело, к декану филологического факультета Р.М. Самарину, и тот сказал ей, что пришло анонимное письмо о том, что Падучева скрывает отца: репрессированного и еврея³.

Уже состоялся XX съезд, на котором Хрущев прочитал свой доклад о культе личности Сталина, уже во всех учреждениях прошли закрытые партсобрания, на которых читался этот доклад, уже был освобожден отец Елены Викторовны, – и все равно быть дочерью репрессированного значило иметь запятнанную биографию.

Лаборатория электромоделирования влилась в ВИНТИ, и Елена Викторовна проработала там почти до конца жизни. За годы, прошедшие с окончания университета, она защитила кандидатскую и докторскую диссертации и стала членом Американской академии наук и искусств, Европейского лингвистического общества и Грамматической комиссии Международного комитета славистов.

Если музыкальные данные и любовь к пению романсов Елена Викторовна унаследовала от отца, то страсть к научным исследованиям досталась ей от матери.

За свою жизнь Е.В. Падучева опубликовала десять книг: первую, «О точных методах исследования языка» (в соавторстве с О.С. Ахмановой, И.А. Мельчуком, Р.М. Фрумкиной) – в 1961 г. [Ахманова 1961]; последнюю, «Эгоцентрические единицы языка» – в 2018 [Падучева 2018]⁴. Ее первая статья на русском языке, рецензия на книгу Н. Хомского «Синтаксические структуры», была

³ Эти сведения основаны на устном рассказе Е.В. Падучевой, записанном Д. Сичиновой.

⁴ Список публикаций и докладов Е.В. Падучевой см. на сайте проекта «Лексикограф» (<http://lexicograph.ruslang.ru/>). Там же можно прочитать многие из написанных ею текстов.

напечатана в журнале «Вопросы языкознания» в 1959 г. [Падучева 1959]. С тех пор она опубликовала около 200 статей на русском языке и ряд статей, переводных и оригинальных, на иностранных – английском, французском, немецком и польском. Каждый год она читала по несколько докладов.

Это количество поражает тем более, что Елена Викторовна относилась к своим текстам с невероятной тщательностью. Рукописи бесчисленное количество раз правились ее тонким изящным почерком, сохранившим признаки английского безотрывного письма, которому учили в советской школе; правка в доклады вносилась до самого последнего момента; волновалась она перед каждым докладом ужасно.

С этим связан один забавный случай. В 1996 году мы вместе были на конференции по функциональной лингвистике в Кордове. Кордова – город-музей; ходить из гостиницы, в которой мы жили, в университет нужно было из одного конца города в другой по узким извилистым улочкам. Елена Викторовна ориентировалась по карте, а потом и без карты, прекрасно; я не ориентировалась совсем, поэтому мы повсюду ходили только вместе. Но в день своего доклада Елена Викторовна побежала в гостиницу – порепетировать доклад, который она должна была читать сразу после обеденного перерыва. Мне она мягко сказала: «На Вашем месте я бы никуда не ходила». Я ее не послушалась и вышла из внутреннего двора здания университета, в котором проходили заседания. Через пять минут я уже не понимала, где я нахожусь, и ни один человек не мог мне сказать, как попасть обратно. Не знаю, каким чудом мне удалось вернуться прямо к ее докладу, но в своем «подвиге» я Елене Викторовне не призналась.

Елена Викторовна относилась к чужим текстам так же, как к своим. В течение многих лет нашего сотрудничества я приносила ей рукописи своих статей – она была моим первым и главным читателем. Я получала их назад испещренными ее пометками. Она делала замечания по содержанию, заменяла отдельные слова, предлагала изменить структуру предложения и потом всё это обязательно комментировала при наших личных встречах.

Поражает и огромный диапазон ее научных интересов. Чтобы составить о нем представление, достаточно прочитать названия ее статей хотя бы за несколько лет. Они посвящены видо-временной системе русского глагола, семантике синтаксиса, русскому отрицанию, теории нарратива, теории референции, семантике русского глагола, дейктическим, а затем эгоцентрическим компонентам значения слова.

Особенность работ Е.В. Падучевой – в исчерпывающей полноте исследования выбранных ею тем и в новизне решения любых

проблем, которые ее интересовали⁵. Это верно и по отношению к лекциям о виде и времени глагола, которые она читала в разные годы в РГГУ и на Отделении теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ. От лекции до лекции проходила неделя, а Елена Викторовна приходила на каждую лекцию с новым исследованием.

Оригинальность работ Е.В. Падучевой по синтаксису заключается в том, что она применила к анализу синтаксических структур метод толкований подобно тому, как толкования применялись в лексической семантике: более сложные синтаксические конструкции порождались с помощью трансформаций более простых. Это позволило ей истолковать целый ряд конструкций: определительных, эллиптических, кванторных, конструкции с числительными и др. [Падучева 1974].

В работах Е.В. Падучевой, посвященных теории референции, были введены такие новые понятия, как прагматическая переменная и денотативный статус именных групп.

Понятие прагматической переменной позволило выделить среди класса дейктических слов четыре первичных параметра речевой ситуации: *я*, *ты*, *здесь* и *сейчас*, которые принимают фиксированное значение в контексте речевого акта.

Е.В. Падучева разработала классификацию денотативных статусов именных групп, что дало возможность проследить связь между денотативным статусом именной группы и синтаксической и коммуникативной структурой предложения. В этих же работах были уточнены понятия презумпции и ситуации, появилось понятие прагматической презумпции [Падучева 1977]⁶ и были рассмотрены основные типы ситуаций, что впоследствии сыграло важную роль при разработке описания семантики глагола в системе «Лексикограф».

О ее книге «Русское отрицательное предложение» [Падучева 2013] И.М. Богуславский написал, что она «по праву может считаться энциклопедией русского отрицания» [Богуславский 2016, с. 121], поскольку в ней представлены все явления и конструкции, так или иначе связанные с отрицанием. В частности, в книге рассматривается сфера действия отрицания, понятие контекста снятой утвердительности, противопоставление семантического и синтаксического отрицания, синтаксические типы отрицательных

⁵ Наиболее глубокий и полный анализ вклада Е.В. Падучевой в лингвистику сделан С.А. Крыловым в статье [Крылов 2008]. В своем дальнейшем изложении я во многом опираюсь на нее.

⁶ Прагматическая презумпция отличается от семантической презумпции тем, что помимо истинности предполагает знание говорящего.

предложений, отрицание при генитиве, типы нестандартного отрицания, внутрисловное отрицание, отрицание в противительной конструкции, в вопросительном предложении и др.

Больше, чем треть жизни Елены Викторовны Падучевой – почти тридцать лет – связаны с проектом «Лексикограф».

В основе проекта «Лексикограф» лежит высказанная Е.В. Рахилиной идея создания базы данных, которая позволила бы решать различные лингвистические задачи. Первоначально в работе над «Лексикографом» собралась большая группа лингвистов, которой руководила Е.В. Падучева (Г.И. Кустова, Р.И. Розина, С.Ю. Семенова, М.В. Филипенко, Н.М. Якубова, Т.Е. Янко), но впоследствии она сократилась до трех человек: Е.В. Падучевой (бессменного руководителя и идеолога проекта), Г.И. Кустовой и Р.И. Розиной, а первоначальный план создать базу данных существительного и глагола сузился до базы данных глагола. С другой стороны, сначала предполагалось, что в базе данных будет указан только тематический класс каждого слова, а в итоге была разработана система описания значения глаголов и написано множество словарных статей глаголов разных тематических классов.

В основе «Лексикографа» лежит представление современной лингвистики о том, что лексика является системой наряду с другими уровнями языка, такими, как грамматика или фонетика. Системность лексики обеспечивается, с одной стороны, повторяющимися смысловыми компонентами (такими как ‘знать’, ‘видеть’, ‘двигаться’, ‘начаться’, ‘причина’, ‘предмет’), а с другой – параметрами лексического значения. В число параметров входит таксономическая категория глагола (действие, процесс, состояние, происшествие), тематический класс (глаголы речи, глаголы деформации, ментальные глаголы и др.), участники ситуации, у которых есть семантические (Агенс, Пациенс, Субъект восприятия, Средство и др.) и синтаксические роли. В «Лексикографе» различаются центральные синтаксические роли: Субъект и Объект, периферийные роли и роль «за кадром» – для тех случаев, когда участник, имеющий какую-либо семантическую роль, не получает поверхностно-синтаксического выражения. В число параметров входит также диатеза (соотношение между семантическими и синтаксическими ролями участников обозначаемой ситуации) и таксономический класс участника (лицо, физический предмет, масса и т.п.).

Другая идея, которая была положена в основу «Лексикографа», – это идея о том, что значения связаны друг с другом, и эта связь может быть представлена как сдвиг одного или нескольких параметров. Так, например, различие между значениями глагола *украшать* в примерах *Дети украшают ёлку* и *Игрушки украшают ёлку* определяется сдвигом таксономической категории глагола от

действия в первом примере к состоянию во втором. А примеры *Он разбил мою чашку* и *Он разбил моё сердце* демонстрируют сдвиг тематического класса участника с физического предмета на орган человека.

Для каждой таксономической категории глагола была разработана схема толкования, включавшая такие части, как презумпция, ассерция и импликация (следствие). Единообразное представление структур и компонентов значений глагола позволило демонстрировать сходство глаголов одной таксономической категории, анализировать сдвиги, происходящие при переходе глагола из одной категории в другую, выводить одно значение из другого в рамках одной таксономической категории и отвечать на вопросы о том, как связано лексическое значение глагола и его таксономическая категория, таксономическая категория и аспектуальное поведение глагола и т. п.

Результаты теоретической работы над созданием системы «Лексикограф» и практического описания целого ряда глаголов с помощью принятых в «Лексикографе» параметров отражены в книге Е.В. Падучевой «Динамические модели в семантике лексики» [Падучева 2004]⁷.

Последняя книга Елены Викторовны, «Эгоцентрические единицы языка» [Падучева 2018], обобщает ее исследования по теме, к которой, как и к некоторым другим (видо-временной системе русского глагола и генитиву при отрицании), она обращалась не один раз. Эгоцентрические единицы языка (эгоцентрики) – это такие слова, грамматические категории и синтаксические конструкции, семантика которых включает говорящего. Впервые Е.В. Падучева обратилась к этой теме в статье [Падучева 1993]. В этой статье рассматриваются ипостаси говорящего в связи с различными режимами интерпретации дейктических элементов: в речевом режиме говорящий – реальный; в нарративном говорящий – автор или персонаж художественного произведения; в синтаксическом говорящий – подлежащее подчиняющего предложения, например, *Иван говорит, что в этот момент на дороге показался я* [Падучева 1993, с. 37]. Основные типы эгоцентрических единиц, субъективная модальность и вводность рассматривались в книге [Падучева 1996]. В ней вводится понятие первичных и вторичных эгоцентриков и проводится чрезвычайно важное разграничение говорящего и наблюдателя как имплицитного говорящего; разграничиваются два смысла термина «говорящий» в лингвистической семантике: «говорящий» как говорящее лицо – участник канонической ком-

⁷ Детальное изложение основных идей книги см. в рецензии Д.О. Добровольского [Добровольский 2006].

муникативной ситуации и «говорящий» как роль. В книге [Падучева 2004] было показано, что глаголы звука являются эгоцентрическими, так как предполагают воспринимającego субъекта; рассматривались эгоцентрические глаголы движения (англ. *come* и русск. *прийти*) и эгоцентрические модели времени. В книге [Падучева 2018] собраны исследования последних лет, к которым добавлена отдельная часть о модальности. Глава 12-я этой книги «Частица ЖЕ – семантика, синтаксис, просодия» представляет собой сокращенный перевод статьи [Paducheva 1987], которая никогда не публиковалась по-русски.

Жанр некролога не позволяет мне подробно остановиться на всех аспектах многогранного творчества Елены Викторовны Падучевой. В частности, за кадром остаётся «лотмановская» линия ее работ по нарратологии, представленная во второй части книги [Падучева 1996], и анализ структуры конкретных текстов, например [Падучева 1984] и [Падучева 2005].

Быть рядом с Еленой Викторовной значило быть свидетелем рождения идей современной лингвистики. Огромное научное наследие, которое оставила Е.В. Падучева, будет изучаться и, возможно, со временем будет понято еще глубже и оценено еще выше. А те, кто близко знал ее лично, будут помнить, помимо ее замечательных докладов, ее легкую походку, заразительный смех, звучный голос и молодой блеск в глазах.

Благодарности

Я благодарю Д.В. Сичинаву за предоставленную мне запись рассказа Е.В. Падучевой и Анну А. Зализняк за вдумчивое прочтение текста моей статьи и сделанные ею дополнения, уточнения и замечания.

Acknowledgements

I am grateful to Dmitrii V. Sichinava for providing access to his recording of Elena V. Paducheva's story of her life circumstances and to Anna A. Zalizniak for her thoughtful and critical reading of my manuscript, adding some details and making it more precise.

Литература

- Ахманова 1961 – Ахманова О.С., Мельчук И.А., Падучева Е.В., Фрумкина Р.М. О точных методах исследования языка. М.: МГУ, 1961. 162 с.
- Богуславский 2016 – Богуславский И.М. Рецензия на кн.: Падучева Е.В. Русское отрицательное предложение. М.: Языки славянской культуры, 2013 // Вопросы языкознания. 2016. № 2. С. 121–127.

- Добровольский 2006 – *Добровольский Д.О.* Рецензия на кн.: Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004 // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 101–109.
- Крылов 2008 – *Крылов С.А.* Динамические модели в грамматике и лексике: Вклад Елены Викторовны Падучевой и ее школы // Динамические модели: слово, предложение, текст: Сб. ст. в честь Е.В. Падучевой / Ред. А.В. Бондарко, Г.И. Кустова, Р.И. Розина. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 1009–1024.
- Падучева 1959 – *Падучева Е.В.* Рецензия на кн.: Н. Хомский. Синтаксические структуры // Вопросы языкознания. 1959. № 1. С. 133–137.
- Падучева 1974 – *Падучева Е.В.* О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. [2-е изд., испр. и доп.]. М.: КомКнига, 2007. 291 с.
- Падучева 1977 – *Падучева Е.В.* Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. Вып. 8 / Ред. А.И. Михайлова. М.: ВИНТИ, 1977. С. 91–124.
- Падучева 1984 – *Падучева Е.В.* О семантических связях между басней и ее моралью // Паремнологические исследования: Сб. ст. / Сост. Г.Е. Пермяков. М.: Редакция восточной литературы, 1984. С. 224–252.
- Падучева 1993 – *Падучева Е.В.* Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. № 3. С. 33–44.
- Падучева 1996 – *Падучева Е.В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. [2-е изд.]. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.
- Падучева 2004 – *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 607 с.
- Падучева 2005 – *Падучева Е.В.* Игра со временем в первой главе романа В. Набокова «Пнин» // Язык. Личность. Текст: Сборник статей к 70-летию Т.М. Николаевой / Ред. В.Н. Топоров. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 916–931.
- Падучева 2013 – *Падучева Е.В.* Русское отрицательное предложение. М.: Языки славянской культуры, 2013. 304 с.
- Падучева 2018 – *Падучева Е.В.* Эгоцентрические единицы языка. М.: Языки славянской культуры, 2018. 430 с.
- Снегов 1991 – *Снегов С.А.* Язык, который ненавидит. М.: Просвет, 1991. 251 с.
- Paducheva, E.V. (1987), “La particule *ŽE*: semantique, syntaxe et prosodie” in *Les particules énonciatives en Russe contemporain*, Vol.3, Institut d’Études Slaves, Paris, France, pp.11-44.

References

- Akhmanova, O.S., Mel’chuk, I.A., Paducheva, E.V. and Frumkina, R.M. (1961), *O tochnykh metodakh issledovaniya yazyka* [On the exact methods of language analysis], MGU, Moscow, Russia.
- Boguslavskii, I.M. (2016), *Retsenziya na knigu: Paducheva E.V. Russkoe otritsatel’noe predlozhenie. M.: Yazyki slavyanskoj kul’tury, 2013* [Review of the book: Paducheva,

- E.V. (2013), The Russian negative sentence. *Yazyki slavyanskoi kul'tury*, Moscow, Russia], *Voprosy yazykoznaniiya*, 2, pp. 121-127.
- Dobrovolskii, D.O. (2006), *Retseziya na knigu: Paducheva E.V., Dinamicheskie modeli v semantike leksiki, M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004* [Review of the book: Paducheva, E.V. (2004), Dynamic patterns in lexical semantics, *Yazyki slavyanskikh kul'tur*, Moscow, Russia], *Voprosy yazykoznaniiya*, 2, pp. 101-109.
- Krylov, S.A. (2008), Dinamicheskie modeli v grammatike i leksike: Vklad Eleny Viktorovny Paduchevoi i ee shkoly [Dynamic patterns in grammar and lexicon: The contribution of Elena Paducheva and her school], in Bondarko, A. V., Kustova, G.I. and Rozina, R.I. (ed.), *Dinamicheskie modeli: slovo, predlozhenie, tekst* [Dynamic patterns: word, sentence, text], *Yazyki slavyanskikh kul'tur*, Moscow, Russia, pp. 1009-1024.
- Paducheva, E.V. (1959), *Retseziya na knigu: N. Khomskii. Sintaksicheskie struktury* [Review of the book: N. Chomsky. Syntactic structures], *Voprosy yazykoznaniiya*, 1, pp. 133-137.
- Paducheva, E.V. (1974), *O semantike sintaksisa. Materialy k transformatsionnoi grammatike russkogo yazyka* [On the semantics of syntax. Materials for the transformational grammar of the Russian language], Nauka, Moscow, Russia (the 2nd edition, revised and supplemented, KomKniga, Moscow, Russia).
- Paducheva, E.V. (1977), "Ponyatie prezumptsii v lingvisticheskoy semantike" [The notion of presumption in linguistic semantics], in *Semiotika i informatika* [Semiotics and information science], vol. 8, Mikhaylova A.I. (ed), VINITI, Moscow, Russia, pp. 91-124.
- Paducheva, E.V. (1984), "O semanticheskikh svyaziakh mezhdubasney i ee moral'yu" [On the semantic relationship between a fable and its moral], in Permyakov, G.E. (ed), *Paremiologicheskie issledovaniya. Sbornik statey* [Paremiological studies. A collection of articles], Redaktsiya vostochnoy literatury, Moscow, Russia, pp. 224-252.
- Paducheva, E.V. (1987), "La particule ŽE: semantique, syntaxe et prosodie" in *Les particules énonciatives en Russe contemporain*, Vol.3, Institut d'Études Slaves, Paris, France, pp.11-44.
- Paducheva, E.V. (1993), "Govoryashchii kak nablyudatel': ob odnoi vozmozhnosti primeneniya lingvistiki v poetike" [The speaker as the observer: about a possible application of linguistics in poetics], *Izvestiya RAN, Seriya literatury i yazyka*, 3, pp. 33-44.
- Paducheva, E.V. (1996), *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Studies in semantics. Russian tense and aspect semantics. Semantics of narrative], *Yazyki slavyanskoy kul'tury*, Moscow, Russia (the 2nd edition, 2010).
- Paducheva, E.V. (2004), *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic patterns in lexical semantics], *Yazyki slavyanskoi kul'tury*, Moscow, Russia.
- Paducheva, E.V. (2005), "Igra so vremenem v pervoy glave romana V. Nabokova «Pnin»" [Playing with time in the first chapter of V. Nabokov's novel "Pnin"], in Toporov, V.N. (ed.), *Yazyk. Lichnost'. Tekst. Sbornik statey k 70-letiyu T.M. Nikolaevoi* [Language. Personality. Text. Festschrift in honour of the 70th birthday of T.M. Nikolaeva], *Yazyki slavyanskoy kul'tury*, Moscow, Russia, pp. 916-931.
- Paducheva, E.V. (2013), *Russkoe otritsatel'noe predlozhenie* [The Russian negative sentence], *Yazyki slavyanskoy kul'tury*, Moscow, Russia.
- Paducheva, E.V. (2018), *Egotsentricheskie edinitsy yazyka* [Egocentric language units], *Yazyki slavyanskoy kul'tury*, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Raisa I. Rozina, доктор филологических наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, Москва, Россия; 119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; rarozina@yandex.ru

Information about the author

Raisa I. Rozina, Dr. of Sci. (Philology), Viktor Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 18/2, Volkhonka Street, Moscow, Russia, 119019;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; rarozina@yandex.ru

УДК 811.21

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-7-154-159

Фестиваль языков Индии (РГГУ, 28 апреля 2019)

Анна В. Белова

*студентка 2-го курса Института лингвистики РГГУ,
Москва, Россия, anabella.and.me@gmail.com*

Для цитирования: Белова А.В. Фестиваль языков Индии (РГГУ, 28 апреля 2019) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 7. С. 154–159. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-7-154-159

*For citation: Belova, A. (2019), "The Indian Languages Festival (April 28, 2019, RSUH)", *RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"*, Series, no. 7, pp. 154-159, DOI: 10.28995/2686-7249-2019-7-154-159*

The Indian Languages Festival (RSUH, April 28, 2019)

28 апреля 2019 г. в Российском государственном гуманитарном университете прошел Фестиваль языков Индии, организованный студентами направления «Фундаментальная и прикладная лингвистика» Института лингвистики РГГУ и Антоном Соминим, старшим преподавателем кафедры теоретической и прикладной лингвистики ИЛ РГГУ. Мероприятие состоялось при поддержке Культурного центра им. Джавахарлала Неру (JNCC) при посольстве Индии в России.

Фестиваль языков – это научно-популярное мероприятие, основу которого составляют лекции-презентации различных языков, рассчитанные на неподготовленную аудиторию. Согласно формату языкового фестиваля, за сорок минут презентатор какого-либо языка успевает не только рассказать о самых интересных фактах из его истории, грамматики и лексики, но и дать слушателям «пощупать» язык: выучить песню или детскую считалку,

попробовать записать своё имя незнакомой красивой графикой или даже перевести недлинную фразу. Идея мероприятия подобного формата принадлежит американскому эсперантисту и лингвисту, общественному деятелю Дэнису Кифу (Dennis Keef). Он организовал первый фестиваль в городе Тур во Франции в 1995 году. С тех пор разнообразные языковые фестивали уже почти четверть века проводятся в разных странах и городах. Например, Московский международный фестиваль языков проходит регулярно с 2003 года и неизменно радует посетителей. В свете вышесказанного может сложиться впечатление, что апрельское мероприятие в РГГУ – событие хоть и ценное, но довольно заурядное, не стоящее долгого рассказа. И всё же оно отличалось от прочих, ему подобных. Во-первых, необычным его делала тематика: фестиваль, посвящённый исключительно языкам, распространённым на территории Индии, ещё ни разу не проводился в Москве. Во-вторых, этот фестиваль был задуман и практически полностью организован первокурсниками-лингвистами, не имеющими ни малейшего опыта в подобных делах.

Известно, что в Индии, по разным подсчётам, от 200 до 2000 языков, принадлежащих к различным языковым семьям. Большая часть населения Индии говорит на языках индоарийской ветви индоевропейской семьи. Эти языки занимают северную часть субконтинента. На юге преобладают языки дравидийской семьи. В восточной части Индии есть несколько небольших ареалов распространения австроазиатских языков ветви мунда, на севере в Гималаях живут носители тибето-бирманских языков, а на островах в Бенгальском заливе туземцы разговаривают на андаманских языках. Все эти языки очень разнообразны по своей лексике, фонетике, структурным особенностям и в то же время взаимно влияли и влияют друг на друга. В Индии очень распространено многоязычие, и для среднего индийца обычное дело использовать, в зависимости от ситуации, от трёх до пяти разных языков. Восхищённые этими фактами (а также вдохновлённые посещением XIII Московского международного фестиваля языков), первокурсники ФиПЛ, изучающие хинди, решили, что языковое разнообразие Индии заслуживает отдельного специализированного маленького фестиваля. При неограниченной моральной и информационной поддержке своего преподавателя (и одного из организаторов больших языковых фестивалей в Москве и Минске) Антона Сомина студенты проделали огромную работу по реализации своей задумки.

Три месяца оживлённой переписки и личных встреч с потенциальными лекторами, решения административно-бюрократических вопросов, продумывания всех мелочей от дизайна логотипа до наиболее удобного расположения аудиторий – и старания

студентов группы хинди превратились в лингвистический праздник замечательного масштаба. Надо добавить, что первокурсники ФиПЛ из арабской и португальской языковых групп тоже не остались в стороне: они встречали гостей фестиваля, украшали индийскими тканями фотозону, напекли для гостей целую гору индийских пирожков-самоса с картошкой и специями, нашли прекрасную художницу, которая в течение всего фестиваля без отдыха рисовала на руках и лицах всех желающих мехенди – традиционные индийские рисунки хной.

Неподдельную атмосферу Индии посетители фестиваля ощутили уже на открытии благодаря музыкантам из Культурного центра им. Джавахарлала Неру. Ashish Mishra и его ученица Татьяна Леонова впечатлили всех мастерством, исполнив ряд музыкальных зарисовок на традиционных индийских инструментах – таблах и ситарах.

Программа фестиваля состояла из шести блоков, в каждом из которых параллельно шло три-четыре сорокаминутные лекции. Пятнадцать лекций представляли различные языки Индии – древние и современные, многочисленные и миноритарные, имеющие долгую традицию изучения и практически не изученные, обладающие богатой письменной литературой и бесписьменные, но с уникальной фольклорной традицией. Также пять лекций было посвящено более широким лингвистическим и индологическим темам.

О самом известном из языков Индии – хинди – рассказывала Евгения Ренковская, научный сотрудник Института востоковедения РАН. Из её лекции слушатели узнали о реальном географическом распределении хинди на территории Индии, о том, как устроена письменность деванагари, о соотношении санскритских, арабских и персидских заимствований, о сложной системе числительных в хинди.

Язык гималайских горцев – кумаони – тоже презентовала Евгения Ренковская, которой в качестве полевого лингвиста довелось пожить в небольшой кумаонской деревне на границе Индии, Непала и Тибета. Кумаони относится к «центральный» языкам ветви пахари индоарийской группы, используемым в штате Уттаракханд. Евгения объясняла, что такое «горные» и «высокогорные» языки, говорила об особенностях культуры кумаонцев, об их фольклоре, о том, как народные песни-ньюли отражают быт и традиции этого народа.

Ещё две лекции о редких языках Евгения прочла совместно со своей коллегой Анастасией Крыловой, также научным сотрудником ИВ РАН. Обе они являются участницами лингвистических экспедиций, отправляющихся в штат Орисса, чтобы собрать материал о языках группы мунда. На лекции о языке племени гутоб иссле-

довательницы рассказали, как женщины этого племени общаются между собой при помощи песен-импровизаций, как гудоб сохранили свой язык до наших дней и почему сейчас стали его терять. А на лекции, посвящённой языку сора, можно было узнать о том, почему у этого языка целых пять письменностей, как появился религиозный культ автохтонной письменности Матар Баном, как выглядит иддигаль – изобразительное искусство этого племени, – и о традиции сора сопровождать рассказ рисунками. Подробнее о нюансах полевых исследований среди коренного населения Индии рассказал Алексей Иванов, кандидат исторических наук, преподаватель РГГУ, в своей лекции «Как общаться полевому этнографу с племенами мунда?».

Анастасия Крылова также прочла увлекательнейшую лекцию о письменностях Индии: о том, что такое абугида, как научиться читать эти изящные завитушки и определять по их начертанию язык и регион Индии.

Презентацию ещё одного маленького горного языка – кулли – Анастасия Крылова провела вместе с Юлией Мазуровой, кандидатом филологических наук, старшим научным сотрудником Института языкознания РАН. Кулли – индоарийский язык, один из «западных пахари» (эти языки также называются «химачальские пахари», по названию штата распространения – Химачал-Прадеш). Именно в долине Кулли обосновалась семья Рерихов после переезда в Индию, так что это место стало своеобразным культурным мостом между Индией и Россией – об этом гости фестиваля узнали из презентации. А ещё о том, как выглядят рукописи на древней письменности тангри и как их читать. Эта лекция, как и все лекции полевых лингвистов, сопровождалась видеоматериалами, привезёнными из экспедиций.

Санскрит, язык древнейшей лингвистической традиции, презентовал кандидат филологических наук, независимый исследователь и популяризатор науки Игорь Мокин. На лекции (как и обычно на всех его лекциях на ММФЯ) был аншлаг, с трудом поместились в аудиторию все желающие узнать о том, сколько санскритских заимствований вошло в международный лексикон, о внутренних и внешних сандхи и крайней степени флективности, а также о программировании в бесписьменную эру.

Про урду, «брата-близнеца» хинди, прочла лекцию Анастасия Киняева, изучавшая этот язык в университетах Москвы, Нью Дели и Лондона. Ещё из индоарийских языков Индии на фестивале были представлены гуджарати в его парсийском варианте (его презентовал Антон Зыков-Генке, аспирант Национального института восточных языков и культур Сорбонны и Франкфуртского университета) и авадхи – язык, на котором говорят на родине бога Рамы

(о поэте Тулсидасе и о его версии «Рамаяны», написанной на авадхи, рассказал Максим Демченко, кандидат культурологии, доцент МГЛУ).

Три языковых презентации на фестивале было посвящено языкам дравидийской семьи. Анна Смирнитская, научный сотрудник ИВ РАН, презентовала распространённый на юге Индии тамильский язык – один из древнейших классических языков в мире, имеющий долгую письменную историю и чрезвычайно богатую литературную (особенно поэтическую) традицию. Также Анна прочла лекцию о языке курух (или ораон) – бесписьменном языке, на котором говорят на нагорьях штата Джаркханд. Николай Гордийчук, научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук при РАН, провёл презентацию языка малаялам, близкого родственника тамильского. Он рассказал о самобытных традициях штата Керала, где говорят на малаялам, об истории письменностей этого языка и о влиянии на его формирование литературного стиля «маниправалам» (смеси санскрита с тамильским).

Невероятно интересной была лекция научного сотрудника ИЯ РАН Евгении Коровиной «Что можно сказать о языке хараппской цивилизации?». В лекции рассказывалось о том, что лингвисты до сих пор не могут дешифровать надписи на печатях, которые были найдены в заброшенных городах, оставшихся от древней цивилизации долины Инда, и язык, на котором говорили жители Хараппы, по сей день остаётся неизвестным. Второй лекцией Евгении на фестивале была презентация языка джарава, относящегося к южной группе андаманских языков, которые не имеют родственных связей с какими-либо другими языками мира. На языке джарава говорит менее 500 человек на Андаманских островах, являющихся союзной территорией Индии.

Тибето-бирманская группа была представлена на фестивале двумя языками. О тибетском целых две лекции прочла Тамара Илюхина, переводчик, исследователь и популяризатор этого языка. Классический тибетский на сегодняшний день является несомненной частью культуры Индии, так как именно в Индии проживает духовный лидер последователей тибетского буддизма Далай-лама и находится правительство Тибета в изгнании. Никита Кузнецов, преподаватель и путешественник, рассказывал о языке манипури (или мейтей), носители которого живут на северо-востоке Индии в штате Манипур и, по преданию, ведут свой род от драконов, а ещё весьма трепетно относятся к традиционной уникальной письменности своего языка: в XX в. письмо мейтей-маек было вновь введено в обращение после того, как почти на 250 лет оно было вытеснено бенгальским письмом.

Гюзэль Владимировна Стрелкова, доцент кафедры индийской филологии ИСАА МГУ, кандидат филологических наук, в лекции «Литература на языках маратхи и панджаби» сделала краткий, но украшенный интересными деталями обзор многолетней литературной традиции этих языков. А выпускница ИСАА МГУ и исполнительница индийского классического танца бхаратанатъям Наталия Бутырская прочла лекцию о языке пантомимы и хореографии – о языке индийского танца, с помощью которого рассказывают легенды о богах и истории о любви.

Основными целями фестиваля стали популяризация науки, привлечение внимания широкой публики к языковому и культурному богатству Индии, создание условий для знакомства и потенциального профессионального сотрудничества действующих и будущих лингвистов и индологов. Хочется надеяться, что эти цели были достигнуты. Фестиваль собрал более ста гостей, оставив у посетителей весьма благоприятные впечатления – и у тех, кто впервые прикоснулся к языковому разнообразию и культуре Индии, и у тех, кто профессионально занимается вопросами индологии и лингвистики. Об этом можно судить как по отзывам в соцсетях, так и по анкетированию, проводившемуся среди гостей, в котором преобладают высокие оценки качества и увлекательности прослушанных лекций. Многие при заполнении анкет проголосовали за возможность повторения фестиваля или же за превращение мероприятия в ежегодное.

Информация об авторе

А.В. Белова, студентка 2-го курса, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6

Information about the author

Belova A., a second year student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка

М.Е. Заболотникова

Подписано в печать 15.08.2019.

Формат 60×90¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 10,5. Усл. печ. л. 10,0.

Тираж 1050 экз. Заказ № 731

Издательский центр

Российского государственного

гуманитарного университета

125993, Москва, Миусская пл., 6

www.rggu.ru

www.knigirggu.ru